

**День
Поэзии**

LVII

**ВОРОНЕЖСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

26 марта 2013 г. 6-7 (2502-2503)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Добро пожаловать!

И
ДОЛГО БУДУ
ТЕМ ЛЮБЕЗЕН
Я НАРОДУ.
ЧТО ЧУВСТВА ДОБРЫЕ
Я ЛИРОЙ ВЫЖДАЛА

А.С. ПУШКИН

Поэзия как мистерия

*...Не тот поэт, кто рифмы плетсть умеет
И, перьями скрывя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать...*

А. С. Пушкин

Поэзия, думается мне, это своеобразная проверка человека на человечность. Вся литература является, конечно же, поводом для бесед о жизни, о людях. Но что-то в ней может быть глубоко философским и оттого немного отстранённым от нас, достижимым не сразу. Что-то, наоборот, легковесным и сюсюминутным, а потому — быстро забываемым. И только поэзия в этом отношении даёт нам возможность идти прямо к Человеку и Человеческому. Вспомню здесь романтиков, которые были совершенно правы, когда чувствовали за поэтическими строчками великую мистику духа и жизни!

И такое тайное священнодействие открывается читающему наш альманах. Он ведь не просто пробегает глазами напечатанное, бессознательно регистрируя имена, фамилии, названия стихов. Нет, он включается в особенную работу души, ищет созвучий между своим и только что познанным! И если это у него получится... «Слова подсказывая мне, в травинках зазвенел кузнечик» (В. Любачев) — вы слышите? Вы умеете не слушать, но слышать?

Может быть, кому-то «поэты» кажутся странными. Да, наверное. Я знаю, что многие целый год ждут нашего дня, нашего Дня Поэзии ВГУ. И многим это ожидание напоминает особенную дорогу. Как написала Л. Альпатова, «люди странны, если, странник, ты по жизни и бредёшь». Поэзия — духовное странничество, богато одаряющее того, кто на него решится. И потому как же приятно видеть озарённые особенным внутренним светом лица людей, снова — спустя ещё один год — приходящих в университет, чтобы читать, слушать, чувствовать!

Не будь слово Словом, ничего этого не было бы. И здесь нам открывается в стихах не только человеческое,

но и то, что выше. То, что наполняет собою простые сочетания букв, даруя им смысл. Под обложкой альманаха — разные строчки: и по строфике, и по ритму, и по тематике. Живое слово пульсирует многообразием жизни. Где-то оно — любовное, где-то зазорное, где-то исполненное высокого патристического пафоса, а иной раз и абстрактно-философское. И везде — живое. Даже когда поэт стоит в отдалении. «Я люблю на перроне стоять в стороне, наблюдать незаметно» (В. Болгов). Даже, когда он смотрит внутренним зрением на «мелочи»: «Издавна — детали быта, мелочёвка, на первый взгляд...» (В. Батраченко). Отдаление не означает безразличия, отчуждения. И мелочь перестаёт быть мелочью, если есть обретение искренности и себя. «Ведь состояние души купить не сможешь ты за злато» (Е. Смолицкая).

Подборка стихов этой встречи — в значимый, юбилейный для университета девяносто пятый год существования! — показала мне особенной. Охватить взглядом всю широту художественных, идейных поисков и выразить её в одном предложении вряд ли возможно. Однако у всех авторов мне открывалось страстное желание увидеть в мире не мимолётное, но настоящее. Обычное слово — от людей, а Слово — от Бога. И вот к этому высшему, к Слову, и стремилась поэтическая душа. Посмотрите: человека «с несгоревшей совестью» ищет В. Рахманин... «Ну, как уснуть в себе ненастоящей?!» — спрашивает И. Сержантова...

Это вопросы высшего порядка. И такие стихи становятся и для автора, и для читателя проверкой, познанием, таинством.

Дмитрий ЧУГУНОВ

Бесценный дар — родное слово

*Мир полон звуков, красок, света...
Но кто поведаст об этом?
Кто наделён бесценным даром речи?
О, это ты, прекрасный Человеке!
Тебе дано нести Господне слово,
Оно всегда служить добру готово...*

*Не забывай и береги повсюду,
Как высший дар, как таинство и чудо.
Не оскверни хулой и непотребством,
И оправданием несправедного действия.
Недаром вложено оно в твои уста,
Благодаря ему ты Человеком стал!*

Галина ЦАРАКОВА

Чтобы помнили...

Анатолий АБРАМОВ
(1917—2005)

Родился в станице Качалинской Царицынской губернии. Окончил Саратовское художественное училище, а затем литературный факультет педагогического института в том же городе. Участник Великой Отечественной войны. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Автор девяти монографий по литературоведению. Многие годы работал в ВГУ. Член Союза писателей СССР с 1955 года. В Воронеже вышел сборник его стихов «И я вступаю в диалог»

ШЕЛТОЗЕРО, 1944

Вот здесь, в июне, на рассвете,
В дни наступленья, в том году
Шли в бой шелтозерские дети,
Чтоб отвести от нас беду.
Я видел вынутые ими
На Вознесенском большаке
Противотанковые мины,
А рядом — трупы на песке.
И тут же залитые кровью
Живые — в рывтинах по грудь...
Нет, не свинцом, они любовью
Бойцам прокладывали путь.
Потом я видел их в санбате —
Культишки рук и ног в бинтах...
И пусть мне говорят: мол, хватит,
Мы это знаем все и так.
Я должен все переупрямить,
Все помнить, бывшее окрест...
Тот, кто зачеркивает память,
На будущее ставит крест.

Адольф БЕЛЯЕВ
(1932—1975)

Родился в селе Михино Таловского района Воронежской области. Выпускник историко-филологического факультета (историческое отделение). Преподавал в школах Хабаровского края, города Змеиногорска Алтайского края, был сотрудником районной газеты а Липецкой области. Автор книг поэзии «Крылья», «Звездочет», «Атлантида», «Баллада о любви»

Связист

От грохота гложули вязы,
И вздрагивал раненый клен,
И яростно требовал связи
Державший район батальон.

Но трубка напрасно кричала
В уже неподвижной руке...
И было войны лишь начало,
Победа была вдалеке.

Над ним наклонились вязы,
Роняя печальную вязь.
Он с жизнью
остался без связи,
Но с Родиной выкрепил связь.

Он праведно кровь свою пролил,
Чтоб нам ощущать до конца
Прямой и торжественный провод,
Идущий сквозь наши сердца.

1945

Владлен ВОРОНЕНКОВ

(1926—1998)

Родился в городе Великие Луки. Служил в Военно-морском флоте. Выпускник отделения филологии историко-филологического факультета ВГУ. Работал учителем на селе, сотрудником районной, затем многотиражной газет. Публиковался в коллективных сборниках

Патефон

Мой старый патефон пылится.
И бесконечно ему снится
один и тот же длинный сон:
пластинка вертится, вертится,
и плачет Александр Вертинский
под долгий фортепьянный стон, —
«Авто»... «Лиловый негр»... «Притон»...
Он плачет и поет про то,
о чем не пел при нас никто.
Исчезли толстые пластинки —
давно забытые новинки.
Но вот однажды с теплым ветром
мелодии вернулись ретро,
и крутит вновь старик буффон
пластинки фирмы «Граммофонъ»,
несет тропическую бурю и океана маету,
крик парохода в Сингапуре,
сквозь сон — магнолию в цвету...
Он танго вечное играет,
пружиной стертою звеня,
и не поет — ко мне взывает:
— Мой друг, не покидай м-меня-я...

Анатолий КОБЗЕВ

(1945—2012)

Выпускник ВГУ (испанское отделение факультета романо-германской филологии). Был учителем, переводчиком на Кубе, преподавал в Кампучии. Его стихи переводились на испанский, немецкий и украинский языки. В Воронеже вышли поэтические книги «Час первой травы», «Поздние птицы», «Внутри взрыва». Член Союза писателей России

* * *

Пока живое сердце бьется,
Со мною до последних дней —
Весенний ветер,
грязь и солнце
Районной родины моей.

Все в жизни трудно достается:
Душа и хлеб,
любовь и стих,
Вода из дальнего колодца,
Звезда из глубей световых.

Но пусть останется все это —
Запаздывай, печальный срок! —
И детский утренний восторг,
И эта горькая планета,
Где жить и здравствовать я мог.

Александр НЕМИРОВСКИЙ

(1919—2007)

Родился в городе Тирасполе. Окончил исторический факультет МГУ, аспирантуру. Учился в Литературном институте имени Л. М. Горького (1938—1941). Участник Великой Отечественной войны. Доктор исторических наук, профессор. Преподавал в ВГУ. С 1978 года жил и работал в Москве. Автор более 70 книг по этрускологии, истории и культуре раннего Рима. Его перу принадлежат несколько поэтических сборников, книг исторической прозы. Член Союза писателей Москвы

Вот Россия

Голова под белую косынкою.
До чего же краски хороши!
Кажется, в нее плеснули синькою
Васильки, растущие во ржи.

Что глядишь ты на меня с опаскою?
Я не Змей Горыныч, не Кашей,
Странник я, замороженный сказкою,
Красотою вещью твоей.

Летом прихожу к тебе из города
И брожу среди твоих полей,
Осенью я восхищаюсь золотом,
Увядаanjem прелести твоей,

А зимою длинною за книгою,
Словно сыч, сижу я, запершись,
Дней своих перебираю миги я
И горжусь тобою,
давшей жизнь.

Виктор ОСКОЛКОВ

(1936—2007)

Родился в Воронеже. По окончании геологического факультета ВГУ работал по специально-

сти в Бурятии, затем — Липецкой геологоразведочной экспедиции, ныне АООР «Липецкгеопогия». Окончил аспирантуру. Стихи публиковались в коллективных сборниках, автор четырех поэтических книг. Член Союза писателей России

* * *

Еще сигнал не прозвучал
К смирению и отречению,
Еще последняя печаль
Не нависает тяжелой тенью.
Еще твоя всеильна власть,
Обманчивая жизнь земная...
На ветке капля золотая
Дрожит, готовая упасть.

Анатолий ПЕТРАШКЕВИЧ
(194 — 1971)

Родился в 1947 г. в городе Алексеевке Белгородской области. В 1970 году окончил вечернее отделение математического факультета ВГУ. Будучи студентом вечерником, два года работал лаборантом в Подгоренской средней школе, три года — в строительной бригаде колхоза «Подгорное». С октября 1970 года был ассистентом кафедры вычислительной математики ВГУ. В июне 1971-го трагически погиб

Мой дом

Земное перекрестье
И судеб и орбит.
Мой дом — с Землею вместе —
На месте не стоит.

Года минуя плавно,
А смену лет скачком,
Одним законом — Правдой
В движеньи увлечен.

Его не просто строили —
Надежно возвели.
Просторный, как история,
Он, словно мысль, звенит.

И нарастает сила
Рассветных алых крыл...
Я для себя Россию,
Как истину, открыл.

И не желаю тихо,
Как дерево, расти.
Лечу в парящем вихре
Под звездные дожди.

Аркадий ПОПОВ
(1938—2006)

Родился в Воронеже. Окончив геологический факультет ВГУ, около десяти лет проработал в Забайкалье, Оренбуржье, Казахстане, Воронежге геологом. Получил вторую специальность в МГУ — теория и история педагогики. Кандидат педагогических наук. Печатался в журнале «Подъём», коллективных сборниках «Рукопожатие», «Университетская муза» и других

* * *

Кольцов Алексей сыном прасола
Поднялся к вершине своей,
И словно аукнулся Прасолов
Ему через век — Алексей.

Один вызнал сердце народное,
Другой же — примерил к себе.
Но что-то означено сходное
У них на роду и в судьбе.

Им строчки, что набело прожили,
Людская подрезала спесь...
Что делать, поэты в Воронеже
Бессмертны, но кратки — как песнь.

Николай РОМАНОВ
(1903—1943)

Родился в городе Усмани Воронежской области. Выпускник математического отделения физмата ВГУ. Доцент, заведующий кафедрой физики ВИСИ, научный сотрудник Всесоюзного НИИ экспериментальной медицины, один из ближайших помощников академика И.П. Павлова. Сочинял музыку, стихи, хорошо рисовал. Автор поэтического сборника «Мой век»

Университет

На фронте герб висел крылатый,
Но какой он —
Вспомнить не могу...
Я встречал за этою оградой
Лишь всегда родное — ВГУ.

И совсем неопытным мальчишкой
На зачет, волнуясь и спеша,
Я летел сюда с зачетной книжкой
И ломал копые карандаша.

И друзья приветствовали встречу,
В коридоре сдержанно бурля,

А в саду на молодые плечи
Блеклый лист роняли тополя.

Жизнь нам ставит
 новые зачеты.
Эта юность нам затем дана,
Чтоб цвела великою работой
Нераспаханная сторона.

Но, свершая нужное задание,
Никогда забыть я не смогу
Желтое облупленное здание
И родное сердцу — ВГУ.

1927

Владимир СИСИКИН
(1941—2002)

Окончил филологический факультет ВГУ, режиссерский факультет Московского театрального училища имени Б.В. Щукина. Работал учителем, литсотрудником в редакции областной газеты «Молодой коммунар», режиссером Воронежского ТЮЗа, старшим преподавателем кафедры актерского мастерства ВГИИ. Один из организаторов и режиссеров Театра миниатюр ВГУ. Автор восьми книг стихов и прозы для детей. Член Союза писателей России

* * *

Сухая ночь,
Протяжный тонкий свист.
И лунный шар,
Обветренный и гладкий.
Скрежещет водосточная труба.
Как окровавленный кленовый лист
По опустевшей танцплощадке
Кружит меня моя осенняя судьба.
И он взлетает, падает и бьется,
И может... может, в ночь летящий,
Последним добрым ветром взвизгив,
К твоей щеке еще на миг прижмется
Продрогший, страстно шелестящий,
Косноязычный миг моей любви.

Инна ЧЕРНЫШЁВА
(1969—2005)

Родилась в селе Раково Курской области. Выпускница филологического факультета ВГУ. Работала учителем русского языка и литературы в воронежской гимназии № 9. Кандидат филологических наук. Вышли в свет ее сборники стихов «Упади, звезда, упади» и «По эту сторону дождя»

* * *

На улице весна. Мне восемнадцать,
Жизнь впереди.
И роза на окне.
Я знаю: мне так больше
Не влюбляться
И не спешить на встречу, как к тебе.

На улице весна. Мне двадцать восемь.
Жизнь впереди. И я люблю опять.
И одуванчик мне мой сын приносит,
Чтоб мне его с улыбкою отдать.

На улице весна. И мне под сорок.
Жизнь впереди. Не устаю любить.
И верю, что конец
Придет не скоро
И старости совсем не может быть.

Владимир ЧЕШОКОВ
(1935—2010)

Родился в г. Богучаре Воронежской области. После окончания геологического факультета ВГУ работал в Бурятии, потом вернулся в университет. Кандидат геолого-минералогических наук. Участник первого Дня поэзии ВГУ. Печатался в журнале «Байкал», коллективном сборнике «Университетская весна», газетах

* * *

Нет, не печальное прощанье,
Не горький запах увяданья —
Всегда неистовость горенья
Я вижу у берез осенних.

И снова снизу до вершины
Горят все ветви до единой.
Ложится наземь это пламя —
Земля пылает под ногами...

Мне каждый раз — как вдохновенье
Берез осеннее горенье.

Alma mater

К 95-летию Воронежского госуниверситета

Александр ДРОНОВ

Выпускник юридического факультета ВГУ

Гимн Воронежского университета

Служим России в Храме твоём,
Многие лета славу куём.
Новые зори встают над страной,
Мы и в грядущем — на передовой.

Припев-1

Университет воистину любимый.
Университет ты наш неповторимый.
Университет — венец добра и света,
Тебе, родной, желаем многие лета.

Припев-2

Многие лета, многие лета,
Многие лета и путь вековой.
Многие лета Университету,
Святыне земной — мы вместе с тобой.

Славься в Отечестве и процветай,
Символом города вечно сияй,
И зажигай звёзды вечной любви
Земли Черноземья, красивой земли.

Припев-1,2

Татьяна ЖИРОНКИНА

Выпускница химического факультета ВГУ, жи-
тель блокадного Ленинграда

Воронежскому университету

Ты вечно молод, светел, многолик,
задорны в коридорах голоса...
И я после несчастий, бед, на миг
иду к тебе — смотреть в твои
глаза.

Вновь вспоминаю молодость
свою,

Наукой чистой увлеченья жар,
Студенческую добрую скамью,
Доклад свой — Всесоюзный
семинар.

И мчались годы. Рос потенциал.
Со злобой зависть

выплеснулись вдруг...

Меня потом активно защищал
людей хороших узкий честный
круг.

Я выжила... Из трудной той
поры

пришли стихи, как новой жизни
дар.

А критики — и строги, и добры.
Меня Абрамов верой воспитал.

Наступит время разрушенья уз...
Тебе все лучшее в себе отдам.
В последний раз при жизни
поклонюсь,

Припав к твоим отеческим стопам.

Роман КРУТАКОВ

Биолого-почвенный факультет,
1 курс, 4 группа

Гимн Воронежского Государственного Университета

1

Ты стоишь, судьбой зачарован,
Мудростью возвышен на века.
В пламени мечтаний был основан,
Устремлён душою в облака.

Припев

Университет наш суровый и гордый
Цитаделью знания стал навсегда.
Первозданный храм, нерушимый и твёрдый,
Или же манящая, яркая звезда.

2

Под твоим крылом... легионы.
Армия науки рвётся в бой.
Роскошью мечты давно влекомый,
Ты позвал нас снова за собой.

Припев

3

Много тайн в себе ты скрываешь.
Ласков и заботлив, дом родной.
Каждый год студентам открываешь
Новый мир за каменной стеной.

Припев

Людмила КОЛЬЦОВА

Профессор филологического факультета ВГУ

Университету — девяносто пять

Это имя — «УНИВЕРСИТЕТ»

Мы всегда произносим с гордостью.
И его девяносто пять лет
Это вовсе не старость, а молодость.

Alma mater — большая Страна -
Мир мечты, и труда, и дерзания.
Здесь великие есть имена —
И тропинки к научному знанию.

Здесь живет необычный народ:
Он настойчиво и неизменно
Горький корень ученья — в плод
Превращает, питая смену.

Только **здесь** в этот рыночный век
И лингвист, и историк — нужен!
Здесь находит друзей человек,
Что с капризными Музами дружен.

Дом наш общий стоит, как скала,
В буйных волнах недоброго века.
Как спасенье — от смуты и зла —
Для бессмертной души человека.

Дух наживы — страшнее чумы,
И опасней, чем вихри черные.
И преграда ему — только мы,
Неподкупные и непокорные!

Бог не выдаст — и рынок не съест,
В архаизмы уйдет пословица:
«Homo homini — lupus est».
HOMO SAPIENS — восстановится!

Это — наша задача и цель,
Наша самая важная МИССИЯ.
Не для праздности — ЮБИЛЕЙ,
Для служенья — ДОБРУ и ИСТИНЕ.

Нам счастливая доля дана.
Перспектив — на столетие хватит.
С ЮБИЛЕЕМ тебя, Страна,
Наша славная ALMA MATER!!!

Нелли КУРОЛАП

Бывшая сотрудница химического
факультета ВГУ

Приветствие ветеранов-химиков

Сегодня отметим мы круглую дату —
ВГУ — девяносто пять!
И шлют вам привет ветераны химфака,
Ведь есть, что у нас вспоминать.

Когда мы пришли, шел год сорок девятый,
Разрушен был наш химфак.
Его из руин поднимали девчата,
А им помогали, конечно, ребята.
Осталось все в памяти так.

И мы отмечаем с тех пор все даты,
А жизнь все вперед идет,
Сначала — каждый десяток,
А нынче — так каждый год.

Мы помним — был ректором первым Глистенко —
Известно, он химиком был.
Сменил его химик — профессор Михантьев,
Интеллигентом слыл.

А после был ректором химик Мелешко,
Он создал для нас институт,
И долгие годы проректор Угай был —
Химик и химикам друг.

А Нейман, Шаталов, Тихонов, Галкин
— наши учителя —
Профессии нас научили
И в памяти нашей всегда.

Мы помним всех учителей,
Что нас пять лет учили,
И тех, кого в последний путь
С почетом проводили.

Без них бы не было побед,
Медалей (ВДНХ) и госпремий.
За это шлет им свой привет
Наше поколение.

Для нас же сейчас важнее —
Мы дружбу умеем беречь.
Дороже успехов в бизнесе
Нам радость взаимных встреч.
И вспомним мы годы юности
И наших ушедших друзей.
Мы остаемся верными
Успехам прошедших дней.
Бокалы сегодня поднимем,
Закусим, чем рынок пошлет,
И песню споем, что с юности
В памяти нашей живет:

Про сердце в солдатском ранце*,
Про верность красоте-жене**,
Про радость на жизненном марше,
О тебе, обо мне.

И молодежи шлют привет свой ветераны,
Желают им успехов на пути.
Но главное — друзья и друг сердечный —
Вот, что важнее всего им на пути найти.

Любите всегда «Альма-матер»,
Отметьте ее столетие.
Здоровья вам всем, друзья,
А ВГУ — долголетия.

январь 2013

Николай ПИСАРЕВСКИЙ

Профессор исторического факультета ВГУ

ВГУ

На крутом высоком берегу
Ты стоишь, как крепость, ВГУ!
Храм Науки, Мысли ее цвет.
Светоч знаний Университет.

Будь же лучше, чем ты уже есть
Наша гордость, слава, наша честь.
Процветай, живи вовек веков.
Alma Mater всех выпускников.

Связаны с Тобой одной Судьбой.
ВГУ — Ты вечно молодой.
Стальной Воли яростная новь.
Наша радость, счастье и любовь!

Славься Ректор и профессора.
Кандидаты и доценты, доктора.
Соискатели, дарящих знанье, мук
И строители фундамента наук
Ты — Надежда главная страны.
Преданы Тебе мы и верны.
Знаний нужных ярких, вечный свет.
Славься, славься Университет!

Аркадий ПРЕСМАН

Выпускник филологического факультета ВГУ,
автор многих поэтических книг, член Союза
русских писателей

День поэзии ВГУ

Отвыкая от зимних дат,
по-весеннему воздух прян.
Непоседливо — шумный март —
наш куратор и наш декан.

Из метафор непрочен мост,
и размыта развилка трасс,
потому как совсем не прост
путь затейливый на Парнас.

Только что нам туманный брег,
чуждальная сторона —
набирает крутой разбег
поэтическая весна.

Строки звонкие не тихи,
не найти романтичнее слов
но уже не прочтут стихи
и Никулин, и Чесноков...

* «Второе сердце» — строевая песня польских добровольных формирований в составе наших войск.

** Песня «Холостячкой жизнью я извелся».

А традиция не умрёт.
Перечёркивая пургу,
он врывается в мир забот —
День поэзии ВГУ!

Рудольф РУДЧЕНКО

Выпускник биологического факультета ВГУ
1964г. Живёт в Москве

Ода Воронежскому Государственному университету

Преподавателям ВГУ

О, Alma mater!
Alma mater —
Весёлой юности моей.

Животворящий,
Бурный кратер
Шальных студенческих идей.

Меж нами судеб кружева —

Дороги...
Годы...
Расстоянья...
Но Вам —

Лишь Вам мои слова
Любви сыновней
И признанья.

Вам —
Вам,
Моя родная,
Обязан, ох, как многим я.

Живу,
О Вас не забывая,
Средь круговерти бытия.

Хвала!
Хвала Вам —
Alma mater
Весёлой юности моей.

Неугомонный,
Гулкий кратер
Шальных студенческих идей.

Владимир ТУЛУПОВ

Профессор, декан факультета журналистики
ВГУ

Alma mater

* * *

Что в первый раз — то искренне волнует
И в памяти эмоцией живет.
Не помним первый шаг, но первым поцелуем
Осенены — пусть много лет пройдет...

Что в первый раз? Восход, закат, дорога,
И первый снег и первый тёплый дождь,
И первый друг, и встреча у порога,
И первая печаль, и первая любовь...

Как чистый лист пугает и тревожит!
Но он же и таинственно манит:
Он — чистый, новый, странный, непохожий,
Он целомудренно, загадочно молчит...
И мы, конечно же, космически рискуем,
Перо судьбы в чернила опустив:
Что выведем, напишем, нарисуем,
Каким получится у музыки мотив?..

Как многое случается впервые,
Как хочется всегда вперед и ввысь!
Мы все похожи, но мы все иные...
Начнём, рискнём, а там — рассудит жизнь...
1 сентября 2004 г.

Кануны

Когда-нибудь, на склоне ваших лет,
вы это время непременно вспомните,
и с острой ясностью поймёте вдруг, что нет
светлей страницы в жизни-многотомнике...
Вас запах юности встревожит, и тогда,
возможно, в поезд сядете, и снова,
оставив за спиной города,
помчитесь в Северный, на Хользунова...
И будет мысль пульсировать: «Нельзя,
нельзя сегодня опоздать к уроку...
Постой, будильник! Слышите, друзья:
бегу, лечу, успеть хочу до срока!».
И будет сердце радостно стучать:
какими были и какими стали!
И будете с печалью узнавать,
кого в пути навеки потеряли...
Но это в будущем (замри куда, грусть) —
вы все сегодня так бесстрашно юны.
Жизнь перед вами! Собирайтесь в путь!
Всё впереди! А за окном — кануны...

6 июля 2005 г.

* * *

Alma mater, Alma mater —
мать-кормилица,
Alma mater, Alma mater —
круг твой ширится:
дети буйные твои —
судьбы разные...
Ученичества бои
не напрасные.
Alma mater, Alma mater —
сердце юное,
Alma mater, Alma mater —
время бурное.
Разлетитесь кто куда,
потеряетесь,
но отныне и всегда
проверяетесь:
Alma mater позовёт
как из вечности,
и, как прежде, призовёт
к человечности.
«Дело — жизнь, а жизнь — дела» —
это правило,
Alma mater вас вела
и направила.
Впереди нелёгкий труд,
вёрсты пыльные,
правый и неправый суд —
будьте сильными!..

29 июня 2006 г.

* * *

Журфак приветствует тебя,
младая поросль!
Тебя ждут новые друзья,
другая скорость!
Ты школе не забудь отдать
свои поклоны —
у ВГУ ж другая статья,
свои законы.
Здесь ценят силищу ума —
умей стараться:
перелопатить книг тома
придётся, братцы.
Студентам крупно повезло —
их Кройчик встретит,
умеет пошутить он зло,
но и отметит
тех, кто талантлив и речист,
литературен,
и кто пред кафедрой чист,
кто не халтурит.
Гордеев вам давно знаком —
на вид он добрый,

но строг и въедлив же притом —
характер сложный...
Шишлянникова хороша,
лицом пригожа,
но кто не знает ни шиша —
получит тоже.
Подарит Лебедева вам
свои секреты —
летала часто по делам
по белу свету.
А Новичихина у нас —
пиар пиаров!
Ей пожелаем: «В добрый час!
Творите с жаром!»
Тем, кто учиться не горазд
и будет глупым,
Бebчук займётся много раз
и я — Тулупов.

1 сентября 2006 г.

Гимн журфака ВГУ

У кого перо как шпага,
микрофон наперевес
и кому нужна отвага,
к жизни вечный интерес?
Кто не может без сенсаций
жить спокойно, кто артист,
литератор, папарацци?
Отвечаем: ЖУРНАЛИСТ!
У кого задумок масса,
кто рождает креатив,
объявления экстра-класса
составляет, позитив
кто несёт во славу рынка,
кто в душе экономист,
бизнесмен наполовинку?
Отвечаем: РЕКЛАМИСТ!

У кого совет в кармане,
на любой вопрос ответ,
кто политиков так манит,
кто в солидный кабинет
открывает дверь ногою,
кто глашатай перемен,
энергичен — хвост трубою?
Отвечаем: ПИАРМЕН!

Где растят сии таланты,
где свобода и полёт,
где богини и атланты,
где сотворчество живёт,
где иначе — вверх ногами! —
где живут совсем не так —

в тарараме и бедламе?
Это место — наш ЖУРФАК!

Мы живём на Хользунова,
но известны всей стране:
знают Лёву, знают Вову
и в Москве, и в Астане,
в Курске знают и во Львове —
это правда, это так!
Много, много свежей крови
в прессу выпустил ЖУРФАК!

16 апреля 2007 г.

День знаний

Этот праздник точно наш, этот праздник общий,
за науку всё отдашь — и никто не ропщет.
От велика до мала взяли ручки в руки!
Пусть учёба тяжела — не беги науки!

Будет сладкой кабала, коль стремиться к цели.
Не освоишь ремесла — и сиди на мели...
Лучше скажем — на мели (грамотно и точно!).
Вас экзамены свели, чтоб учиться очно.

Пусть же нынешний сентябрь будет вечно с вами,
знаний пусть плывёт корабль, и выпускниками
станете. Ученье — свет! Было б пониманье,
что на свете лучше нет Дня различных знаний!

1 сентября 2007 г.

Юрий УДОДОВ

Выпускник ВГУ 1955 года

Прошлась война кровавой бурей...
Российский вуз спасать пора.
Спасли наш вуз, покинув Юрьев,
Доценты и профессора.

Что было дальше, не упомнишь.
Бежали дни. И на бегу
Российский вуз и наш Воронеж
Рождают новый — ВГУ.

Студенты наши непоседы.
Девиз студенческий зовёт
Всегда и в радости, и в беды
По жизни двигаться вперёд.

Промчались годы кинолентой
А мы, все бывшие студенты,
На том и этом берегу
Тобой гордимся, ВГУ!

Галина ЦАРАКОВА

Окончила филологический факультет ВГУ. Руководитель Эстетического центра им. Платонова. Председатель оргкомитета по подготовке и проведению традиционных Дней поэзии ВГУ. Публикации в коллективных сборниках, отечественной периодике и США. Автор литературно-художественных изданий «Приют души» и «Пока горит свеча...»

Твои святые имена

*Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить
колени.*

Н.А. Некрасов

Филфак! Какие были имена
В твоих стенах, историю хранящих,
В далёкие, былые времена
Советских лет, навеки уходящих!..
Гудошников, Удодов и Попова,
Собинникова, Нина Соколова,
Лазутин, Скобелев и снова Соколова,
Бороздина, Ласунский, Ботникова...
Пред ними стоит преклонить
в смирении колени
В безмерной благодарности
от многих поколений
Студентов, аспирантов и друзей-коллег
За несомненный вклад в наш
просвещенный век.

Ольга ЧЕРВИНСКАЯ

Ведущий инженер физического факультета
ВГУ

Юбилейное шуточное

95 — серьезный срок!
Пожелаем, чтоб не «сыпался песок»,
Чтобы крепко ВГУ стоял
И на путь студентов наставлял
И стоял так много-много лет!
Славься, славься Университет!

К юбилею Самуила Яковлевича Маршака (1887—1964)

Переводы

Кафедра английского языка профессора М.А. Стерниной

Осенью 2012 года в ВГУ прошёл конкурс переводов на английский язык стихотворения С.Я. Маршака «Я перевел Шекспировы сонеты...» среди студентов Воронежских вузов. Конкурс, проходивший в течение октября, был приурочен к 125-летию со дня рождения поэта и посвящен году С.Я. Маршака в Воронежской области. В конкурсе приняли участие 22 студента из ВГУ, ВГПУ, ВГАСУ. Победителями конкурса стали двое студентов факультета ПММ: четверокурсник *Артем Волков* и второкурсница *Анна Скобанёва*, второе место досталось студентке факультета РГФ *Анастасии Кавериной*, на третье место вышел студент факультета международных отношений *Богдан Фетисов*.

Предлагаем вашему вниманию их переводы.

*Я перевел Шекспировы сонеты.
Пусть поэт, покинув старый дом,
Заговорит на языке другом,
В другие дни, в другом краю планеты.*

*Соратником его мы признаем,
Защитником свободы, правды, мира.
Недаром имя славное Шекспира
По-русски значит: «потрясай копьём».
Три сотни раз и тридцать раз и три
Со дня его кончины очертила
Земля урочный путь вокруг светила.
Свергались троны, падали цари...*

*А гордый стих и в скромном переводе
Служил и служит правде и свободе.*

С.Я. МАРШАК

*(цит. по изданию: Маршак С. Лирика. Переводы.
/ С.Я. Маршак // Лениздат. — СПб., 1996)*

Артем ВОЛКОВ

Shakespeare's sonnets I have just translated.
And now the poet's leaving his old land
For soon will his great word expand
To other lands, through years that awaited.

He is our friend. His purpose has been clear:
A guard of freedom, truth being his claim.
And that is why Shakespeare's name
In English sounds like shaking the spear.

Earth drew around the shining star
Three hundred circles, thirty more, then three
From that sad day he perished oversea.
The kings were overthrown, dethroned were the tsars...
But sublime poem, decently translated,
Will still serve truth, as when it was created.

Анна СКОБАНЁВА

I haven't closed my eyes through all the night,
Translating gorgeous poems of Shakespeare,
So their bright and pure blinding light
In our minds will never disappear.
Shakespeare's poetry is like a saving flame,
Which gives us hope, protects all that is dear.
This fact is proved by his well-known name,
Reminding of a firm attacking spear.

Four hundred years have practically passed
Since all these famous poems were created.
The ages and the people change so fast
And life is now so hard and complicated.

But poetry, which is an ancient art,
Will always find a place in any heart!

Анастасия КАВЕРИНА

I have translated sonnets of Shakespeare.
The modest versions let his thoughts descend
Over the Russians, reach a foreign ear
To pierce another time, a distant land.

Protecting freedom, searching high and low
For peace and truth, he won undying fame,
How justly "brandish spear" means his name.
The poet's like a flame that can't be blown.
How many times there's been the Moon's increase,
How many rulers have succeeded to the throne,
How many leaders have been overthrown
Since Swan of Avon found his rest in peace?

No matter. But his proud verse
Forever only justice serves.

Богдан ФЕТИСОВ

I have translated sonnets by Shakespeare.
And having left his home to reach another one
His verse is heard thereafter in the different tongue -
Another day, another side of sphere.

We find him a companion-in-arms,
A knight of liberty and peace without fear.
No wonder that the glorious name «Shakespeare»

Is menace for the foes who mean the truth to harm.

Three hundred times and thirty times and thrice
Since day of his decease full circle came
The Earth its path around the star of day,
The thrones were trampled, kings had to demise...

And stately rhymes in modest version even
Still serve free will and justice to be thriven.

Университетская муза

Людмила АЛЬПАТОВА

Выпускница филологического факультета,
журналист, директор департамента телеви-
зионных программ областной телекомпании
«Губерния»

«И больше ничего...»

Памяти Андрея Вознесенского

Печальные глаза,
платок на шее томный...
Поэт всегда один
среди множества людей.
Когда копьем стиха
царапнулся «Шиповник»,
Минуло столько лет,
промчалось столько дней!

Он вечный мой поэт
и вечный мой любовник.
В мои учителя
мне Ангел дал его.
И через толщу лет
я в новой жизни вспомню:
«И больше ничего,
и больше ничего»...

Опять из ничего
заполыхает нечто.
Прорвавшись через все
века и времена,
Цветущий и густой,
шиповник будет вечно
На камнях рисовать
поэтов имена.

* * *

«Люди странны, если ты странник»

Х. Мураками

Люди странны,
если, странник,
Ты по жизни и бредешь,
Руки заложив в карманы,
Ожидая встретить ложь.

Люди странны,
если рано
Ты вкусил победы жуть,
Соль ронял в чужие раны,
А на карту ставил честь.

Люди странны,
коль обманом
Путь твой светится в ночи.
Но, очнувшись от нирваны,
Не зови и не кричи.

Не пойдут к тебе навстречу
Люди странные.
Теперь
Их пугает черный вечер:
Странника не пустят в дверь.

Прятки

Ты никогда не будешь мой.
Мы не придем к себе домой,
Не поругаемся в машине,
Не разведем огонь в камине,
Не разогреем борщ вчерашний
Ни в будущем, ни в настоящем.

Не будем ждать твоей полочки...
И сыну не устроим взбучку...
Не купим платье нашей дочке ...
Сплошные «не», сплошные точки ...

Не злись, любимый, все в порядке:
Мы продолжаем игры в прятки.

Воронье

И снова в ноябре кружится ворон.
Средь голых веток непригляден день.
Перебирать иллюзий жалкий ворох
По вечерам становится нам лень.

Смешно опять сражаться в разговорах.
Мы это проходили, черт возьми!
За кухонным окном прокаркал старый ворон,
На черных крыльях с ним кружимся мы.

Какая сила нас несет в забвенье?
Зачем безвременья густой водоворот
С беспамятством жестоким тащит к бездне
Безмолвный и доверчивый народ?

Как будто кто-то, ухмыляясь, посторонний
Стоит у темной и густой воды...
Кружит воронки черный глаз вороний,
В народной памяти стирая все следы.

Имя

Марине Врублевской посвящается
*«Ты должен **стать** самим собой!»*
Арсений Тарковский

Ты пишешь мне, что звезды вечны
И не погаснет путь наш Млечный
Во тьме обыденных словес.
Толпою свергнута с небес,
Ты знаешь цену обещаньям,
Хвалам, посулам и прощаньям
И равнодушна к грубой лести,
Что с завистью шагает вместе.

Нас слава гложет, а не лечит,
Хотя иных сильней калечит.
А мы при каждой винной встрече
Беспечно хвастаем судьбой:
Нам Имя дадено с тобой.
Его стереть не может время.
Какие б новые потери
Ни поджидали за стеной,
Ты **быть** должна сама собой!

* * *

Из ниоткуда в никуда
Бежит вода, текут года.
Никто не скажет никогда,
Удача ждет или беда.

И уплывают корабли,
Хотя, казалось бы, могли
Пришвартоваться у любви
И не искать чужой земли.

И улетают птицы вновь
Искать загадочную новь.
Чтоб утолить безмерность снов,
Они готовы кинуть кров.

В часах, звеня, скользит песок,
Секундами стучит висок,
Остался старости кусок,
До вечности — один бросок.

Из ниоткуда в никуда...

Лоскутное одеяло

У бабки Дарьи были черны очи.
У деда грозowymi были ночи.
Он не пришел с войны — на печке трое...
Лоскутный коврик снова перекроен.

Ах, коврик счастья, как он пестр и светел!
И пусть за хатой завывает ветер,
Она сшивает собственное счастье,
Чтоб уберечь детей от всех напастей.

У дочери ее — как вишни очи.
Она связать из пуха счастье хочет,
Легко нанижет облака из кружев:
Тепло ее платков трем детям служит.

А мне достались бисер слов газеты,
Лихой и вольный девяностых ветер,
Филологическая сладкая свобода
Все описать: от тьмы до небосвода.

У сына моего глаза как вишни.
Судьбу врача кроит не здесь — так вышло.
Но греет сына одеяло Дарьи,
Прадедушки Петра хранят медали.

Я разглядела в сыне продолженье
Тех давних грозных лет и пыл сражений
За право рода жить без сожаленья.
Лоскутное земное притяженье...

Владимир БЕЛИКОВ

Студент исторического факультета, 5 курс

Мосты

Мосты, романтика, печаль,
И ностальгия гложет.
Мне того времени не жаль,
А вспомнить все поможет
То фото, где все вместе мы,
Довольны и счастливы,
Тут отблески седой луны
И волны — так красивы!

Вновь город нас ночной манит,
Весь в темноте погрязший, —
Он в ночном воздухе парит,
Весь светлый и прекрасный.
Все улицы его хранят
Историю России нашей.
Здесь нравы гордые царят —
И от того он еще краше!

Смена времен

Стоит подумать о лете,
Вспомнить у берега волны.
Это подарок планеты,
Так чудесно исполнен.

Над головами же солнце,
Зноем своим согревает.
«Холод уже не вернется» —
Сердце такого желает.

Ну, а в садах ярка зелень,
Птицы поют свои трели.
Все больше хочется верить,
Что не вернутся метели.

Разум тут мысль принимает
И говорит свое мнение,
Лето одно не бывает,
В этом не нужно сомнений.

Лето — оно пресыщает,
Всем своим буйством красок,
Даже надоедает..
И в августе будешь счастлив,

Если дождешься ветра,
Свежего, охлаждающего.
Когда повернется планета,
Смену времен означающе!

Валентина БЕЛЯЕВА

Выпускница факультета прикладной математики и механики Воронежского государственного университета

Распад

Я помню это время. Угасал
Зажжённый луч звезды на небесах
Далёкой окровавленной эпохи,
Когда листва к ногам её летела,
И красный флаг нам лик уже казал
В пожарах сквозь мучительные вздохи.
И с царского престола оголтело
Горели пролетарские глаза.

Я помню это время. Тихий дождь
Печальным гимном пел в подножьях роц
И капал на унылые бульвары,
На площадь, опустевшую внезапно.
Позором заклеимённый, вечный Вождь
Стоял на пьедестале под фанфары.
И ветер обезумевший на запад
Летел во всю свою дурную мощь.

И таяли бесследно облака,
И ветви почерневшего венка
Из лавра — над октябрьской цитаделью
Вздymались пылью в грохоте армады..
И что же? Блещет грязь алмазных скал,
И гимн большевиков могучей трелью
Гремит средь фейерверков маскарада.
И вечен его дышащий оскал...

* * *

Однажды ты увидишь тот излом
Дороги в свисте огненной метели,
Где памятью твоей уже летели
Рябиновые листья у крыльца,
Тропа к нему, цветущий сад и дом.
И ты, как на безжалостном закланье,
Замрёшь в каком-то странном ожиданье,
Средь моря голубого чабреца.

Однажды на рассвете птичий звон
Окутает далёкое созвездье,
И ты себя увидишь в поднебесье —
Далёким детством, сладким и босым.
Улышишь пролетающий вагон,
Как ветер этой осенью холстинной.
И вспомнишь, потрясённый и повинный,
Космический пришелец, что ты — сын...

* * *

Я — нищая старая женщина, здесь, на углу,
Гляжу в этот мир сумасшедший с протянутой дланью.
И как мне, скрипачке, понять, что божественной данью
Кругом, словно в цирке, мелькают и пляшут огни,
А небо над ними их бережно, зорко хранит?

Я — нищая старая женщина, тяжек мой вздох.
Мне много не надо, прошу только с миру по нитке.
И, глядя на вас, я услышу симфонию Шнитке,
Увижу во тьме ослепительный странный сполох
И пыль верениц уплывающих в небыль эпох...

Елена БЕСПАЛОВА

Магистр 1 курса факультета географии, геоэкологии и туризма ВГУ

Сердце

Я хотела тебя забыть,
О тебе никогда не думать.
Только сердце болит,
Только сердце стучит,
Только вечно любить оно будет.

Я пыталась увлечься другим
И ему подарить свое сердце.
Только сердце болит,
Только сердце стучит,
Но навеки твоим будет сердце.

Я желала остаться одна
От мечтаний, от грез, от былого.
Только сердце болит,
Только сердце стучит,
Только сердцу не надо иного.

Я хотела покинуть себя,
Без тебя счастья мне не бывает.
Только сердце болит,
Только сердце стучит
И надежду на счастье вселяет.

Я не знаю, ну как же мне быть...
Я не знаю, что делать с бедою...
Только сердце болит.
Только сердце стучит,
Пока мысленно хоть ты со мною.

* * *

Вся жизнь пролетает. А как бы хотелось сказать:
«Замри на мгновенье, о время, текущее быстро».
Ведь я не успела так много уже написать
И что я имела — растратила так бесполезно.

Все ходят часы, и так тяжело на сердце порой,
И хочется, чтобы вернулось прекрасно мгновенье,
Когда, например, ты еще был когда-то со мной,
Но прошлого листик упал от судьбы дуновенья.
Вернуть дни нельзя и миг настоящий продлить.
А время летит, и часы отмеряют минуты
До тех пор, пока не порвется та нить,
Что связала с землей наши тонкие руки.

Валерия БОБРОВА

Студентка 4 курса факультета журналистики ВГУ, со-организатор литературного клуба «Республика Слова» (там же)

Две мысли, пришедшие друг за другом

много читаешь, словно чужие слова
заменяют, как клавиша insert,
те, что скрипят у тебя
Внутри, как подпольные мыши.
вдохновляясь четверостишьем,
забываешь, кто автор, помня лишь отчего
ставит рифмы — не понаслышке —
и под купол сознания — ведро.
Обменяемся строками, посмакуем?
Как в чай опускают твердый сухарь,
Размягчим наши взгляды: раз — и убудут
Нужные Музе тоска и печаль.
Забросим же книги, в гербарий — перо,
С гитарой подружимся крепко.
Сжимая гриф так, как будто плечо
Бесценного человека.

Белым флагом волосы распушу:
Больше сражаться не с кем.
Тела белого наготу
Брошу на сумрак мольберта.
Резкость бежит в легенды.
Локоны лентами рвутся в окно
Раскрытое. Серая мебель
Тенью пачкает полотно.
Ты думаешь: статуя, нимфа,
А флаг мой трепещет, светясь, как маяк.
Булгаковской Маргаритой
За кем-то лететь во мрак.

Говорить!

Молчание — признак не скромности, пустоты.
Говорила бы, да кому?
окрыленности перышек бы взаимы.
горстку смелости. щепоть огню.
эликсира свободы бы целую фляжку!
до краев и за край. чтоб скрипело нутро.
чтобы было за что и кому без натяжки
Говорить, изучая, как карту, лицо.

Я скрываю оскал под улыбкой Пьеро

Я скрываю оскал под улыбкой Пьеро,
Молча стыну, кутаясь в сумрак, как в плащ.
Разорвать тишину, в световое пятно
Сделав шаг... Только время торопится вспять.
Становлюсь некрасива. Сжимаюсь до точки.
И ненужное с рук, позвонков и лица
Исчезает. Не хватит событий и строчек,
Чтоб исчерпать, избыть пустоту из себя.

По привычке

Пока память о человеке жива, значит, он есть.
Ты еще помнишь меня, значит, дважды жива.
Передавай мне, второй, привет, успокой и пригрей.
Пусть ведет себя хорошо, не как та, что я.
Ей ведь так одиноко и страшно, она слабей
Настоящей. Бесправна, бесплотна, частична.
Будет жить в твоей памяти в ритме «рэплей».
Береги ее. По привычке.

Ретро

Круг старого телефона больше
Крутить ни к чему. Не к кому.
Трубка цвета томатного кетчупа
Проспит дольше
Обыкновенного.
Рычагу не встречать гудки,
«Да, алло» — робко-поспешных.
Как пощечины, никаких
Глупых, небрежных
Трубки бросков. И снова жужжаний
пожелтевшего диска.
Тишина поглощает риски
Повторения расставаний.
Тишина расставляет капканы
Для неоправданных
ожиданий.

Николай БОГУСЛАВСКИЙ
и Елена СМОЛИЦКАЯ
(аспирант юридического факультета ВГУ)

Босиком по снегу

Босиком я по снегу неспешно пройдусь,
Ощувив каждый холмик родимой земли,
И вдохну глубоко, будто с небом сольюсь,
И надежду почувствую где-то вдали.

Знаешь, в каждом из нас есть осколок небес,
Праздник жизни встречаем мы все по утрам.
Этот мир бесконечен, как сказочный лес.
Побегу, что есть мочи, навстречу ветрам.

Пусть развеется горечь, пусть беды уйдут!
Край родной, я желаю лишь счастья тебе!
Пусть ветра всё ненужное прочь унесут,
И откроют дорогу прекрасной судьбе.

Чистоту от истоков, степей красоту
Только здесь я познал, и душа всё хранит.
Может быть, воплотить я сумею мечту,
Что Любовь обещает и светом манит.

Мне для этого жизнь на Земле и дана,
И задач непростых в ней, поверьте, не счесть.
Я счастливый: стараюсь добро создавать
И хранить то прекрасное, что уже есть.

Я по белому снегу босой пробегусь.
Как прекрасна Отчизна, мой друг, погляди!
Я вдохну глубоко, будто с небом сольюсь,
И надежду увижу я там, впереди.

Душа и бесы

Работа над собой — самая тяжёлая работа

Чужая душа очень часто — потёмки!
Своя не всегда уж светлей.
В душе всё устроено сложно и тонко,
Ключи и разгадки есть в ней.

Ещё внутри нас лицемерно таятся
И виду ведь не подают
Коварные бесы. Нам с ними расстаться
Пора, разорвав сотни пут!

Их выгнать непросто: они растворятся,
Как только заметишь ты их.
Но не поспешат от тебя отвязаться,
А выпрыгнут в следующий миг!

Их нужно заметить в то самое время,
Когда те советы дают,
И волей своей поступить по-другому —
От голода бесы умрут.

Они ведь питаются лишь наслажденьем,
Которое мы им даём,
Когда их желания мы исполняем.
Неужто для них мы живём?

Живём ли для славы мы доброй и вечной?
Или хотим поскорей
Выгадать жизни глоточек беспечной?
Плясок ли навеселе?

Пороки в душе, как подводные камни:
Споткнулись не раз мы о них.
Забыв о преданиях мудрых и давних,

Набрались привычек чужих.
Чтоб бесов скрывать, носим разные маски,
И лжём. Очень часто — себе,
А бесы нам шепчут лукавые сказки,
И властвуют в нашей судьбе.

А если же голодом ты их заморишь,
Сам станешь собой управлять,
Себя удивлённо когда-нибудь спросишь:
«Как раньше не мог всё понять?»

В душе твоей краски появятся всплеском,
При этом кристально чисты!
Не манят ни слава, ни золото блеском,
Ни вечная пыль суеты.

Тебе «шелухи» этой больше не надо,
И масок уж нет на лице!
Любовь и спокойствие будут наградой,
Откроется высшая цель.

Ирина БУТОВА

Студентка 5 курса заочного отделения экономического факультета ВГУ (направление «Бухучет, анализ и аудит»)

* * *

Зыбкой свежестью весны
Очарован город.
Мирно улицы пусты.
Легкий вешний холод.

Тих, печален серый день,
Пыль дождя кружится.
Солнце из-за зыби туч
Силится пробиться.

Легкий ветер опьянил
Головы, как солод.
Зыбкой свежестью весны
Очарован город.

Наталья ВОЛКОВА

Закончила ВГУ (филологический факультет), защитила кандидатскую диссертацию. Работала на кафедре гуманитарных наук в ВГУ, учила иностранных студентов русскому языку. Скончалась в 2012 года в возрасте 37 лет. Стихотворение «Остановись!» она написала в детстве, 25 лет назад

Остановитесь!

В наше время много говорят
об истерзанной, замученной природе,
выступают, делают доклад,
редко от слов к делу переходят.
Вот бежит за годом новый год,
а природу реже охраняют,
и бывает всё наоборот —
реки и леса уничтожают!
Человек, ты просто наглый зверь,
всё себе ты хапаешь без меры,
стал царём природы ты теперь,
у неё и нет уж в тебя веры!
Человек — не царь, дитя природы,
просто неразумное дитя,
хоть проходят дни, недели, годы,
но играешь её ты шутя.
Захотел ты вырубить леса —
вырубашь! Мол, мне мебель надо.
И пустыни появились в тех местах,
ну конечно, по заслугам и награда.
Захотел ты осушить болота,
в Белорусии — ты помнишь годы те?
Сделал так, но климат суше что-то
и не вырастишь пшеницу там нигде.
Захотел ты отвести каналы
в Каракумы из Амударьи,
и воды в Арале стало мало,
что надел ты! Ты только посмотри!
Человек — законный браконьер!
Он растения, животных убивает,
он природу мучает теперь
и не слышит, как она вздыхает.
В дальний космос человек стремиться,
посылает к марсу корабли,
а во что земля вот превратиться
он не думал,
так не будет же земли!
Человек! Ты строй, но строй с умом,
строить просто так не торопись,
помни, что земля наш общий дом.
не уродуй ты её, остановись!

Александр ВЯЛЫХ

Выпускник физического факультета ВГУ 2010 года (специальность «Радиофизика и электроника»). Дебютировал со своими стихотворениями в литературном кружке МБОУ гимназии «УВК № 1»

Поэт

Моя сумасшедшая рифма,
Мой несговорчивый бред,

С чего вы, ребята, решили,
Что имя мое — поэт.

Что в вое и лязге жизни
Истерзанных чувствами дней
Найду этих слов тысящи,
В золе неостывших углей.

Но будет тот день, та минута,
Секунда, мгновение, миг,
Когда черновик мой выкрикнет
Ничем не сдавленный крик.

И не стеснясь приличий,
Хватая хвосты комет,
Во мне, не меняя обличья,
Заговорит поэт.

Александр ГЛАУБЕРМАН

Окончил физико-математический факультет ВГУ в 1957 г. Работал инженером в Воронежском конструкторском бюро радиосвязи, научным сотрудником кафедры радиофизики ВГУ, преподавал в ВПИ. Публиковался в периодической печати, Антологии ВГУ «Земная колыбель». Автор сборника «Единственной земли очарование» (Литпрофиздат, Воронеж, 2010)

Полустанок Ким

Залётный ветер над сосновым лесом
качает кроны с ропотом глухим.
Дощатый дом, скамейки под навесом,
Колодца ворот — полустанок Ким.

Разъезда нет, но утренний, рабочий
с гудком коротким чинно подойдёт,
и ссыплется с подножек на песочек
простой, немногочисленный народ.

А перед ним — недалённая дорога,
когда с поклажей, но с душою налегке
идешь, блаженно утопают ноги
в глубоком, тёплом, сладостном песке.
Идёшь, почти не вглядываясь в лица,
как будто бы и дома, и в гостях,
в пути невольно можно приобщиться
к волнующим окрестным новостям.

И скоро расступаются деревья,
простор нагретым воздухом размыт,
и возникает русская деревня
с погостом в окружении ракушек.

А дальше мимо старой башни,
что испокон ржавеет в стороне,
пройду косою тропинкой через пашню,
протопанной упрямо по весне.

Прилягу на меже среди колосьев.
Жужжанье. Жар. Испарина с лугов.
И долгий полдень изредка приносит
спокойный крик далёких петухов.

И всё вокруг открыто и понятно,
к дождю уже клубятся облака,
но золотые солнечные пятна
ещё лелеет близкая река.

И хвойным ароматом опоенный,
пойму ещё, возможно, блудный сын,
что здесь пересыпаются беззвонно
моих сует песочные часы.

Какое оживительное счастье,
превратности судьбы преодолев,
через любые годы возвращаться
под сень твоих мудреющих деревьев.

Прошу, с моим сознанием нерасстанный,
ты оставайся бережно таким,
сосновый и песчаный полустанок
с названием позавчерашним — КИМ.

Огонек

Заскрипели колёса, плавно тронулся поезд,
с яркой люстрой уплыл незнакомый вокзал.
Мне не спится в купе, не читается повесть,
жёлтый круг ночника неспокоен и мал.
Вот уже за стеклом непроглядная темень,
поезд скорость набрал и на стыках стучит
далеко-далеко то исчезнет, то светит
небольшой огонёк, словно кружит в ночи.
Может быть, там в косом, неказистом домишке,
возвратившись с работы, привычно одна,
отдышаться присела, спать отправив мальчишку,
та, кто долгие годы мне ужасно нужна.

И с утра до полудня заняв у подруги,
накрутившись у печки, над корытом устав,
видит в низком окошке: мимо тихой округи
светлой ниткой во мгле протянулся состав.
Кран рвануть в коридоре,
соскочить и помчаться,
в темноте задыхаясь, на свет в том окне,
через мокрые ветки, по хлябени чавкой,
краем чёрного леса, по бугристой стерне...

И в немыслимом гаме поездного скандала
кто-то здраво рассудит — одолела тоска,
кто-то щёлкнет по горлу с пониманием немалым,
кто-то пальцем покрутит у седого виска.
...Выхожу с сигаретой,
сдвинув дверь осторожно,
тускло тлеет в проходе дежурный плафон,
фонари на платформе замелькали тревожно,
мирно спят проводницы, не проснулся вагон.

Скоро свечками стрелок встретит «пункт назначения»,
над умытым перроном — ровный, будничный свет,
до которого в кассе областного значенья
по блатному заказу взят удобный билет.
А вдали остаётся, за житейской излучкой,
от всего беззащитен, заманчив и люб,
огонёчек неяркий довстречной разлуки,
несвершившихся судеб, нецелованных губ.

* * *

Я был соседом Мандельштама.
Не верится? Но это, вправду, так.
За самой первой моей оконной рамой
Булыжной мостовой сереющий большак,

Прохожих редких медленные спины
И быстрый стук извозничьих копыт,
Зимой — чудесные морозные картины,
Но мир грядёт — ещё он не открыт.

А выше этажом живёт поэт опальный,
Когда приходит Муза и уходит страх,
Он над моею детской спальней
Вновь оживает в удивительных стихах.

Стоит он у стола, закинув голову,
Как в молодости расправляя статью,
А Наденька сидит и, улыбаясь молодо,
Стихи записывает в новую тетрадь.

А город за окном скуласт и весел,
Он после ливня от воды сойдёт с ума,
И станет радостным подарком вечер —
Наташа с книгами придёт сама...

А вскоре — чёрных стен молчание проломы,
И неба потолок, и ржавая кровать,
И остов пианино, на котором
Я даже гаммы не успел сыграть.

Отец, целитель с добрым взглядом,
Ты не сказал, в тревоге окаянных лет:
Был у тебя в подъезде рядом
Великий и опасный пациент.

И только лишь, когда тебя не стало,
Открыв его собрания последний том,
Из писем я узнал, да запоздало:
Ты не решился вспомнить о былом.

В других домах ещё мы долго будем,
Но, чтоб связать времён живую нить,
В квартиру, где давно — другие люди,
Не соберусь я за полвека позвонить.

О дорогом сейчас пишу стихи я,
Из нас, из всех остался я один.
Во всей стране — базарная стихия,
А в доме детства — винный магазин.

Теперь вошёл с волнением горьким,
В отцовском кабинете, у окна,
За пятерых, за неимением водки,
Я выпил поминального вина...

Я иногда там постою покорно,
И старое опять придёт ко мне,
Где мученика профиль чёрный
Закинул голову на розовой стене.

Сменился век, и дрогнула природа,
Но, верю, мы не канем без следа.
...Ему тогда осталось жить — два года,
А мне — два года минуло тогда.

Олег ГУЛЬКО

Живу в Воронеже, в 2007 году поступил в ВГУ
на физический факультет. Достаточно разно-
сторонен, люблю творчество в разных его про-
явлениях

Сказочный принц

Он дружил с ветерком, и рассказывал сны.
Он кормил диких птиц от весны до весны.
Он мечтал... о мечте, что жила высоко —
На одной из планет, ужас как далеко.
Годы шли... Он искал на усталой Земле
Отражение звёзд, а точнее — звезды.
Той одной, что в глазах его скромно жила
И мечтой наполняла его душу до дна...
Вы ведь спросите — чем же закончилась пьеса?
Я отвечу — не время. Узнаете, если
Осознать вы сумеете ценность любви.
И дружбы. Поверьте, бесценны они.

Безмятежность

Ты видишь эту сладкую дремоту
Природы в предрассветный тихий час?

Она прелестна так же, как погода
Изменчива в событиях средь нас.

Вдруг слышим мы размерный стук капли
На свежестью не тронутых кустах,
И птичий говор, схожий с голосом свирели,
И шелест крыл пернатых впопыхах...

Владимир ГУРЕЕВ

Преподаватель кафедры гуманитарных наук
и искусств ВГУ

Жёлтых автобусов пассажиры

Едут по городу
Ни мёртвы, ни живы
Жёлтых автобусов
Пассажиры.
Все большею частью
И старые, и хилы.
Их мысли печальны,
Их лица унылы.
Гроши за труды
Получающий кто-то,
А кто-то давно
Потерявший работу.
Хоть рубль экономить,
Ему не до жиру,
Жёлтых автобусов
Пассажиру.
А их подрезают
В пути «Мерседесы» —
Блестящие, скользкие
Чёрные бесы...

...

В салонах трясутся
Ни мёртвы, ни живы
Жёлтых автобусов
Пассажиры.

Вадим ДЕМЧЕНКО

Выпускник отделения журналистики ВГУ
1969 г. Комбат, капитан запаса. Первый поэти-
ческий опыт появился в конце 50-х годов XX
в. при виде горы Арарат во время службы в
Советской Армии

МОЙ АРАРАТ

*Сержу САРГСЯНУ, Президенту Республики
АРМЕНИЯ, Армену ДЖИГАРХАНИЯНУ,
Гражданину Мира, любимому артисту братских
народов Армении и России, Николаю ДЕМЧЕНКО,
русскому солдату Первой Мировой войны,
пришедшему на помощь армянскому народу
в борьбе против турецкого геноцида,
с неизменной любовью посвящаю.*

Что там в мареве солнца
так искрится, горит,
Бережит мое сердце —
и зовет, и манит?
Что там в шапке высокой
белых вечных снегов,
Чьи преданья уходят
в глубь на тыщу веков?
Это ты, величавый,
гордый мой Арарат,
Для Наири прекрасной
ты — отец мой и брат!
Где, спасаясь, укрылся
прародитель наш Ной,
При всемирном потопе
где обрел он покой?
Он причалил к тебе,
мой седой Арарат,
И священной горой
я назвать тебя рад.
Только горечь мешает,
и не мне одному,
Злого рока печать
неподвластна уму:
На гербе в лучах солнца
твои склоны горят,
Но стоишь за границей —
больно мне Арарат!
А ведь было когда-то —
правды луч засиял! —
От Севана до Ванна
айк привольно дышал.
Пики гор породнились
с ширью русских полей —
Для зурны и гармошки
нету песни милей!
Но опять налетела
злых турок орда,

Потекли реки крови...
 Мать — Россия, беда!
 На защиту Наири
 встал русский солдат,
 Но остался в плену
 гордый мой Арарат..
 Почернели от горя
 камни плачут, скорбят,
 О Наири единой
 вновь молитву творят.
 Вместе с ними молюсь я:
 — Ты прости, Айастан,
 Виноваты вожди,
 а не брат твой — Иван.
 Я мечтаю, чтоб снова
 правды луч воссиял —
 От Севана б до Ванна
 айк привольно дышал..
 Чтоб навеки роднились
 горы с ширью полей —
 Для зурны и гармошки
 нету песни милей!

Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Инженер, выпускник закончил физического
 факультета ВГУ 1976 года

Бессонное

Это станция Эхо у пятой сосны
 Загоняет тебя за двенадцатый угол.
 Переключку составов ловит хрупкое ухо.
 Твой аллюр беспробудный... Чьи-то тёплые сны.

Сигарету достань, и — опять на балкон.
 Холодок — под рубаху, и снежок — в ноги хрупкий,
 И затяжку нетяжко, и в башку — снова думки,
 И лицо омывает терпкой жизни закон.

А луны мотылёк бьётся в створки стекла,
 Дальних улиц-проспектов гул стекает по раме.
 Вон — прохожий спешит, пробираясь дворами,
 Знать, случились его о полночи дела.

Загаси огонёк о кофейную жечь
 Да пойдёшь запиши беспардонную строчку.
 Может, тем усмиришь эту жадную ночь?
 Завтра будешь — как все.
 Завтра будет, как есть.

Чернозимнее

Окроешь лампочку с утра: о, чёрт, уж восемь.
 Кружит во тьме колючая пурга,
 Больные сутки растерзало. Оземь.
 Кто сочинил, что здесь у нас юга?

Сереет снег, и сонно Белоземье,
 Где дальних полустанков фонари
 Ни разу не зовут в отвагу и веселье.
 Печурочная пасть: гори огонь, гори.

Твой морок городской, где утром «окна жолты»,
 Солёная тропа вдоль серых мёрзлых стен,
 И ветер на углу, и бодрое — «пошёл ты»,
 И стонущий фонарь одной из древних тем
 раскроют нам глаза. А городские скалы
 Под грузных лифтов скрип проявят страсть и прыть.

Так хочется нырнуть опять под одеяло,
 Но надо выходить.
 Но надо выходить.

Полуэтажное

Блуждать в плутоновых садах,
 Носить платоновы сандали,
 И плутовства невинный страх
 Копить в себе, но видеть дале

прозрачных ниток дождевых,
 Подписывать кайлом скрижали,
 А моисеев ученик подкажет:
 «Ты не прав, но дале

смотри...» Во глубину ствола,
 Он крепче безрассудной стали
 своей витальностью. В углах
 Не прячется, но рвётся дале

к просторам солнца и любви.
 Всё то нам роздали вначале,
 И птичий разноцветный свист..
 Хоры в аллеях, дале, дале -

подводной рыбкой — ивы лист.
 Иди, коль ноги не устали.

Удивлённое

Откуда в тебе, такой маленькой,
 Безбрежные силы твои —
 От тонкой прозрачной проталинки
 До гулких разломов Земли?

Откуда в тебе столько нежности,
 Любви, обнимающей всех?
 Откуда задумчивость вежести
 И точный, внимающий смех?

Откуда в тебе столько твёрдости
 И резкой грозы в глазах?
 Твой умный и добрый, но твёрдый стих?
 Руки твой взлетающий взмах...

От Бога, от неба, от мамы ли?
Но, впрочем, слова — только дым,
Взлетели и где-то истаяли,
А я ни за что любим.

Воспоминаньеовое

День растянутой рожи,
Весёлый, хороший,
Ни на что не похожий
с утра.

День весёлой улыбки
Исправляет ошибки
жаркой солнечной зыбкой.
Ура.

День добра и заботы,
День пчелиново сотный,
Свет ласкающий что-то
сказал

о большом, настоящем
Да о взоре пьянящем,
О мгновенье летящем
Встречать на вокзал.

Ь

Когда рыбак доволен, и улов
Трепещет в трюме под обиды чаек,
Приветствия летят поверх голов,
А в доме каждый весел и здоров,
И женщина у очага встречает.

Когда вдали пылит змея полков,
Сверкая копиями и латами, мечами,
Светлеют лица грузных стариков,
И громкий сын идёт под отчий кров,
А женщина у очага встречает.

Когда большой усатый машинист,
Прошедший путь усталыми ночами,
Под паровозный гул и пара свист
спешит в депо, где снова станет чист,
То женщина у очага встречает.

Любимая и мама — солнца два.
Идёшь по жизни, редко отмечая,
Что жив — от них. Коснёшься лишь едва,
И видишь, как белеет голова,
Где женщина у очага встречает.

Мои — не домоседки. Ни-за-что.
Дела, успехи. И питомцев стаи.
Бывает и ревнуешь, их родство...
Но успокоишься, помыслив о простом,
Что женщина у очага встречает.

Во всех веках, во все твои года
Под властью мудрецов... Но чаще — шаек
Спешишь к теплу, другим себя раздав
И веришь в то, что будет так всегда:
Здесь женщина у очага встречает.

Вера ЖЕРДЕВА

Выпускница факультета РГФ ВГУ.
Член Союза писателей Москвы

Литературные пародии

* * *

*«Хрустнул пальцами и пошел —
и трава ему не расти!
До чего же, блин, хорошо:
хрустнуть пальцами и уйти...»
Валентин Нервин*

А во взгляде — такая жесть!
А в поступке — такая прыть!
Хрустнул пальцами — это жест.
Но зачем же, блин, уходить?!

Хлопнул дверью. Иду-бреду,
понимая, что зря — ей-ей —
спрыгнул с поезда на ходу,
отказавшись от козырей.

И поманит меня вокзал.
Бездорожье навевает грусть.
Погуляю я полчаса,
хрустну пальцами и вернусь.

* * *

*«повышенным греша неутомизмом,
отправив в печь собранья всяких соч.,
пересмотревши измы через призмы,
как псевдосны в лунатикову ночь,
и оценивши, как же это мутор-
но — в общем предсказуемый итог —
ребенок заигрался в деконструктор
и лучше...как там?.. выдумать не мог.»
Вера Сафонова*

вдруг облачась в одежды пофигизма,
не в силах нелогизмы превозмочь,
посредством клизм промывши афоризмы,
припудрив сахаром etc. и проч.,
распробовав, насколько это притор-
но — не сгорев при этом со стыда —
сломал попсой уставленный пюпитр...
скажи-ка, дядя... как там?.. ведь не да...

* * *

*«Эти джинсы меня износили...»
«...Ну и ладно! Зато много бабок.
А вот баб...почитай, ни одной.»
Виктор Колесниченко*

Эти джинсы меня износили.
Вот такие судьбы виражи.
И сбежали. А сколько усилий
Я потратил, чтоб их убажить.

Я их в клубы водил, в рестораны.
Я ишачил на них, словно раб.
Бабки рьяно совал им в карманы.
Вот глупец, лучше б тратил на баб.

Только пусто теперь оголтелым:
В свет не выйдешь, не сядешь в такси,
Ведь без тела, известное дело,
Ни зажечь тебе, ни потусить.

В Интернете — тревожное фото:
Джинсы ждут, затаились, как тать,
Словно ищут в потемках кого-то
И не могут никак отыскать.

* * *

*Шагаю по лужам.
И солнышко светит.
Никто мне не нужен.
Я чувствую ветер.
Татьяна Кравец*

Шагаю по лужам.
И веером брызги.
Распахнуты уши.
Да здравствуют визги!

Устрою фиесту.
Мне все надоело.
Вот мокрое место
Для грязного дела.

Никто мне не нужен.
Свободна до дрожи.
Шагаю по лужам.
Спасайся, кто может!

* * *

*«Черт-те что у нас уже вышло.
Надо бантик повязать
сбоку.»
Андрей Бростовский*

Этот тридцать четвертый бантик
Повяжу, как ты любишь,
сбоку.
Не замечу в салоне батик.
И в бутик не пойду.
Что проку?

Как цинично сверкают стразы!
Бантик — весел и чуть
наивен.
А еще — оцените фразу —
прозябанью альтер-
нативен.

Эффективней, чем водка иль виски,
яркий бантик спасет
от стресса.
Выйду с ним на простор российский,
он укажет мне путь
к прогрессу.

Бантик сбоку — совсем не хило.
Дни хрустят на зубах,
как чипсы...
Ты всё бантики вяжешь, милый.
А когда ж «черт-те что»
случится?

* * *

*«Ветер, заточенный, словно железо...»
«Осень, ты стерва. Но вечно безгрешна.»
Нина Тюрина*

Времена года

Солнце бесстыдное головы кружит.
Птичьи права. Да и песенки — птичьи.
Неба осколок на донышке лужи.
Шлюха-весна, ты весьма романтична.

Пряничный домик, наполненный светом.
Молния, вдруг расколовшая полночь.
Неповторимость мелодии спетой...
Лето волшебное, ну ты и сволочь.

Ветер, заточенный, словно железо.
Выхода поиск из сути кромешной.
Привкус листвой облетевшего стресса.
Осень, ты стерва. Но вечно безгрешна.

Холод. Витрины расчетливо-броско
снова пиарят надежду на чудо.
Грустны снежинки. Насмешливы блески.
Вот и зима наступает. Паскуда.

* * *

*«Благодарю за твой укус,
Что возвратил мне к жизни вкус.»
Владислав Шихов*

Мазохист

Благодарю за твой укус,
Что возвратил мне к жизни вкус.
Я стал веселым и довольным.
Кровавый бритвою порез
К наукам вызвал интерес.
Еще, еще мне сделай больно.

Пощечина, пинок под зад —
И все дела идут на лад.
Благодарю тебя за это.
А твой по голове удар
Во мне стихосложенья дар
Открыл. Вот так я стал поэтом.

Татьяна ЖИРОНКИНА

Выпускница химического факультета ВГУ,
житель блокадного Ленинграда

*России гордость на века
Посвящается 200-летию Бородинской битвы*

Триптих

I

Бородинское поле

На этом поле негасимый свет.
И сколько боли...
Славе — двести лет!
Здесь шла Россия,
в помыслах чиста,
несметной силой
с верою в Христа.
Земля святая!
Небо шлет салют
тебе, родная.
И века идут...

II

Свет памяти

О, Бородинское сражение —
России гордость на века!
Здесь Жизнь и Смерть в своем рожденье,
и сила духа и клинка.
Они стоят на этом поле
в сыновнем воинском строю,
чтоб защитить России волю,
Отчизну, Родину свою.

Вдали поля желтеют хлеба,
и слышен колокольный звон...
Столкнулись силы: до полнеба —
огонь, гарь, топот, крики, стон;

Сверкают сабли, градом пули,
картечь, штыки и взрывов ад,
как будто свет перевернулся,
во тьме средь дня враги лежат...

И уносили с поля брани:
«Испить бы им воды святой ...», —
героев битвы, кто был ранен,
с нежизненной белизной.

Навек уснули... Жизнь — без страха.
Остановись, прощанья миг:
крест на груди, в крови рубаха,
и их иконописный лик...

Как верности могучи узы!
Здесь насмерть все полки стоят!..
Победа! На коне Кутузов
За все благодарит солдат.

Героям павшим нет забвенья,
их жизнь прекрасно коротка,
святое Родине служенье —
Народа подвиг — свет в веках!

Свет подвига потоком новым
Лучится в памяти людей:
Навечно генерал Ермолов
На малой родине своей*

... Сентябрь. Здесь травы золотые,
луна и тишь, сиянье звезд.
Ночами виден над святыней
Крест Вечности и свет берез.

* «Российская газета», 2 августа 2012, № 176; с. 30: «На памятник генералу Ермолову в Орле люди собрали 10 млн. рублей».

III

Наши дни

Там чудо-травы,
васильки цветут.
В родной державе
Поле берегут...

С тобой, Россия,
в испытаньях дней,
большая сила —
верность сыновей.

Тебя невзгоды
не сломили вдруг:
с тобой — свобода,
Солнца теплый круг.

Лариса ЗИМИНА

Выпускница филологического факультета ВГУ

Верность Гекубы

Не была я царицей Гекубой
В Трое, павшей от вражьих ран, —
Исколовшей глаза и губы
И застывшей как Пёсий курган.
Верность племени однолюбов
Не приемлет прямых и грубых
Аналогий. Причём тут Приам?
Пала Троя, и нам досталось
Только то, что досталось нам.
Десять лунных календарей,
Десять солнц десяти столетий.
В сквозняках вековых дверей
Всех затмений мои отметины.
Десять пар железных сапог —
Ярославна в Путивле,
Авдотья в Рязани...
Неизвестность валила с ног,
Поднимала тревогой раннею.
Десять лун никого не жду.
Десять бед никуда не иду.
Только это и есть беда —
Не идти Никуда.
В Никуда
Протрубили трубы —
Ветры верности вечной Гекубы.

Василий ЗУБКОВ

Выпускник исторического факультета ВГУ

Dive

*«И гад морских подводный ход»
(А.С. Пушкин. Пророк.)*

*«Подумай о своих грехах»
(призыв к покаянию, исходящий от
компьютерного вируса, запущенного
террористом, которого побеждает
главный герой Джеймс Бонд в кино —
фильме «007: Координаты Скайфолл»
Премьера в октябре 2012 г.)*

*«Идеологии модернизма было свойственно
представление, что мы можем отказаться
от мудрости былых времен, что нам больше
не нужно традиционное знание в сфере обра-
зования и сельского хозяйства, в искусствах
и ремеслах и что духовные практики — это
не более чем устаревшие предрассудки.
Но слово «пред-рассудок», несомненно, несёт
гораздо более глубокое значение, чем то, к ко-
торому мы привыкли. Оно отражает наше чув-
ство глубинной причастности к живому орга-
низму Природы, который активно, «бессозна-
тельно», постоянно ищет равновесия. Я полагаю,
что, отказавшись от сотрудничества
с этой вечной премудростью, мы породили
в сердце нашей современной картины мира
тревожный дисбаланс»
(Его Высочество Чарльз Виндзор,
принц Уэльский. Знание сердца.
Интуиция и цивилизация//Завтра.
Октябрь, 2012 г. № 43 (988). — С. 6)*

Безбрежно-широка познания купель
Глубокой тайны мирозданья.
В трехатомарном H₂O
Все некогда растворено...
Крута спираль у ДНК...
И вот я одноклеточный... Сперва —
...слиянье в такте двух сердец,
Потом теченьем ее красных кровяных телец
Внутриутробное дыханье,
И невесомый бремени покой,
И новой жизни плач,
И дальше инволюция сознания
До предрассудков о познание.
С надеждою на помощь свыше
Доступна телу вертикаль.
Все тверже первые шаги:
Вперед-назад,
Под стол пешком,
От света в тьму,
Все только по прямому,

Как стрела, лучу.
 Через отрезки расстоянья
 Доступно время осязанье.
 Движение из прошлого — «оттуда»,
 А в настоящем — «здесь» — покой,
 «Куда» тот путь?
 Его итог не видный.
 Вопрос о будущем мишени —
 Острый, очень не простой.
 Все дальше взгляд, широк простор —
 До горизонта кругозор.
 Конфликт — как первый диалог
 — Где «Лево»?
 — Справа.
 — От Тебя?
 — Нет! Ныне с телом слово «я»,
 Как символ центра бытия.
 Жестокость первых столкновений —
 В асимметрии представлений.
 За это «право» в бой клинок,
 А слева гадкий, как плевок,
 Из года в год, из века в век,
 Поток клевет из бранных слов,
 Огонь позора, гнев толпы —
 В борьбе все средства хороши.
 Цена доходных возвышений —
 Цепь удушающих побед.
 Анчар для царских стрел уместен:
 Цель — оправданье многих бед.

Комфорт беспечный
 В офисном раю,
 Коль срам прикрытый
 Дипломированным знаньем,
 С отрыжкой пережёваны
 Познания плоды —
 Об отпускной поре
 Воспоминанья...

Залитый солнцем мыс Айя,
 Палитра неги — «aux'lay-lay»!
 Чтоб остудить воображенье,
 Ты предложила погруженье
 В глубины моря,
 Словно в омут
 Моей взволнованной,
 Мятущейся души,
 В миры,
 Где у штормующей,
 Губительной стихии
 Есть таинство придонной тишины...

Когда в свои объятья меня принял
 Надежный, хладный
 И почти незыблемый покой,
 Своею ловкою рукой,
 В насмешку над коварною судьбой,

Моею жизнью ты играла,
 Пока на самом дне
 Всей сущей жизни колыбели
 Я погружался столь кокетливо-беспечно
 В свободный, невесомый сон,
 Где созерцал воспетую Звезду
 Пленительного Счастья,
 Которой не покинуть было
 Иллюзорный небосклон,
 Где не слышны привычной лиры звуки,
 Но каждый вдох здесь вдохновение несет,
 И руки твои нежно тронут струны
 На гусях седобравого Садко...

За пальчики сплетенные колечком,
 За твой оптимистический «окау»,
 Чтоб не остаться мне на суше бессердечным,
 Ты строки эти, как живую влагу, пей!

Дарья КНЯЗЕВА

Аспирант кафедры теоретической физики физического факультета ВГУ

Ангелоподобие

Есть в имени твоём не глубина,
 Не память о давно прошедших днях,
 А вязкая, тягучая волна
 Что слизывает замки на песках.

В глазах твоих не угадать огонь —
 Шевелится немая темнота,
 Тая в себе непрогремевший гром
 И визг незанесенного хлыста...

А в жилах человеческой крови нет,
 Под смуглой кожей медленно струясь,
 В них скупое серебрится лунный свет,
 С реальностью перерывая связь.

Вечер

ВЕЧЕР подошел, бессвязно
 Перелистывая шторы,
 Мягким абажурным светом
 Заплетаая разговоры.
 После оттепели грязно,
 И пейзаж, совсем не зимний,
 Нехотя натянет следом
 За плащом прозрачным — синий.

По дворам и переулкам
 ОН ступает еле слышно,
 Припозднившимся прохожим
 В спину сквозняками дышит.

Отзываясь лунно-гулко
На крадущиеся сказки,
Примеряет осторожно
Многочисленные маски:

Великанов и чудовищ
Восемнадцатоголовых,
Своевременных заклиний
Крестных мудрых (чаще, добрых),
Удивительных сокровищ
И невиданных созданий...

Дремлет трепетное счастье
В сладком омуте желаний.

Странники

В метрике синим по желтому:
Имя, фамилия, отчество,
Дата (искусственной родинкой
Непропадающих пропадом)...

Здесь ненадолго, без продыху,
Мимо, проездом, случайностью,
По перегонам и омутам,
По пустырям и окраинам...

Дикие вечные странники
В мертвом крошечном молчании
Лямку свою не оставили,
Переступая отчаянье.

Станции где-то отмечены,
Станции кем-то расставлены
Пустопорожними встречами
Выстрела на расстоянии.

Правдой неправда испачкана...
Вера? Сомнения? — Глупости!
Без толку с кем-то собачиться —
Соревноваться в нечуткости...

А уходит каждый слепой зарей,
Освобождая кусочек неба,
Сну мировому ни свой ни чужой,
Границей пропасти снят с прицела.

И умереть в один день...

Ветхозаветная сизо-лиловая муть...
К первопрестольному дому направились двое,
Пусть ни столпа огневого, ни крыл за спиною,
Бесповоротен единонамеренный путь.

Под равнодушными взорами тлеющих звезд
Были шаги их величественны и легки,
Словно в пролившейся мгле, не касаясь земли,
Плыли фантомы, видения, отсветы грез.

Лунные пряди пропущены в волосах,
Прежние испытания канули в Лету,
Наверняка знаменуют дорогу к свету
Терпкие запахи свежепримятых трав.

Полупрозрачные контуры серых фигур
Чертят одно на двоих, ведь рука об руку —
В дальние дали, без шороха, вскрика... звука —
В необратимо наипоследнейший тур.

Лица знакомым теплом изнутри горят.
Путь упирается в необозримый сад.
У золотого предела Господних Врат
Наши следы с предначальных времен лежат.

Апрельское

Два глотка с перевесом верности,
Натуральной, собачьей истова,
Жизни, городу, черной бренности —
Слабый вкус омерзительно чистого,

Не морозного и не пряного,
А такого, что чище некуда,
Ветра свежего, смутно пьяного,
До конца еще не прогретого.

А под вечер, дымами дышащий,
Разьедающий марлю времени,
Рухнуть в рыхлый дурман простывшего
В межсезонье продолжения.

Как ни странно...

Я о весне. Как ни странно, коротким выкриком,
Юрко скользнувшим в прогалину между крыш.
Лижет прохлады ладони, как пес прикормленный,
Лунный туман бархатист и нежданно/беспутно рыж.
Небо мерцает, алмазными манит брызгами,
Талой водой текущими за горизонт.
Дремлют на лавке, друг к другу прижавшись, голуби.
Город в потухших витринах лелеет сон....

Доля секунды в бессчетные годы плавится,
Легкие полнит прощанием прежних зим
Вдох. Задержать. Запечатать толчок предчувствия
В скобки. За скобками тишь и прозрачный дым...
Медленным шагом чуть слышно вернулась Странница,
Сладким томлением душу схватив в тиски.
Бесповоротно приносит (необъяснимо пускает) ее
присутствие
Кровь под лопатками разуму вопреки.

Вячеслав КОЗЛОВ

2 курс, филологический факультет, кафедра
издательского дела

Жесть

Пролез
 мимо
 таблички
 тяжелой,
«Лом черных металлов» —
 гласила
 она,
И
 жалко
 мне
 стало
 однопалую
 жесть
И
 страшно
 смотреть
 на
 нее,
Ведь
 знает
 судьбу
 свою, как ни на есть,
Бездумная
 спящая
 жесть.
В металло-
 железо-
 бетонных ульях
Живет человек,
 не гадая, что
 есть в этом мире —
Цветущем,
 гниющем и
 смердном,
Из
 черных
 металлов рода,
Одинокая слабая жесть.

* * *

Мертвые лица, опущены веки,
Блики усталые сумрак сулят.
Темным пожаром зловещие реки,
В море впадая, его очернят.

Медные гонги вызывают к рассвету,
Серые люди с постелей встают.
Белыми пальцами бьют по макету,
Жизнь в порошок пока не сотрут.

Зыбкие тени, мрак загустился,
Лица бездумные силу таят.
Черным по-белому дух взбеленился —
Память ушедшего в прошлом хранят.

Древняя сила в скупой центрифуге
Сдавит в тиски опостылевший гнет.
Там, где стартует Конец в черном круге,
Быструю поступь Начало берет.

Дар

Что для тебя этот дар?
Солнца ли светлый луч,
Красно-кровавый пожар
Иль единение душ?

Что для тебя этот дар?
Ливня ли серого глас,
Белой луны печаль
Или никчемный фарс?

Что для тебя этот дар?
Гор ли туманный зов,
Чистого неба высь
Иль единенье миров?

Что для тебя этот дар?
Счастья ли светлый порог?
Моря спокойного даль?
Так я понять и не смог...

Город

Город в вечерних огнях распалился красиво,
Свет фонарей расстилается сквозь темноту,
И как то скромно, таясь, очень мило,
Месяц вскарабкался вверх, расслоив светом Мглу.

А по мосту, что раскинулся властно над водною гладью,
Блики машин расстилаются сквозь пустоту,
Но не тревожат собак, засыпающих мирно на сене,
Ни их сородичей, завывающих всласть на луну.

Тьма загустилась, окутала черною дымкой
Парки, проспекты — весь Град, молчаливый, пустой.
И вурдалаки, почуяв, что Солнца уж нету,
Совесть зарыв, отправляют и честь на убой.

Каменный Улей, где пчелы, не делая меду,
Куют капитал, собирая из банков пыльцу.
Трутни ликуют, о деньги сбивая второй подбородок,
Души свои распродав сотню раз торговцу-гнильцу.

Улей притих, помогая всем праведным пчелам
Строить вендетту для тех,
Кто обрюзг, убивая в сердцах красоту...

Город в рассветных лучах озарился красиво,
Утренний свет прорывается сквозь темноту,
И очень гордо, с достоинством, мощно,
Солнце взмещается вверх,
Раздробив, уничтожив всю Мглу.

Сонет

Как лист увядший падает на душу,
На красно буром фоне октября,
Стервятники слетаются на тушу,
Кричащего с державою царя.

Орудий гром и Родины призыв
Четыре долгих года неизменно,
Вели народ вперед, в надрыв
Где наши деды победили неизбежно.

Так вспомните! Сыны державы грозной!
С каким наследием мы с вами рождены!
Лишь, тот, кто память чтит Отчизны гордой,
Достоин званья — сын родной страны!

Что есть величие России?
В нем пот и кровь людей, и их труды!

Виктор КОЛЕСНИЧЕНКО

Выпускник филологического факультета ВГУ
1971 г.

* * *

Снег, как парное молоко,
Дымится, ниспадает
Из тех полей, из тех лугов,
Где облака витают.

Снега белее облаков,
Вкусней небесной манны,
Туманней юношеских снов
И детских снов желанней.

А им навстречу духов рой
Взлетает и кружится,
Прощаясь с нашею землёй,
Как пред отлётом птицы.

Такой же белою зимой,
Бесплотные, как ветер,
И мы закружим в час иной
Над снежною планетой.

* * *

Уйти в листопад, обо всём забывая,
И не вернуться уже назад,
Или вернуться, а там другая,
А там другие, не те, стоят.

А в тот Египет песков невозвратных
Дорога истлела и стала тьмой.
И только сухие и жёлтые пятна
Проступят криком через окно.

* * *

На белёном холсте января
Лишь кровавый шиповник проступит.
Как повязка на ране, заря
Кровянится сквозь снежные струпья.

Птица редкая молча взлетит,
Оставляя колючую осыпь.
Там, где цвёл незабудкой зенит,
Ветер низкие тучи проносит.

Нахлобучим треух до бровей.
Рукавицы подтянем плотнее.
До февральских лазурных полей
Доживём, добредём, доболеем.

* * *

Эти джинсы меня изнашивали
И забросили на хрен меня.
Был спортивным я в них и красивым.
Было дырок полно у ремня.

Башмаки меня бросили вскоре.
Шаг был лёгок и крепок каблук.
Башмакам не по нраву мозоли.
Я им тоже не брат и не друг.

И весна меня кинула за борт.
А на кой я ей сдался такой?
Ну и ладно. Зато много бабок,
А вот баб, почитай, ни одной.

* * *

Жить, долго жить — не это ли морока
По руслу узкому и вязкому идти
Заросшей, чуть живой протокой,
Мечтая встретить на пути
Хотя бы к вечеру большую воду,
Чтоб солнце над сияющей рекой —
За этот путь награда идиоту,
За долгий путь и вязкий, и слепой.

* * *

Где б ни случилось,
Друг мой,
Среди звёздной пыли
Мигающим манящим костерком
Иль в том краю,
Где мы когда-то жили,
Ты опадаешь
Вкрадчивым дождём,
Ты здесь всегда,
Теперь уже незримо,
И синь родней,
Когда в ней растворён
Из детства долетевший
Запах дыма
И наших судеб
Предосенний звон.

Людмила КОЛЬЦОВА

Профессор филологического факультета ВГУ

Слово о Родине

Земля моя прекрасна, как невеста
В фате черемухи цветущей иль снегов.
И ленты рек, и шаль цветная леса,
И кружева озерных берегов —

Ей все к лицу. В нарядном платье летнем,
Осеннем золоте и зимнем серебре
Она милее всех на белом свете,
И нет ее щедрее и добрей.

Страна моя сильна и величава.
Терпеньем изумляющий народ
Трудом безмерным выстроил **Державу**
И честь ее берег — из рода в род.

Жив Русский Дух в легендах и преданьях,
В великой музыке и пламенных стихах.
Творец свое любимое созданье
Не зря пронес над бездной на руках.

Какая же неведомая сила,
Пришедшая из мрачной глубины,
Смутила душу, разум угасила
Доверчивых детей моей страны?

Откуда налетела эта свора —
Шакалами на раненую лань?
Растлители, мошенники и воры
Из всех щелей ползут — куда ни глянь.

Земля моя, Страна моя, Отчизна!
Как защитить тебя от чуждых и чужих?
На нас ты смотришь с горькой укоризной,
Не пришлох опасаясь, а своих.

* * *

К моим стихам, написанным так поздно,
Что и сама не верю, что — поэт,
Относятся с усмешкой, несерьезно,
А чаще так, что их как будто нет.
И все ж они живут на этом свете
Своей непредсказуемой судьбой,
На нашей горестной, измученной планете,
Где и не снится больше нам покой.

Одни из них — как маленькие дети,
Что пахнут теплым свежим молоком
И, радуясь всему, что есть на свете,
Бегут за пчелкой, бабочкой, жуком.

Другие — бьются над обрывом птиц,
Гнездо прикрывшей раненым крылом.
И кровь из сердца **моего** струится,
Когда в стране родной распад, разлад, разлом.

Одни приносят добрые приветы
Из незнакомых мест, из дальних стран,
И миру неизвестные поэты
Стихом врачуют боль сердечных ран.

А иногда вернутся с эпиграммой,
Злословие ее легко понять,
И ясен смысл, как простенькая гамма:
Себя я смею **РУССКОЙ** называть.

И есть одно — как долгий выдох — слово.
Его я напоследок берегу.
И ко всему давно уже — **ГОТОВА!**
Но есть — как вдох спасительный — **МОГУ...**

* * *

Нелепа жизнь. Уныла и пошла,
Ошибками полна, как школьная тетрадка.
Возьмешься исправлять — она уже прошла,
И только кол торчит за кованой оградкой.

Прекрасна жизнь, когда она полна,
Как Первый день творенья, — чистым светом.
Для радости Творцом звенящая струна
В оркестре Бытия дана Поэтам.

Из светотени соткан мир земной.
И каждая Душа кроит свои одежды
И вышивает нитью золотой
Цветы любви на веточках надежды.

Но если кровь окрасила закат
И мгла закрыла Небо голубое,
Душа обязана свой праздничный наряд
Сменить на тяжесть лат, готовясь к бою!

* * *

Я не казачка, не купчиха, не дворянка.
Куда известней и прославленной мой род:
Я истинная русская крестьянка,
Из тех, кто называется — народ.
Я знаю вкус труда и цену хлеба,
Любви, надежды, веры благодать.
И груз нести мне помогает Небо,
Какой порой мужчинам не поднять.

И Родине служу не за награды,
И не коплю на черный день себе гроши.
И у меня есть все, что человеку надо
Для сердца, для ума и для Души.

* * *

Накоплений у меня немного:
Тоненькая книжица стихов,
Узелок — в Последнюю дорогу,
Список незамоленных грехов...

Ничего уже Душе не надо
На Земле. И как сказал Поэт,
Жизнь была мученьем, бурей, адом...
Только счастья — не было. И нет.

Да и что оно — земное счастье?
Миг короткий призрачных побед?
Солнца луч средь бурного ненастья?
Беззаботность юношеских лет?..

У Души и Разум есть, и Воля.
Потому так сложно, трудно жить:
Не дает она себя былинкой в поле
Злому ветру времени кружить.

Лихолетье Душу не сломало,
Научила Жизнь держать удар...
Накоплений у меня — немало:
Память. Опыт. Слова чудный дар.

* * *

*Я был когда-то ротным запевалой...
Николай Старишинов*

И мой отец был запевалой ротным.
И знал он цену песне на войне.
Рассказывал, как с выкладкой походной
Шагал по Будапешту, и к спине,

Как кожа, прирастала гимнастёрка,
Сочилось кровью стёртое плечо.
Но надо было шаг печатать звонко
И показать, что силы — есть ещё.

И капитан десантной роты строгий,
Чтоб подбодрить измученных бойцов,
Командовал: «Ребята, выше ногу!
Ровнее строй! Ну, запевай, Кольцов!»

И он запел, и песню озорную
Весенний ветер подхватил, понёс.
Здесь — никогда не слышали такую,
Как «Полубил меня Макарка-водовоз...».

И будто не было усталости смертельной.
Солдаты, закалённые в боях,
Под песню по-мальчишески свистели
С улыбкой на обветренных губах.

И, словно отдохнувший на природе,
Шёл полк десантников, героев-молодцов...
«Орлы! Красавцы! Благодарность первой роте!
На трое суток под арест — сержант Кольцов!»

У озера

В черный бархат озеро одето,
Опоясано цепочкой белых лилий.
В жаркий полдень середины лета
Здесь — прохладу воды сохранили.

Ивы, наклонившись над водою,
Кружевной подернутою ряской,
Шелестят серебряной листвою —
Водяным рассказывают сказку.

Облако над озером зависло,
Растворяясь тихо в сонной лени.
И полны значения и смысла
Звуки, запахи, дыхание растений...

Залетел бродяга-ветер на минутку -
И остался спать, до самого рассвета.
Дремлют васильки и незабудки...
Жаркий полдень...Середина лета...

* * *

Есть на свете Страна Благородных и Смелых людей,
Где никто никогда не изведал тоски одиночеств.
Где звенят голоса певчих птиц и веселых, здоровых
детей.
И бедой не грозят откровения древних пророчеств.

Каждый там выбирает себе по душе ремесло.
Там в почете Художник и Зодчий, Певец, Музыкант
и Учитель.

Там разгаданы тайны завещанных предками Слов,
Что в легенды и сказки вложил Мироздания
Строитель.

Там душистым дождем льется с неба Живая Вода,
Омывая цветы на лугах, и платаны, и кущи сирени.
Круглый год молодильные яблоки спеют
в плодовых садах,

И в оливковых рощах спокойно гуляют олени.
В той Стране нет суда, но ее непреложен Закон:
«Человек для служенья Добру предназначен
и призван».

И не помнит история древних и новых времен,
Чтобы кто-то Страной был бы проклят, отвергнут
и изгнан.

В том чудесном краю я уже побывала давно.
И жила там когда-то, не зная печали и горя.
Я из солнечных бликов и лунного света ткала
полотно,
И плела кружева из серебряной пены лазурного
моря.

И учила детей вышивать драгоценную тонкую ткань
Алой нитью зари и лучом золотого заката.
И по лесу и лугу пройдя в предрассветную раннюю
рань,
Перламутром росы украшать кружевные наряды.

Я туда непременно, не знаю когда, но — вернусь.
И открою свой дом Музыкантам, Певцам и Поэтам.
Эта крепкая вера и знание смиряют унынье и грусть.
Есть такая СТРАНА. Только жаль, что на свете —
НЕ ЭТОМ.

Мария КОНОРЕВА

Студентка филологического факультета ВГУ

Не дышится

Недописанные стихи на полу валяются.
Мысли маются,
Подгибаются,
Старятся.

Ничего не выходит, а хочется.
Одиночеством
Баловаться
Летними ночками.
И заняться скорее бы зодчеством
Раскусоченья.

По дорогам души заброшенной
Ходят лошади.
Нехорошие.

Непрошенные.

Грязноватый туман ими сеется.
Потемнение.
И никак не развееется.

Беспорядок нарядами пыжится
В моей разрозненной хижине.
А без чистоты
Не дышится.

Полувзгляд

Полувзгляд — это тайна двоих.
Это тайна невсепониманья.
Это камерный полустих.
Полуслово, полувниманье.

Полувзгляд — это полубеда.
Не всегда подбираются люди.
Полувзгляд — это все-таки дар
В нашем обществе полубезумном.

Полувзгляд — это наше арго,
Чтобы больше никто не проникся.
Полувзгляд — это наш полигон,
Наших душ диалог, наша бытность.

Полувзгляд тянет полупечаль,
Полувздых или полуулыбку,
Полунежность полуначал.
Полувзгляд не бывает ошибкой.

Жив

Старый сквер. Золотой идет дождь.
Свет и тьма. На двоих одно небо.
И никто здесь не сможет помочь
Стать в этой осень первым.

Теплый ветер в каплях дождя,
И им полно дрожащее сердце.
Скоро ляжет туман на поля
Моих снов, равнодушных бездействий.

Скоро ляжет туман фонарями.
Необычная осень. Мечты.
Я ваяю тайны словами.
Где-то в памяти
Жив
Ты.

Жар

Жар. Наверное, не от мороза,
Не застывшие на ветру слезы,
Не следы уходящих губ,
Не квартиры тепло вокруг.

Жар. Мне надо скорей лечиться.
Не гонца ль да за синей птицей?
Нет уж, вряд ли она поможет.
Вынуть жар из моей-то кожи!

Жар. Привыкнуть, возможно, и можно.
Только как бы неосторожно
Он не сжег половины сердца,
Раздувая костры в мегагерцах.
Жар. От жара — одно лекарство,
Только б тратить его не напрасно.
Только б бережнее хранить,
Про инструкцию не забыть.

Жар. А ты — то крутое лекарство,
За него мне не жалко полцарства,
За него мне не жалко полсердца.
Может даже костер разгореться.

Излечи меня. Хоть клин клином.
Я запью тебя чаем с малиной,
И коробку твою сохраняю я,
По ночам тихонько целую.

Принимать тебя надо залпом.
По три раза в день, уже — пятый.
И всю жизнь тобой надо лечиться.
А побочный эффект: влюбиться.

* * *

Памяти В.С. Высоцкого

Не спи, пожалуйста, не спи
И поминай живых и мертвых.
И тихо-тихо до зари
На ухо мне дыши безмолвно.

Я знать должна, что ты живешь,
Что под рубашкой сердце бьется,
Изношено, любовью рвется,
Пока о правде ты поешь.

Не уходи, не исчезай,
Как бы уход внезапен не был,
Не смерти отдавай победу,
И ни на миг не умирай.

Предчувствуя последний вздох,
Не опускай в бессилie руки,
Как бы ты ни был слаб и плох
В последней судорожной муке.

Я слышу стук в твоей груди.
Он самый звонкий из аккордов.
Ты поминай живых и мертвых
И, уходя, не уходи.

Роман КРУТАКОВ

Студент 1 курса биолого-почвенного факультета
ВГУ

Сила Слова

Есть то, что скрыто на виду.
Оно не ново.
Немногие в тот путь идут
За силой Слова.

Оно способно созидать
Миры во тьме,
В беспечных душах пробуждать
Печаль и смех.

Ему под силу распрямить
Спираль Времени
И мимоходом изменить
Судьбу племен.

Во власти Слова чувств река
Бежит в сердцах,
Отчаянья шторм, беды закат,
Но нет конца...

Познавший Слово обретёт
Иную власть...
И в нём навеки расцветёт
Мечтаний страсть.

Юрий ЛЕБЕДЕВ

Выпускник исторического факультета ВГУ.
Редактор Пресс-службы университета

Музе

Расскажи мне о дорогах,
Что ведут куда-то вдаль,
О победах, о тревогах —
Их вдали всегда вдосталь.

Скоротаем длинный вечер,
Вспомнив летнее раздолье,
Солнце и весёлый ветер,
Корабли в далёком море.

И польётся, точно песня,
Удивительный рассказ,
Про грядущее немного,
Про других... Или про нас.

Пусть огонь в словах пылает,
Вьётся жизнь и голубеет даль.
Расскажи мне о дорогах...
От порога их вдосталь!

* * *

...Любил, терял и был слепцом,
И в серых буднях видел радость,
И за добро платил добром,
Хотя, признаться, это малость.

Я видеть научился позже,
Тогда же начал понимать
Я имена теней, но всё же
Иной раз лучше их не знать.

И будет рад своей неволе
Учёный, и смолчит поэт,
Слепой художник на балконе
Не нарисует, чего нет...

А я всё шёл вперёд — до цели,
Как мне казалось, далеко.
От перепутья до постели,
От «невозможно» до «легко».

Но иногда, во мраке ночи,
Я размышляю о былом...
Обман иль правду видят очи,
И зрячим был я иль слепцом?

Маяк

Среди холодных, бурных вод
Искал я путь и направление,
Я был во тьме, был одинок...
Но стал маяк моим спасеньем!

Звезда живая, сердце света,
Звала меня сквозь даль и ночь,
Сквозь моря гнев и песню ветра,
Что дул в лицо, толкая прочь.

Но что мне ветер, что мне море?
На сушу путь мой выходил,
И позади осталось горе —
Я снова видел! Я любил!

Ведь тот маяк в ненастной ночи,
Та животворящая звезда,
Дарила свет, как дарят очи
Твои, любимая, всегда.

* * *

...Порою в снах моих, излишне смелых,
Себя я вижу облаком — лёгким и белым.
Парю над землёю, в объятьях ветров,
Весь мир облететь вместе с ними готов!..

* * *

Во саду ли в огороде
Ваня репу чешет:
«Развести бы на природе
Что-нибудь... Поменьше!

Луку что ли посадить?
Никуда не годно!
В моде яблоки сейчас,
Нынче лук — не модно!

Посадить морковку может,
Из заморской дали?
Дед Панкрат тогда наденет
Бурку и медали!

Не годится! Репку что ли?
То же мне идея...
Вырастил — потом тяни
Трактором Матвея!..»

День меж тем всё веселей,
И решает Ваня:
Разобью здесь Сад камней
И построю баню!

Морская душа

...Там, на просторе, куда ни взгляну,
Чайка кричит подгоняя волну,
Та же, смеясь, убегает на брег...
С грустью за ними следит человек.

«Мне бы корабль — да в синюю даль!
Было когда-то мне жизни не жаль,
Бросил тогда и родню я, и дом,
Всё я отдал чтобы стать моряком.

Годы в пути, когда палуба — дом,
В грязных тавернах — блудницы и ром,
Ветер свободы, по курсу — восход...
Я не жалел, и был полным мой ход!

Только однажды порою ночной,
Буря свела наш корабль с бедой,
«Рифы по курсу!», стон досок и треск,
С ним мы погибли под молнии блеск.

Выжил я... Только теперь не пойму,
Жизнь, ты зачем мне забытом краю?
Здесь я давно, брошен времени счёт...
В море смотрю, — но никто не идёт!»

Там, далеко, в пустынном раю,
Чайка кричит подгоняя волну,
Та же, смеясь, убегает на брег...
Видит вдали паруса человек.

Студентка физического факультета ВГУ

* * *

Все, что мы звали смыслом,
Растаяло в серой мгле.
Свет так сходится клином
Назло мне и тебе.

Впереди — сумрак тумана,
Позади — поле в крови.
Ты винишь во всем горечь обмана,
я — холодные руки твои.

Может, пора уже прыгнуть?
Вдруг не обрыв, а Эдем.
Я успею от боли отвыкнуть,
Чувства твои не задев.

Но ни смелости нет, ни отваги,
Зато есть за спиною ружье.
И никто не кричит: «Может, хватит?»
Каждый твердо знает свое.

У такой войны нет ни мира,
Ни таблички с названием «The end».
Но и все же, может как в фильмах,
Может, счастье и есть в этой мгле...

* * *

Выжата. Как лимон.
До самого горького яда.
Ты в мыслях моих — миллион.
Я в твоих — пять десятых.

От боли, обиды скулить,
Как волк на луну, мне осталось.
Без смысла глаголом «любить»
Теперь вызываем мы жалость...

Ты, наверно, ошибся мечтой,
твой цвет — белой лилии пафос,
Я скорее шиповник лесной,
Одичавшая роза на скалах...

Моя гордость не знает границ,
а твоя не прощает ошибок.
но я падаю, падаю ниц,
Подставляя беззащитный загривок...

Что же я для тебя? Пустота...
А слова — им верить не стоит.
Я поэтому прячу глаза.
Мне кошачья выпала доля...

С глупыми не спорю; слабым не клянусь.
Те, кто близко, делят и печаль, и грусть.
с мудрыми — согласна, с умными — не факт.
нечем восхищаться в плену пустых бумаг...
жизнь — эх! — не подарок; сил нет отрицать.
в сердце сжалась жалость. выгоню. опять...
я смогу, я знаю; стиснув кулаки.
у судьбы найдутся на меня штыки.
я этой плутовке фору еще дам,
пусть кидает камни — выстрою плацдарм!
и устрою битву на ее пути.
я ее сильнее, тут как ни крути! =)

* * *

Грусти тень. Печаль разлуки.
А внутри... все те же муки.
Больно? Да. Не спорю. Дура.
Да, кричу, да, некультурна,

разобьюсь. сопьюсь. не плачу.
ухожу? нет. на удачу.
Не прощу. я... не сумею...
лучше по ветру развею...

Сердце — в пепел, чувства — в воздух,
Впереди — путь не из легких,
Задержусь, махну рукою,
и... останусь... вновь с тобою...

Снова, вновь, опять, однажды...
Круг замкнулся уже дважды...
а надежда заблудилась...
я люблю, я не влюбилась...

Тяжело... и больно. очень...
Ревность душит, гордость точит...
Камень ненависти... остро.
Нет ответов на вопросы...

Уходи!!! Я НЕНАВИЖУ!!!!
Ничего вокруг не слышу...
я тебя не знаю больше...
сердце — в пепел, чувства — в прошлом...

Попрощались, разбежались,
А внутри... все в пропасть сжалось...
Потеряла, убежала...
ты прости. тогда не знала...

время шло. жизнь затянула
черно-белую рутиную.
Ты ушел, забравши краски,
Смех, улыбку, счастье, радость...

я выросла.... вспоминала.
ночью, тихо, у причала...
время шло... и страсть утихла.
волны рьяно в берег бились...

ты вернулся. сердце сжалось
и на миг мне показалось...
все вернулось, как и раньше....
но... увы... я вышла замуж...

Валентина МАЖУЛИНА (МЕЛЁХИНА)

Окончила филфак ВГУ в 1970 г. Работала учителем в школе № 66, затем почти четверть века — преподавателем кафедры русского языка ВГПУ. Автор двух поэтических сборников, газетных и журнальных статей, комментариев к книгам стихов поэта Павла Мелёхина. Участвует в поэтических вечерах и Днях поэзии ВГУ и ВГПУ

Приветствие однокурсникам-филологам ВГУ выпуска 1970 года

Друзья мои! Для вас пишу
Свое приветствие ко встрече.
Поздравить всех стихом спешу
Я в старый Новогодний вечер.

Хочу сказать, что помню всех
И чаще все смотрю на фото.
Улыбки, лица, голос, смех
Я помню в розницу и оптом.

Гудошников, Бороздина,
Кавецкая, Распопов, Ломов...
Стоят все ваши имена
За превращенным в дело Словом!

Мечтали мы увидеть свет,
Гранит наук давался с боем.
Прошло уже так много лет,
Но каждый тот урок усвоил.

Учились с сыном мы вдвоем,
Ему — игрушки, мне — конспекты,
Но были вы всегда со мной,
Посильную вносили лепту.

Я руку дружбы к вам тяну
Со знаками родства и братства.
Могу сказать на всю страну:
Мне курс помог тогда не сдаться.

Нам ВГУ пути открыл:
Средь нас — учитель и редактор,

Поэт, профессор — много сил
Отправлено и нами в завтра.

И вот когда и век другой,
И конь не так уж резво скачет,
Остались сами мы собой,
И нам нельзя никак иначе.

Друзья мои! Для вас пишу
Свое приветствие ко встрече.
Воспоминанья ворошу
И говорю: еще не вечер!

Дуга, где родина моя

К 70-летию победы в Курско-Орловской битве

Дуга под Курском и Касторной
Зажала в сталь врага могуче.
Сомкнулся круг в раскатах грома,
Сжимая вражеские тучи.

Концом одним в Берлин бесовский
Под крайне мощным напряженьем
Ватулин вместе с Рокоссовским
Привел дуги заряд в движение.

Давалась нелегко победа —
Ее ковали как из стали.
Чтоб в сам Берлин на танках въехать,
Почти два года не хватало.

Но тронулся свободы поезд
Еще с окопов Сталинграда.
Здесь за дугу, как свою совесть,
Сражались русские солдаты.

Победным гимном стала песня,
Взлетела вверх, расправив крылья,
И алым флагом в поднебесье
Серпом и Молотом застыла.

И бился стяг при ветре сильно,
Собою землю закрывая.
Над Курском, посреди России,
Заря победная вставала!

Первый победный салют

Еще одна весна нас отдаляет
От тех боев под Курском на дуге.
И каждый раз она напоминает
О беспощадном недруге-враге.

Здесь все кипело. Воздух содрогался.
И зарево висело над дугой.
Солдат наш русский так в боях сражался,
Как во всем мире никакой другой!

В атаку шел за Родину с призывом —
Врагу земли ни пяди не отдать!
Стоял здесь насмерть генерал Шумилов,
Держался до конца Петров — сержант.

Дуга врага в бараний рог скрутила.
И в день освобождения Орла
Москва огнем с неимоверной силой
Салютным залпом небо обняла,

Чтоб мир узнал о подвиге народном,
О силе духа, стойкости страны.
В стремлении, движении к свободе
Ничем, никем непобедимы мы!

И с той поры, как память о Победе,
Взмывают в небо тысячи огней.
С дугой под Курском, ставшею легендой,
Навек сроднился курский соловей!

Максим МЕРЛЕВ

Студент биолого-почвенного факультета ВГУ

* * *

Белая планета смотрит сны про лето,
Смотрит сны про лето, про мечту...
Старая газета помнит суету...
А в душе поэта будет два куплета,
И в конце обычное «люблю».

* * *

Фонари горят на небе. Фонари!
На безлюдной улице, во тьме,
Словно счастье тянется к тебе
После десяти и до зари.
Если мне не веришь, посмотри!

* * *

Моя останется тетрадь,
На полке рядом карандаш...
Но, впрочем, если ты не дашь
Себя на душу поменять,
Возьму чернила, буду лгать!

* * *

Оторвите глаза от земли,
Затянитесь туманом до дрожи,
Оглянитесь! Мы так непохожи;
Вместе с тем, мы настолько близки:
Два трепещущих сердца под кожей...

* * *

А что судьба? Игра теней с рассудком!
Когда мы спим и видим сны про сны.
Но, просыпаясь в шестьдесят лет,
Пора бы разозлиться не на шутку...
Увы.

* * *

Срок годности. Печальный срок!
Смерть подойдет, обнимет сзади:
Зачем ты жил? Чего же ради?
Я ей скажу, что ради строк
И ради той, чьи руки гладил.

* * *

Я умирал. Уже не ждал рассвета.
Мой взгляд, одетый в пелену,
Метался, как больной в бреду.
И лишь душа, подхваченная ветром,
Взлетела вверх и разорвала тьму...

* * *

Мы, как хранители избыточного счастья,
По встречным полосам срываемся в овраг.
Чужих детей лелея на руках,
У одиночества находимся во власти.
Сплошные линии. Дыханье на губах.

* * *

Своих друзей слеплю из пластилина,
Придумаю характер и черты.
Они не спрячутся в кусты
И не ударят в спину.
Они бездушные. А ты?

* * *

Светлячки.
В темноте их много, посмотри!
Если съешь хотя бы штуки три,
Вдруг начнёшь светиться изнутри.
Светлячки...

* * *

Из туч валились люди: в объятья и на шею;
Кричали что-то хором, смеялись невпопад.
Стелили все матрацы, стелили все батуты —
Поймать себе кого-то мечтают стар и млад!
Из прессы мир узнает про странный людоед.

Пускай бегут пустые строчки
Под шум бегущего состава.
Глоток остывшего какава
И облетевшие цветочки,
Я замирал на запятой и оживал на точке.

Анастасия МИЩЕНКО

Выпускница исторического факультета ВГУ. В прошлом сотрудник ЗНБ ВГУ (ООИМ/ ООЕФ). С 2010 г. неоднократно публиковалась в изданиях свободных авторов «Парадоксы творчества» (г. Рязань), альманахах «Золотая строфа: Свободная тема» и «Золотая строфа: Стихи для детей» (г. Москва), а также поэтических коллективных сборниках и литературно-художественных журналах Союза писателей (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.): «Восторг души», «Страна Озарение», «ЛитОгранка», «По ту сторону реальности», «Вне формата» и Международном альманахе «Поэтическая акварель»

Туч разведенные краски...

Облачно.
Туч разведенные краски
медленно ветер метет.
Небо-художник, как по подсказке,
мазки за мазками кладет.

Полосы грозные цвета багряного
Синь заплетает в искусный узор.
Лики безвестные, лица румяные —
видит таинственность пристальный взор.

Чтение-пение книги мистической,
словно затмение мысли скептической.
Дивное видится сердцу глубокому,
знает оно старину ту далекую.

Слышит вибрацию нити духовной,
Бога далекого оклик пристойный:

«Как тебе дышится в зареве века
огненным пламенем левого века
идола страшного — Нечеловека?!»

То в рукопашную звать нас пытается;
Полчище бледное к вам обращается —
Инок усопший и ангелы-ратники...

Вот вам, развратники, их наказание:
молнией выжжено поле посевное,
пламенем писано слово заветное!

«Помните палицу Бог-человека!
Вам ли не справиться с умыслом беса?!
Зверя побитого в прах вы сотрите,
родину-матушку вспять воротите».

Детушкам малым зарей улыбнется,
сердце родимое в нем отзовется,
звоном рассеянным люд соберется,
жизнь полюбовная к миру вернется;

Колоколом к службе в храм созовется,
Облаком белым в небо вернется...

Явлено было Чудесное вам!
Пусть устыдится постылый ваш срам!
Кистью пишите на чистом холсте,
век возродите в Иисусе Христе!

Дивчина с Украины

Пан Кшиштоф пригласил на полонез,
но отказалась наотрез дивчина с Украины,
пред взором чьим невольно так предстали вдруг
равнины
Восточно-Европейской полосы...

И косы, и венки, и лютни... Свиристели,
что над родимым краем, размыв крыла крестом
летели!
Стога пшеницы скошенной, да хлопчик-босоног,
казак донской, да дед родной, направленный
в острог.

И крынка молока, и ломоть хлеба
на рушнике, расшитом мамкиной рукой;
Да белы облака, да лента неба,
зеркально отраженные рекой.

И Лавра, Днепр, и Киев, и Десна,
и ранняя весна,
и яблонь цвет —
Христов завет...

Крестьянки снедь —
за грош и медь?!
Не продается девичья душа,
хоть и Европа тоже хороша!

Сергей НАСЫРОВ

Студент факультета романо-германской филологии ВГУ. Стихи пишет с 2008 года

На десять тысяч метров ближе к Богу

На десять тысяч метров ближе к Богу
На десять километров. В высоту.
Последний взгляд бросаю я на город.
Бросаю взгляд и тут же отвожу...

А в городе все тихо: дремлет утро,
Росою умывается заря.
А дома распустились незабудки.
И тихо спит любимая моя.

А между нами снова километры.
А между нами снова города.
Вокруг мелькают лица и проспекты,
А я один. А рядом нет тебя.

Дежавю

Ты напоминаешь мне кого-то,
Но кого — я не могу понять.
Мне знаком твой голос и походка,
Все твои манеры, взгляд.

Мне знакома и твоя улыбка,
Я люблю с тобою помолчать...
Наша встреча — это не ошибка,
Но откуда б мог тебя я знать?

Может, ты когда-то мне приснилась
В день, когда я о тебе мечтал?
Я не знаю — так уж получилось,
Что, взглянув, я сразу же тебя узнал.

На столе часы отсчитывают вечность...

На столе часы отсчитывают вечность,
Отмеряя дни, минуты, годы.
Впереди и позади нас — бесконечность,
А вокруг — и счастье, и невзгоды.

А секунды тикают упрямо,
Миг за мигом в вечность унося.
Мне же каждого мгновенья мало,
Каждая минута — жизнь моя.

Время же проносится, как ветер,
Как несутся вдаль куда-то поезда.
Каждый миг — как кадр в киноленте,
Только вот перемотать ее... нельзя.

На столе часы отсчитывают вечность,
Жизни в этой вечности — секунды.
Мы приходим. И уходим в бесконечность.
В бесконечности секунды — наши судьбы...

В прямом эфире

По окну транслируется осень.
По окну показывают ночь.
Ветер листья желтые уносит.
В стекла барабанит мелкий дождь.

Мне не спится. И в прямом эфире
Я смотрю задумчиво на мир.
Свет погас уже во всех квартирах.
Город спит. Настало время лир...

Рождение фонтана

Совсем уже проснулся город,
Шумят машины — далеко не рано.
А в сквере слышен мягкий шорох —
Рождение Кольцовского фонтана.

Сначала робко и неслышно,
Затем, как будто осмелев, —
Струи фонтана словно дышат —
Сникают, — вновь вздымаясь вверх.

Смотрю на них, и вижу зиму:
Окно, покрытый снегом сад.
И одинокую рябину,
И бесконечный снегопад.

Эльвира ПАРХОЦ

Студентка филологического факультета ВГУ

Птица Гамаюн

*Написано на паре по истории русской литературы,
когда проходили цикл А. Блока
«На поле Куликовом»*

Ветер ранний да камень сизый.
Боль степей наплеснула в сердце.
Беззаветным полётом птицы,
Ключевой водою петься.
Позабывтой царевной Русью,
Не гонимой на запад рьяно;
Той росы переливной бусью,
От которой веками пьяны
(Не вином, а святой водицей), —
Буду петь. И во снах ковыльных
Сколько раз мне ещё приснится
Древний клич — молодых и сильных?..

На Водохранке за день до конца света

*Согласно каким-то данным,
конец света должен был наступить 21 мая 2011 г.*

Не было ни аккорда печали.
Солнце лежало
На прозрачных столбах в облаках.
Небоскрёбы и церкви в дали —
Бусами.
Утонувшая шина у берега,
Заросшая водорослями —
Как венок.
Утка и селезень
Чертили на шероховатой поверхности —
Водной табличке —
Сакральные знаки любви.
А моей любви, наверно, хватило бы,
Чтобы очистить все берега
Этого моря от мусора.
И, если бы — голос,
В моей песне были бы только
Тихий звон берёзовых листьев,
Плеск осоки
И наши с тобою шаги.
И единственной,
Солнечной грустью:
Мы с тобой существуем мгновение.
Я запомню его на всю жизнь —
На весь день.

Камнем по окнам

Неужели песни — камни?
Надо шлифовать до боли,
Надо одевать в оправу
И носить — на зависть многим?

...И правда, что песни — камни.
Булыжник возьму с дороги
И кину — не то, чтоб сильно, —
Метну я его
в окно.

Плеск стекла,
Блески брызг —
Будто бы
В гладь болота!
Но поверхность вод
Не сомкнётся вновь.

А в той комнате — жили-были
За стеной из вещей и дел.
И на мир сквозь экран глядели,
«Звуки леса» через колонки
Иногда вечерами слыша.

Вдруг — расплещется миропорядок:
Разобьётся окно.

И я верю, что — обернутся,
Возмущённые ветром улиц,
И увидят в осколках — солнце,
И почувствуют запах лип
И прогорклую хмарь проспектов,
И услышат в машинных волнах
Крик о помощи, детский возглас,
Шелест сребреников и крыльев
И — над городом — сердца стук.

Я убегу,
Чтоб не поймали,
В пыльность дворов
И чердаков.
Но эхом стеклянным
В ушах зазвенит:
«Я достучался —
Камнем
по окнам».

Около художественной школы

Основано на реальных событиях.

Привезли, раскатали рулоны
Травы и дёрна.
У газона — новые эталоны.
Дать бы отсюда дёру,
Но мне интересно — стою.
В середине сделали клумбу
С надписью из цветов: «Coca-Cola».
Лучше бы — «I love you»
И с какой-нибудь статуей тумбу.
Для прикола.

Завершили работу. Поставили штамп — табличку:
«Осторожно! Обработано пИстицидами». Словом,
Всё вполне эстетично.
Просто пока — ново.

* * *

От кого это ночь уходила,
Тихо плача,
По лужам на шпильках дождя?
И всё чудилось: кто-то шептал
Её имя и шёл за ней следом.
Нищий ветер сидел в стороне,
пересчитывал,
Бормоча, тополиную мокрую мелочь.

Новая легенда

*Лишь потом кто-то долго не сможет забыть,
Как, шатаясь, бойцы об траву вытирали мечи.
Из песни «Легенда» группы «Кино»*

И пришла ниоткуда в поле.
Ночь стояла, и время стояло.
И огни новостроек — тревожно.
Прошлогодние шелестели травы.

Здесь века назад была битва.
И мечи хоронил вереск.
Я из тех. Всем привет. Вернулась.
Но навстречу никто не вышел.

Убегала от смерти — предатель.
И убили меня — в спину.
Тень не тень, а теперь очнулась.
Где вы, павшие в битве герои?

Моё эхо давно отшумело.
Но предателем больше не буду.
Мстить за тех, кто погиб в сраженье:
Я последний забытый воин.

Я возьму от знамени древко.
Тень не тень, а пойду к новостройкам.
Посмотрю, что вокруг изменилось.
Мы тогда проиграли, помню.

Договор

Я стою перед залом —
Небом ночным.
Молча ждут, что скажу,
Зрители-звёзды.
И луна — председатель жюри.
Так их взгляды вонзаются в тело,
Что от боли не двинуться
И не содрать
Засохшей улыбки.
— Я хочу заключить договор.
Дайте ветер мне — новый,
Навороченный, скоростной;
Обручите с гитарой меня
По расчёту.
И хочу, чтоб на наши с гитарой концерты
Раскупались билеты — опавшие листья.
А за это я вам обещаю
Никогда не петь о любви.

Совещались зрители-судьи
До рассвета. И что там решили —
не знаю...

Но теперь отпускаю свой ветер
(Простоял в гараже:
Всё боялась — угонят).
И точку по углам старый нож —
Перерезать холодные вены гитары
(Что была мне верна).
И сжигаю билеты
В осеннем костре.
Я пытаюсь добиться приёма у звёзд.
Я стучу в облака — да всё без толку.

Где найти адвоката,
Что сможет расторгнуть
Тот дурацкий ночной договор?

Николай ПИСАРЕВСКИЙ

Профессор исторического факультета ВГУ

Кукушка

Завелась кукушка
Рядом с домом где-то.
И тоскливым голосом своим
Открывает утро,
День двадцатый лета...
И отсчет ведет годам,
Оставшимся моим...

Не томи кукушка.
Слушать тебя мука.
Разорительница-вещунья
Подскажи:
Выпадет ли
с жизнью мне разлука
И полет над пропастью во ржи?

Или, презирая время,
Нежно, безотрадно,
Без взаимности, не трогая его
Дашь пожить
Не умно, не как надо
Но достойным счастья своего.

Годы

Давят годы своим грузом
Мне на ось.
И напор их нескончаем...
Берет злость.
Промелькнули. Пролетели.
Стерся след.
Где сегодня ты, товарищ?
Тебя — нет.

О жизни

Две голубки в окне.
И, что свили гнездо на черемухе,
Две скромнейшие птички —
Жизнь моя в два листа.
Из которых исписано
Лишь две странички.
Остальное — ничто.
Просто terra incognita.
Не расписано даже.
Потому и не понято.

* * *

О перспективах будущего
С тихой грустью судим.
Но вот какую Тайну
Надо приоткрыть.
Мы — молодцы!
Пока еще мы Любим!
И женщины
Дают еще себя Любить!

* * *

Куда уходят жизни поезда?
Туда,
Где судеб нити рвутся.
Откуда нам не улыбнуться.
И...
Не вернуться никогда.

Татьяна ПОВАЛЮХИНА

Выпускница филологического факультета ВГУ.
Стихи публиковались в журнале «Подъем»,
альманахе «Очарованный странник», газетах
«Молодой коммунар», «Берег», «Воронежский
университет». Руководитель литературного
кружка МБОУ гимназии «УВК №1». Автор
двух поэтических сборников

* * *

Костя Кинчев поет и над злой водохранилкой —
Свет высокого «Неба славян».
Мы послушать его приходили с Оксанкой,
Убедиться, что жизнь — не обман.

Жизнь промчится неспешным, но быстрым
движеньем,
Храм Успенья — свидетель тому.
Как духовным порывом, живу тем мгновеньем,
Где с тобою идем по холму.

Где пророк и святитель поделятся с нами,
Как детей, нашу молодь обняв.
Грешных нас да простят небеса с облаками,
Наших душ невещественный сплав.

*«пророк» — на холме за ВГУ находится храм во имя
пророка Илии, «святитель» — под холмом находится
храм во имя святителя Митрофана Воронежского*

* * *

И дорога, и град, и весь —
Все связалось в русской судьбе.
И довольно лишь Слова здесь
на живую латать себе

раны... Рано — подъем, города.
Звездно — мчаться, пути торить.
И зачем-то таиться года,
чтобы миг один говорить.

Так выносит на берег прибой.
Так выносит обиды земля.
Так Всевышний прикроет собой
Разворот твоего руля.

Алексей ПОПОВ

Окончил историко-филологический факультет
ВГУ по специальности филология. Участник
Великой Отечественной войны, кавалер боевых
орденов и медалей. Опубликовал более 20 книг

В старом барском саду

*Розе Серко-Савельевой,
радиоразведчице*

Антенн армейских паутина
Сад старый густо оплела.
Солдаты русские в машинах
Вершат армейские дела.
В саду такого не бывало:
Морзянки свист — не соловья.
Когда-то здесь чай пивала
Степная барская семья.
А ночью, в свисте соловьином,
Младая дева — мнится мне —
С соседом, юным дворянином,
Сидела тихо при луне.
Прошли года походкой четкой,
Сад тайны старые хранит...
В нем снова юная девчонка,
Но не сидит она — стоит.
Стоит красавица с винтовкой,
Глазами зоркими — во тьму.

И даже месяц бледно-тонкий
Не удивляется тому.
Хоть вид ее довольно строгий,
Глядит он смело на нее.
И даже лучиком потрогал
Штыка тугое острие.

*Август 1943 г.
Городок Чернь. Тульская область*

Пушкинские горы

Земля ползет назад, рельефно горбясь,
Какую-то возвышенность суля.
Сказал сосед мой: «Пушкинские горы,
Священная российская земля...»
Так вот где пела пушкинская муза,
Великая владычица времен,
Предвестница прекрасного союза
Народностей российских и племен.
Мы прекращаем песни, разговоры —
Наполнил душу каждую восторг.
Но уплывают Пушкинские горы
От нас туда, в Россию, на восток.
Как жаль, что мы промчались стороною,
Не посетив заветный уголок.
На запад мы, гонимые войною,
Спешим, чтоб уложиться в нужный срок.
Пехоту обгоняем, танки, пушки,
Людские лица тают позади.
А я все жду: вот-вот мелькнет вдруг Пушкин
С солдатским автоматом на груди.

*1943 г., сентябрь.
Переезд с Брянского
на Второй Прибалтийский фронт*

Татьяна ПОПОВА

Студентка 1 курса биолого-почвенного
факультета ВГУ

Размышление

Наш фильм закончился в начале —
После пролога — эпилог...
Вороны будто прокричали
Над нашим чувством некролог.

Мир разукрасив чудо-краской,
Ты поманил меня с собой.
Но та, подаренная, сказка
Закончилась, осталась боль...

Играл, как кот играет с мышкой,
Со мной... казалось, что влюблен.
Прокрался осторожно stealthкой
К душе, азартом окрылен.

Теперь над пропастью я снежной
Стою, душа покрыта льдом...
Чего-то жду с слезой-надеждой?
И думаю опять о ком?

Как выпадет, — орлом иль решкой?
Монета судеб — все ребром.
Тебя люблю любовью грешной,
Ты помани меня добром.

Воспоминанья растревожат
То, что уходит без следа,
Но возратить любовь не сможет
Уже никто и никогда...

Аркадий ПРЕСМАН

Выпускник филологического факультета ВГУ
1970 года, член Союза российских писателей

Настоящее видится впереди!

Памяти В. Переверзева

Ах, Володя, ты не был гулякой отчаянным,
не шумел, как в разливе шумит река.
И о смерти твоей мы узнали случайно
из газеты «На родине Маршака».

Что ни вести глухие, то сплетни и враки.
Мы дружили, товарищ, почти на бегу.
Мы учились не где-нибудь, а на филфаке,
в незабытом, любимом, родном ВГУ.

И какая б с тобой не случалась история,
говорил ты, смеясь: «Подожди, погоди,
это всё не серьёз, чепуха, бутафория —
настоящее видится впереди!»

По-над кручей гуляя завьюженным берегом,
написал ты, не прячась в лиловую тень:
«Тихо спит, занесенный предмартовским снегом,
край безмолвных потёмкинских деревень...»

Помотало тебя по угрюмой России,
затерялась поэма о первой любви.
Не хвалили особо и не поносили
настоящие тихие строки твои...

Похоронен поэт на Орловщине, вроде.
Ну а прежде, вблизи от горячечных снов,
осторожная смерть, примеряясь к Володе,
не коснулась его настоящих стихов.

Вот какая случилась на свете история,
но отчетливо слышу: «Постой, погоди,
это всё не серьёз, чепуха, бутафория —
настоящее видится впереди!»

Афорист

«В борьбе со злом не обойтись без зла», —
сказал не я — Аркаша Давидович.
Его невозмутимые глаза
иронию таили, а не горечь.

Идеалист и циник заодно,
он обитал в родном полуподвале.
Дешёвое богемное вино
ему на театральной продавали.

В День города, валяя дурака,
одетые без праздничного лоска,
мы встретились неожиданно у ларька,
вернее, у газетного киоска.

Чудной непреднамеренности рад,
признался он, сворачивая к рынку,
что многое закладывал в ломбард,
но только не родную пишмашинку.

Ни в грош не ставя многословья вал,
он шлифовал до афоризма фразу.
Он сам с собой упрямо воевал,
особый почерк обретая не сразу.

Весь мир в остроту превратить готов,
ломаю ход учтивых словопрений,
он говорил: «Не надо лишних слов,
скажите просто: Давидович — гений».

Свой след

Евгению Слепых

Нам были и признательны, и рады.
Сопутствовал успех декадным дням,
когда в составе творческой бригады
мы ездили по дальним деревням.

Я помню клуб и полотно экрана,
в проёмах окон изморозь видна,
а на экране солнечно и странно
бушует океанская волна...

Потом поэты появились в зале.
И, как волчонок, худощав и смел,
на авансцене, будто на вокзале,
поджав колени, мальчуган сидел.

Он местный был и вроде бы не местный,
любил кино и, будто на беду,
ему, салаге, не хватило места
в последнем дополнительном ряду.

А строки перекачивались гулко,
от звонких фраз кружилась голова,
и мальчуган, как пористая губка,
в себя невольно впитывал слова.

И в тесный зал посматривал победно:
мол, знайте наших, что я говорил...
Он был одет неряшливо и бедно —
в подобье телогрейки и бахил.

Поочередно выступали «зубры» —
поэты именитые вполне,
а мальчуган в улыбке скалил зубы
и хлопал не кому-нибудь, а мне.

Черноволосый выкормыш Востока,
с причудливыми генами в крови,
глядел он с обожаньем и восторгом
не на меня — на «корочки» мои.
С поношенными чёботами рядом,
с кирзовыми ботинками, ему
моя обувь показалась кладом,
непостижимым сердцу и уму.

Он горбил спину очумелой кошкой,
от счастья цепenea и тоски,
и гладил растопыренной ладошкой
модельных туфель узкие носки.

И, может быть, в его душе неожиданно
отложится на много-много лет
и гул стихов, и говор океана,
и не рекламный, а духовный свет.

Серьёзный век прожив не зря, не втуне,
он сам себе на утренней заре
с улыбкой скажет, что главней, чем туфли,
тот след, какой оставил на земле.

* * *

Л. Завельской

И сказала ты мне
в полутьме опустевшего зала,
где пунцовые розы
мерцали волшебнo-тихи:
«Как хотела бы я,
чтоб несуетность вечностью стала,
и хотела бы я,
чтобы вечно звучали стихи.

Ты пришла в этот зал
ни оркестра, ни музыки ради,
ни в кампании шумной
докучливых фрейлин и муз.
Как была хороша ты

в своём безупречном наряде,
где продумано всё —
от кольца до агатовых бус.

Я хотел бы опять
очутиться в несуетном зале,
где пунцовые розы,
как прежде волшебнo-тихи
и где губы твои
что-то ласково полусшептали,
и где вечность плыла,
и звучали, звучали стихи.

Ирина ПРЕСНЯКОВА

Студентка факультета журналистики ВГУ

* * *

Я из тетрадной мишуры
Возьму один листочек
И буду создавать миры
Из букв, значков и точек.
Создам из собственных идей
Законы мироздания,
Потом я напишу людей,
Их чувства и желанья
Я вместе с ними погрущу,
Я проявлю заботу.
Потом возьму и отпущу
Все это на свободу.
И вот они уже живут,
Живут на свете сами.
Они кричат, они поют
Своими голосами.
Я сотворенье бытия
Закончу скромно, точкой.
Но знайте, люди, это я
Стою за каждой строчкой

* * *

Твоих рук никогда не коснётся
Теплый лучик погасшего света.
И ничто никогда не вернется,
Возвращаться плохая примета.
Дождь прошедший опять не начнётся,
И в окно твоё не постучится.
И ничто никогда не вернётся.
То, что было, уже не случится.
Но зачем мы ночами рыдаем,
Забывать и прощать не умеем,
И о собственном прошлом мечтаем,
И о собственном прошлом жалеем?
Мы взрослеем, стареем, мудреем,

Только сердце отчаянно бьется:
Если сразу мы жить не умеем,
Почему же ничто не вернется?

* * *

Когда-то, может, я тебя коснусь.
Однажды бесконечности кончатся.
Но те, кто обещают: «Я вернусь» —
Обычно никогда не возвращаются.

Пока ты возвращаешь мне ключи,
Все про себя я повторяю снова.
Молчи, молчи, пожалуйста, молчи!
Не говори мне два ужасных слова.

Не говори, послушай, погоди,
Когда ко мне спиной ты повернешься,
Ты лучше просто молча уходи,
Тогда я буду знать, что ты вернешься.

Однажды я сломаюсь, разобьюсь,
Однажды сил останется немного
И я пообещаю: «Я вернусь» —
Кого-то обнимая у порога.

Я в теплый плащ покрепче запахнусь,
Когда настанет время попрощаться.
И я пообещаю: «Я вернусь» —
Чтоб больше никогда не возвращаться.

* * *

Греет чайник старая женщина,
На полу валяется хлам,
И проклятая Достоевщина
Снова прячется по углам.

Этот пряник её надкушенный
Так же сух, как она сама.
Её завтра найдут задуманной.
Её сыну завтра тюрьма.

Но сегодня во время обеда
Они пьют ароматный чай.
Только главное, чтоб беседа
О деньгах не зашла невзначай.

* * *

Вы меня не надо, не жалейте
Я ведь человек, а не щенок.
Можно, я сыграю вам на флейте?
Потому что пьян и одинок.

Можно, я вам все-таки сыграю?
Да-да-да, мне важен ваш ответ.

Можно, я представлю, что вас знаю?
Будто мы знакомы тыщу лет...

Будто мы однажды расставались,
А теперь вот встретились опять.
Вы мне улыбнулись, растерялись...
А теперь я буду вам играть.

Тысячей придуманных историй
В водопаде звука разольюсь.
Нет, я не кончал консерваторий.
Вам спасибо. Все. Пойду напьюсь.

Людмила ПРОХОРОВА (ПОРУЦ)

Окончила биолого-почвенный факультет ВГУ.
Работала биохимиком (врачом-лаборантом),
дошкольным педагогом

Война

Шла по улице девчонка,
Глазки — василек!
Раздувал ее прическу
Свежий ветерок!

В голове ее витали
Розовы мечты!
И улыбкой украшались
Юные черты!

Все вокруг ей интересно,
Все добром полно!
Шла с душою нараспашку —
Не защищено!

Не закована в оковы
Страх и беды,
В синь лазурный небосвода
Устремив мечты.

Синь лазоревого неба...
Рябь морской воды...
Ничего не предвещало
Горя и беды.
Лихо — горе налетело
Ужасом полно,
Хрусталем разбитым острым
Под ноги легло.

Все разрушило, сломало,
Счастье размело,
И осколком острым, больным
В сердце залегло...

Шла девчонка, напевая,
Глазки — василек!
Раздувал ее прическу
Нежный ветерок...

Папины руки

Папины руки — книг упоенье,
Чтение Майн Рида... Стивенсон, Холмс.
Папины руки — санки и лыжи,
Льда невесомость, жизни восторг!

Папины руки — сила и твердость,
Смелость и честность, радость зари!
Солнца сиянье, сада цветенье,
Музыки звуки, краски картин!

Папины руки — дома творенье,
Мамино счастье, бабушкин рай!
Детям — защита, детям — взросленье,
Крылья для внуков: «Лети... созидай!»

Я родилась в России...

Я родилась в России,
Живу здесь и люблю,
Дышу, творю, мечтаю,
Судьбу благодарю!

Я чувствую опору,
Защиту и тепло
Людей простых и сильных,
Живущих тьме назло.

Мне помогает память,
Хранящая в душе
Дни детства, дни исканий,
Прошедшие в труде!

Валентин РАХМАНИН

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета ВГУ в 1953 году. Доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии, активный участник Дней поэзии ВГУ

* * *

Века менялись и цари,
Но как бы ни было обидно,
Мы разучились правду говорить,
Лукавой доверяясь кривде.

Мы разучились правду понимать,
Над пропастью во лжи ища забвенье.

И только — горе от ума,
И только — призраки и тени.

Мы с боем брали рубежи,
И вывозила нас кривая...
По правде-совести бы жить —
Тоска в народе вековая.

* * *

Немало дыр в моем кармане;
Нет ни машины, нет и дачи...
Но не прошу я подаянье
У вольной госпожи удачи.

И в этой жизни покаянной
Я не гонюсь за пошлой славой.
Не протяну за подаяньем
Руки ни левой я, ни правой.

Напрасны пусть мои старанья;
Другой пожнет мои посевы...
Не протяну за подаяньем
Руки ни правой я, ни левой.

Не назову судьбу пропащей,
Не назову ее и дивной...
Я, может, на земле скорбящей
Один из редкостно счастливых.

И сердце сдавит дикой болью...
Но при любой лихой погоде
Я, может, средь людей невольных
Один из редкостно свободных.

* * *

В суете конфликтов и зависти,
В пересохших истоках рек
Есть мгновенья нечаянной радости,
Если встретится вдруг человек.

Над забытой старинной повестью,
Может, странно сегодня рыдать.
Человек с несгоревшей совестью —
Это больше,
чем Благодать.

И житейскою правдой проверено,
Как бы ветер людей ни кружил,
Не растоптано все, не потеряно,
Если совесть не шла на распыл.

Человек — не понятие пустое
И не солнечный блик на воде.
Мир спасется не красотой —
Состраданьем к чужой беде.

* * *

Судьба ль разыграла,
Иль сам проиграл,
Но в скуку опалы
Я странно попал.

Разбужены нервы
В сердечной печали:
Когда-то был первым,
Споткнулся — в опале.

А вёсны летели,
И зимы прошли.
Свистели метели
В бездонность души.

Смеялись, рыдали
Мои города,
В заоблачье звали,
А я — никуда.

И осень исчахла,
Упали дожди.
А ветер рубаху
Рванул на груди.

Ударит ли буря
В опальную муть,
Не брови нахмурю,
С восторгом приму.

* * *

Обидные гроздя
В себе не коплю,
Последние звезды
В ладони ловлю.

Ударит ли буря
В раскрытую грудь...
Навстречу свободе
Успею шагнуть.

* * *

А что-то было и не стало,
Забвенья поросли травой.
И не достиг я идеала,
Поскольку не было его.

Не годы шли. Менялись числа
И умолкали в пустоте.
Искал я потаённую мысли
В неугасаемой мечте.

Я тосковал об идеалах
И правду с вымыслом связал...
А кто-то вслед мне усмехался,
И чья-то падала слеза.

* * *

Время не быстротечно.
На поворотах крутых
В каждом мгновении — вечность
Всех несвершений моих.

Вечность таится в мгновенье,
Как в животворной зерне.
Истина зреет в сомненьях,
Но не даётся мне.

Кто-то хранит заветы.
Новые гимны поют...
Но из мгновений ветер
Выдует вечность мою.

Слушая Бетховена

Горькой правды не спрятать
За соблазнами дней:
Наше время распято
В круговерть страстей.

Жизнь всегда безвозвратна
Ни на миг, ни на век.
Но за каждым закатом
Неизбежен рассвет.

Где-то рушатся своды
Под раскаты гром.
Но по зову свободы
Мы упрямо идем.

Жить и жить нам, ребята.
Ещё рано в музей.
Мы в долгу неоплатном
Ез тизз зет,
Ез тизз зет.

Так Бетховен когда-то
В глухоте своих тайн
Свет увидел в сонатах
Ез тизз зет, Ез тизз зет...

* * *

Весь мир переиначь,
Но есть закон жестокий:
Когда трубит труба,
То надувает щеки.

Когда гудит весна,
Вскипает разнотравье,
Природе не до сна
И отдыхать не вправе.

Чтоб не ушла мечта
И сердце не скудело,
То истина проста:
Нет радости без дела.

Когда не видно зги,
Не упрекай кого-то,
А руки запряги
И дай мозгам работу.

Эпиграммы

Л. Е. Кройчику

Нет правды смелей и короче
На грешной и вольной Земле:
Не всякий лев — уважаемый Кройчик,
Но Кройчик — заслуженный Лев.

NN

Строенье мира он постиг,
И все проблемы он потрогал,
Как будто бороду постриг
Ему поверившему Богу.

FF

Он не рубил с плеча дрова
И мыслил аккуратно.
А тайну сердца открывал,
Как банку с килькою томатной.

V. W

Не сомневался он в одном
(Не позволял переиначивать):
Быть Указательным Перстом
Ему судьбою предназначено.

R.D

Она распространяла новость,
Не уставая вдохновлять,
Что наивысшая духовность —
Шанель. Конечно, номер пять.

Парадокс истории

В России порядок не слабый.
Крепчает из года в год.
Власть наступает на грабли,
По лбу получает народ.

Ногою, отнюдь не дряблой,
В движенье нелегкой судьбы
Народ наступает на грабли,
Но власть уклоняет лбы.

Рудольф РУДЧЕНКО

Выпускник биологического факультета ВГУ
1964 г. Живёт в Москве

Галичья Гора

Идём по склону по-над Доном —
В гостях у Галичьей Горы.
Обитель —
Наряду с Кордоном
Нашей студенческой поры.

И вот Утёс —
Что к Небу ближе,
Здесь Ветры вольные поют.
Вблизи Утёса —
Ниже,
Ниже —
Там воды медленно текут.

Луга —
Палитра разноцветья
Высоких трав
И, просто крох,
Пришедших к нам сквозь лихолетья
Геологических эпох...

Се —

«Мекка для натуралистов».*
Разнокалиберных мастей.
И для любителей туристов —
Природы искренних друзей.

Свиданья с Галичьей Горою
Нас потрясают до сих пор.
Хоть и давно,
Само собою,
Должны начать мы разговор.

О том, как нам беречь Природу
Сих уникальных уголков,
Благоприятную погоду
Создав для этих островков.

В преддверии встречи

Сокурсникам —
студентам биологам —
выпускникам Воронежского
Государственного Университета
в 1964 году

Все мы,
Ведомые Судьбою,
В Даль неизвестную идём
Всяк под своей —
Своей Звездой
И всяк своим —
Своим путём...

Один немного утомился.
Другой всё также смотрит вдаль.
А третий —
Третий раз женился —
А всё в глазах его печаль.

Четвёртый внуком обзавёлся.
Ему теперь всё —
Нипочём.
А пятый так и не нашёлся,
Но мы-то помним ведь о нём.

Шестой плутает в лабиринте
Самим надуманных проблем.
Седьмой —
То стайером,
То в спринте.
На зависть, право,
Вся
И всем.

Но как бы ни было,
Нас снова
Ждёт встреча тёплым летним днём.
Никто лишён не будет слова
В воспоминаньях о былом.

Минутой скорбного молчанья
Почтим ушедших в мир иной...
И лишь потом воспоминанья
Нахлынут мощною волной.
А помнишь Коршево родное
И травы Галичьей Горы —
Напоминание живое
Шальной студенческой поры.

И нашу Усманку в закате.
И наш студенческий Кордон.
В них до сих пор, друзья, я, к стати,
Как мальчик, по уши влюблён.

* — В.И. Данилов. См. список литературы.

Преподавателей,
Чьё слово
В нас пробуждало к жизни страсть,

А после —
В жизни нашей новой
Оно же не дало пропасть.

Поговорим о наших планах,
О внуках, детях —
Обо всём.

О ближних, дальних Судьбах, странах.

И снова —
Снова о былом.

Тот, чьи надежды, упования
Жизнь обратила в пепел, в дым,
Найдёт в нас чувство пониманья —
Мы все его приободрим.

Все вместе дружно посмеёмся
Над чьей-то шуткой озорной,
При этом тут же поклонимся
И впредь не стариться душой.

А в завершение нашей встречи
Уверен, будет пир горой.
И вот —
Когда зажжём мы свечи,

Я предложу Вам тост —
Такой:

«За Жизнь!
Хоть нам, порой, и властной,
Жестокой видится она,

Но, иногда-то, всё ж прекрасной —
Со вкусом терпкого вина.

За наши годы молодые!

За то —
Чтоб всё сбылось сполна!

За вас —
Друзья мои родные!

Бокал к бокалу —
И до дна!»

А ранним утром вновь Дорога
Нас поведёт вслед за собой

Как встарь,
От этого порога

Навстречу с собственной Судьбой...

Дарья РУСОВА

Студентка филологического факультета ВГУ

* * *

Идешь с зажатой болью в кулаке,
Живёшь совсем один на этом свете.
Но теплится ещё в твоей руке
Надежда о прекрасном, тёплом лете.

Кулак, кулак и бесконечность слов,
Так много сказано, потеряно их было.
Но ты всё видишь бесконечный сон,
А ты всё веришь: солнце не остыло.

И даже знаешь, где оно живёт:
За тем большим, уже привычным домом.
Бывает оно утром не встаёт,
Но утешает этим небом новым.

И, боль не разжимая в кулаке,
(Зачем показывать — она у всех такая),
Идешь по городу ты налегке,
Об этой жизни очень мало зная.

Один причал, один уставший дом
И души лиц таких же, как и ты.
Быть может, вспомнят о тебе, о нём,
Но всё сотрётся в мире суеты.

И, боль не разжимая в кулаке,
Ты занят мыслью о семье, работе.
Но солнце теплится в твоей руке
И сердце поднимает на восходе.

Крестик на груди

Ты носишь крестик на своей груди,
Живешь легко и веришь так в себя,
Не думаешь, что будет впереди —
Ты носишь крестик на своей груди.

Судьба тебя, я верю, очень любит
За все мечты чудесные твои,
Хранит тебя и долго помнить будет —
Ты носишь крестик на своей груди.

И верю я: нет сердца в мире ближе
Для нашей грустной и родной земли.
И, если ты когда-нибудь услышишь,
Как рада я, что крестик на груди

Ты носишь, и пусть он тебя хранит,
Когда беду ты встретишь на пути.
Теперь не так душа моя болит —
Ты носишь крестик на своей груди.

* * *

А помнишь, была зима
И с неба шёл белый снег?
А помнишь, твои глаза
Чуть-чуть улыбнулись мне?

Наверное, это метель
Придумала сказку любви.
И я благодарна ей
За эти чудесные дни.

Ты даже не знаешь о них,
Не знаешь, что я ждала.
Ты только меня прости —
Зима далеко ушла.

Но ты остаёшься в ней
Единственным в мире моём.
Как капли весенних дождей,
Ловлю каждый миг, где живёшь.

Ты только, прошу, живи,
Прошу, и зимой, и весной,
Ведь жизнь для меня — это ты,
Мой ангел, моя любовь.

Маме

Ты у меня одна, я у тебя одна.
И в этот светлый день больше не нужно слов.
Как в небесах светить будет для нас звезда,
Так будет вечно жить наша с тобой любовь.

Хочется мне сказать столько приятных слов,
Хочется с птицей петь: Мама, тебя люблю!
Хочется подарить столько тебе цветов,
Чтобы украсить мне добрую жизнь твою.

* * *

Так отчаянно, трепетно, нежно
Я тобой одиноко дышала.
Отпустила, но боль неизбежно
Мне подругою преданной стала.
Не спеши говорить: мы чужие,
Не спеши говорить, что не знаю.
Сколько раз мы в ночи говорили,
Сколько доброго утра желали.
Так отчаянно, трепетно, нежно...
Протяни мне, пожалуйста, руку...
Мы чужие, но боль неизбежно...
Я тебя никогда не забуду.

* * *

В начале марта снег ещё не тает,
Ворона прыгает по веткам и летит...
Снег на земле, он звёздами играет
И о прошедшем с грустью говорит,

Что вот уже закончились морозы,
Весна пришла и дышится легко.
Зима роняет маленькие слёзы,
До следующей теперь уж далеко.

Но о зиме всегда мы вспоминаем,
Она в судьбе со сказкой говорит,
Зимой чего-то ждём, зимой мечтаем,
Зимой теплей становится внутри.

Юлия САНИНА

Выпускница филологического факультета ВГУ

Поэтоград

Поэтоград!..
Поэтоград —
Приют
Скитальца-по-Пустыне.
Входящий! Позабудь отныне
В чём был ты беден, чем богат:
Теперь ты дома. Добрый знак! —
Тут всякий труд признаний стоит:
Талант шалашик скромный строит,
Возводит Гений... особняк.

Смешок...
стишок...
счастливый свист...
Аккорд и опус многотонный...
Живёт в каморке лирик томный,
Под ним — нежёлчный пародист;
В окне у баснописца свет...
Чуть затемнён балкончик барда...
Вон — без апломба и без банта —
Творит трагический поэт...

А в той мансарде —
никогда
Не иссякающий художник,
Востре-бован-ный, как... сапожник,
Но — «уникальнее»! — о да!
Тут комом ПЕРВЫЕ блины,
Зато ДАЛЬНЕЙШИЕ — румяны,
Тут эпиграмм полны карманы
И перлов замыслы полны,

Тут лёгок муз пчелиный рой
И над стихом их труд совместный,
На стыке города с предместьем
Пегас пасётся племенной —
Он выдаётся напрокат
Тому, Кто рукопись читает
И чьей молитвой процветает
Поэтоград...
Поэтоград!

* * *

Тревожный звон... надорванные ноты
Тумана и лампадного тепла:
Льют Слово к Слову
фитилей
длинноты,
И слёзы Счастья льют колокола...

Не завершив на стёклах НЮ-тюморта,
Его платком завесила вода...
Но... отчего?! Какого, Боже, чёрта?...
Теперь-то?..
По простествии Стыда?..

Доколе с Неба нас пронзают Светом —
Не без сует Начала и Конца —
Молись ему... хоть... не своим сонетом!
Но свой
читай от первого лица! —

Дабы скользил
точённый луч фонарный
По глянцевой осиновой пурге
Эпической аллеи —
рифмой парной:
В начищенном
и в грязном сапоге.

Иоланта СЕРЖАНТОВА

Окончила биофак ВГУ в 1988 году. Специализировалась на кафедре зоологии позвоночных, занималась изучением *Delphinapterus leucas* Pallas (беломорских белух). Работала на кафедре зоологии беспозвоночных, занималась выращиванием пресноводного жемчуга. В период работы старшим госинспектором охраны природы в Воронежском государственном биосферном заповеднике, в 2000—2003 году разрабатывала экологическую систему мониторинга водных сред, на базе биоценоза рек средней полосы. Член Союза журналистов России, писатель, бард и поэт

* * *

А мне все грезятся туманные рассветы.
Пустая болтовня, ненужные советы.
Ответы тех, в ком не было нужды,
А мы «на Вы», хотя у сердца ты...

* * *

С хвоста у ласточки холодный дождь стекает.
Её б обнять, согреть... но испугаю.
Намеренье своё истолковать
И нам самим так редко удаётся,
А тут-то... Птичка!.. С перьями в облипку.
Сидит, дрожит. Не то, чтобы поникла,
Но чуть уменьшилась и кашляет слегка.
А небо, вспенив рыхлые бока
Со стороны ли, свысока... струится.
Как издевается. Над телом бедной птицы...
Но ласточка, заметив одобренье,
С себя стряхнула вмиг: озноб, смирение,
Моргнула мне, рыдающей, в окно
И юркнула под крышу, где тепло,
А пятеро ребят её голодных,
Впервые осознали, что еда
Не самый главный приз. Но вот когда,
Ты сам способен дать тепло и отдых,
Когда вдохнуть готов в кого-то Жизнь,
Протянешь руку, приказав «держись»...
И, сам нуждаясь в помощи, поможешь...
Вот. Как всегда. В случайность сердце вложишь,
Расплачешься. Причины нет следа, —
Исчезла! Растворилась! Упорхнула...
И если упрекнёшь, что обманула.
То не услышишь: «Обманула, да...»

* * *

День начался спасением Лягушки
Всю в шестигранниках.
Кусок сухой земли,
С неё писал себя,
И перед зеркалом,
С неё он корчил рожи.
«Как мы похожи!» — думал он, —
«О, как же мы похожи...»

* * *

Слой меда под туманом мармелада...
Ну, что еще мне в этот вечер надо?
Твой нежный взгляд, и тот лукавый миг,
Когда меня так вовремя настиг
Полет шмеля... Не спутав эшелоны,
И не задев, чуть сонные, бутоны,
В густой траве, в уже небритой чаще.
Ну, как уснуть в себе ненастоящей?!

Как распознать, кто чист, кто просто — честен.
И где приют у всех неспетых песен...
Зевнув, бутон, понюхал ветер, небо.
И веткой шевельнул: «Эх, как бы, где бы...»
Зеленый мятый лист, как белый флаг...
Он в мир идет с добром. Какой чудак...

* * *

Снежинка — копия следов вороньей стаи,
Что на снегу оставила под вечер, улетая.
Такие ж линии, такие ж повороты...
Как в жизни, —
отвернулся, — где ты, кто ты?!..
Следы — не ты, они одни скрывают,
Того, кто через них переступает...

* * *

Подтаяло гладью дождя стекло. Славно.
Дома — тепло, но холодно.
Раньше меня влекло
Подальше из дома.
А теперь — хочу домой.
Только — где он? Дом, Мой?

* * *

Опять одиночество — страшная штука —
нахлынуло вдруг ледяною волной.
И дела мне нет до сердечного стука,
и мир от меня оградили стеной.
И мой, переживший несчастья, опыт
воинственный дух не способен поднять...
У грубых людей и на цыпочках — топот,
и этого им никогда не понять.

Лилия СИНЮГИНА

Студентка 2 курса факультета международных
отношений ВГУ

Бывшему другу

Ты был таким же, как и я когда-то,
С мечтой и целью в жизни человеком.
Куда, скажи, всё это испарилось,
Когда погнался ты за модным веком?
«Особенная» музыка и клубы,
Твои цитаты стали так трагичны:
«Я не такой, как все...». А знаешь, мальчик,
Ведь этой фразы в мире нет типичней.
Пытаясь быть особенным, вторичен.
Чужого много. Что же сам ты создал?
В тумане табака и алкоголя
Когда в последний раз смотрел на звёзды?

От честного борца, родного друга
Осталось мне совсем ничтожно мало.
Давно в углу в безмолвье безнадежном
Стоит тобой забытая гитара.
Твоё сознание стало безыдейным,
В глазах бессмысленное чувство страха,
И пустоту под голубой футболкой
Не скроешь даже клетчатой рубашкой.
Одеться можешь стильно, нестандартно,
Создать альбом из необычных фото,
Но ты — пародия на человека,
Что ещё хочет обмануть кого-то.
Прощу, но только вот пойму едва ли,
Ну как такое получиться может,
Что два настолько близких человека,
Вдруг стали кардинально непохожи.
Учить, как жить, пожалуй, перестану,
Ведь для тебя всё это мало значит.
Но знай, в твоём безудержном паденье
Я даже не хочу желать удачи.

* * *

В моём городе красный закат.
Я не знаю, в твоём, может, тоже.
Холод вечера мне не унять,
Он уже под моей бледной кожей.
Не писала давно я стихов,
Но сегодня — особенный вечер,
С горьким запахом дыма костров,
Что целует осенние плечи.
Когда станет ещё холодней,
Листопад когда сменит выюга,
Я хочу, чтобы ты был нежней,
Чтобы мы согревали друг друга.
Дай мне только на миг теплоты,
Сохраню для тебя её дольше.
Лишь немного любви подари
И получишь в ответ много больше.
Я хочу, чтоб ты счастлив был,
Просто так, каждое мгновенье,
Чтобы ты никогда не забыл,
Кто хранит все твои сновиденья.

После просмотра Анны Карениной.

Да, я замужем, Господи, замужем!
Но мне хочется нравиться Вам.
Пять минут, что на флирт мне подарены,
Я уже никому не отдам.
Вы ведь мой целиком и полностью
Навсегда, без пяти минут.
Наплевать, что с другим я связана,
Пусть другие Вас не зовут.
Наших глаз противостояние —
Дрессировщик и дикий зверь.
Через пять минут буду каяться,
А сейчас всякий стыд — за дверь.

Моя совесть небрежно брошена
И в холодном углу дрожит.
Поцелуйте меня, хороший мой,
В пять минут нежность всю вложив.
Вы из тех, кто не просит жалости,
Кто не станет неправду терпеть.
Вы из тех, с кем легко мне дышится,
Я готова за Вас умереть.
Без пяти минут на краю пропасти
Я даю волю Вашим рукам...
Да, я замужем, чёрт возьми, замужем!
Но мне хочется нравиться Вам.

Татьяна СКЛЯРОВА

*100-летию Татьяны Вениаминовны
посвящается...*

Доктор биологических наук, профессор Т.В. Склярова родилась 23 декабря 1913 года. С 1932 по 1936 г. обучалась на биофаке ВГУ, специализируясь на кафедре К.К. Сент-Илера. В 1934 г. участвовала в экспедиции на Белое море — биостанцию Воронежского университета «Ковда». В 1937—1939 гг. аспирантура у К. К. Сент-Илера. Участвовала в кафедральной теме по химической стимуляции роста и развития животных. Татьяна Вениаминовна всегда увлекалась литературой. Ею написано 15 рассказов и сказок, около 700 стихов, 4 поэмы (не печатались нигде). За учебную и научную работу имеет много наград

Любимый город

Воронеж мой, к тебе стремлюсь
В непрекращаемом волнении,
Не отпускает боль и грусть,
Теснятся страшные виденья.
Как долго ночь ползет без сна!
Все та же мысль меня терзает:
Душа в развалинах блуждает,
Тоски и ужаса полна.
Я потеряла свой покой,
На сердце — мрачная тревога:
Все вижу я перед собой
Останки города родного.
При свете молодой луны
Чернеют хмуро стены зданий,
Тая в себе черты страданий
Под гнетом снежной пелены.
Молчат подобию домов,
Блестит лишь лунная оправа
И нет огней, и нет следов,
Все покрывает снежный саван.
Весь город хладен, как мертвец,
Лежит недвижно, одиноко
И смотрит чернотой глазниц

Разбитых выгоревших окон.
И в них кружатся и летят
Снежинок ласковые перья...

Столбы без проволок стоят,
В щепу раскрошены деревья,
Лежат трамваи на боку,
В снегу автомобили, танки,
Разбиты бомбой на скаку
Торчат их жалкие останки.

Скрипит железо на ветру,
Со стен сычи хохочут тупо:
Они как будто стерегут
Под снегом спрятанные трупы.
Следы людей снежок занес,
Безлюдье мертвое тревожит,
Крадется только тощий пес
И, озираясь, что-то гложет.

Спешу скорей к родным местам.
Где стены университета?
Где ты, науки светлый храм,
Веселой зеленью одетый?

Увы, зияет там провал,
Кирпичной пастию оскален...
И он невинной жертвой пал,
Лежит, как труп, — разбит, раздавлен.
Где дом родной? Где институт?
Они сгорели и разбиты.
И лишь друзья, что были тут
Не будут никогда забыты.
Какая ненависть кипит
К убийцам, варварам постылым!
И плачу я, полна тоски,
О бедном городе любимом.
Воронеж милый, не забыть,
Твоих садов, твоих бульваров,
Как можно было не любить
Широких, чистых тротуаров,
Веселой зелени ветвей,
Гудков блестящих лимузинов
И жизнью блещущих огней
Кино, театров, магазинов!
Здесь каждый угол, каждый дом
Хранили тьму воспоминаний:
Вон там — бродили мы вдвоем,
Здесь, у ворот, — шептал признанья.
А сколько высилось больших
Красивых, новых, светлых зданий!
А сколько было молодых
Любовью спаянных созданий!
Увы! Безжалостно разбит Родной,
Живой, веселый город.
Под диким натиском орды
Сожжен, разрушен и расколот...
Куда ж народ девался весь,

Куда те люди убежали,
 Которые трудились здесь
 И жизнью город наполняли?
 Одни на западных фронтах
 Победу нашу добывают,
 Другие — в чуждых городах
 Трудом победе помогают.
 А может, у сгоревших стен,
 В подвалах обрели могилы,
 Или, как скот, в далекий плен
 Штыком их гонит «фриц» постылый.
 И сколько их в пути умрет,
 Не перенесши истязаний...
 Нет, никогда не знал народ
 Таких неслыханных страданий!
 Иные, семьи растеряв,
 Тревогой вечной сердце мучат:
 Где все родные, где друзья?
 Закрылось счастье черной тучей...
 Всех пыток, слез и мук — не счесть!
 В кровавом бешеном ненастье
 Теряют жизнь, теряют честь,
 Теряют мир, покой и счастье.
 Но час возмездия придет,
 Суровой кары день настанет,
 И весь коричневый приплод
 С убийцей главным к стенке станет.
 Клянемся мы, врагам на страх,
 Свои усилия утроим
 И новый город на костях,
 Прекрасней прежнего построим!
 И пусть умрем, не увидав
 Плоды неслыханных усилий,
 Но наши дети завершат,
 Все то, что мы не завершили.
 И вновь воскреснет, оживет,
 Все также чист и также молод,
 И снова ярко зацветет любимый город.

Салют!

Как мил курантов нежный звон
 В весенний предвечерний час!
 Через пространства донесен
 Звучит торжественный приказ:
 Что нами взяты города,
 Что враг - разгромлен и разбит,
 Что наша красная звезда
 Уже на западе горит.
 Мать-Родина во все сердца
 Благодарит своих сынов!
 И слава вечная бойцам
 Погибшим смертью храбрейцев...
 Во все концы моей страны,
 До самых дальних уголков,
 Ворвался властно гул Москвы,
 Шуршанье шин и рев гудков.
 И так отрадно, так легко

Вдруг стало сердцу моему,
 Как будто я с тобой вдвоем
 По Красной площади иду
 Как будто больше нет войны,
 Как будто нет смертей и слез,
 Как будто горестные сны
 Весенний ветер вдаль унес.
 И вдруг, над самой головой
 Удары башенных часов
 Несутся эхом над страной,
 Над сонмом сел и городов.
 В лучах весны любимый город!
 И в тот же час, и в тот же миг,
 Как бурный гром, как грозный шквал,
 Нас неожиданно настиг
 Победного салюта залп!
 И разноцветные огни,
 Как символ радости и слез,
 Взлетели в небо от земли,
 Прекраснее весенних звезд.

1943 г.

Елена СМОЛИЦКАЯ

Аспирантка юридического факультета ВГУ

Актёр по жизни

*Из года в год, из века в век кочует
 Известное всемирно изречение,
 Что мир — театр, а люди в нём — актёры.
 Великое какое заблужденье!*

Какой ты: ты ангел иль демон?
 Загадка. Никак не пойму.
 Ты искренний или поддельный?
 Ты к свету идёшь иль во тьму?

Ты дьявольски хитро играешь,
 От всех свою сущность тая!
 А может быть, сам ты не знаешь,
 Какая роль в жизни — твоя?

Ты сам написал эту пьесу,
 Один в ней все роли сыграл.
 Но смог ли себя обрести ты,
 Когда сотни масок менял?

Твой мир — это странные сказки,
 Всем пыль ты пускаешь в глаза.
 Когда-то исчезнут все маски,
 Ведь вечно носить их нельзя.

Пора уж познать свою душу,
 В ней множество граней раскрыть.
 А маски ее только душат,
 И даже способны убить.

Город из цветов

Мне нужно сделать очень много.
Но как длинна моя дорога?
Об этом мне не должно знать.
Я думаю, так будет лучше.
Я просто буду Совесть слушать,
С любовью что-то создавать.
Зачем откладывать надолго,
Когда счастливым можно стать
Сейчас? Поверь, не надо много,
Ведь состояние души
Купить не сможешь ты за злато,
Но важно быть в душе богатым
И видеть в этом мире свет,
Не слушать тех, кто скажет: «Нет
Любви и счастья в этой жизни».
Взгляни через иную призму,
Ведь мы способны видеть то,
К чему душа наша готова,
И, каждый день встречая снова,
Взрастить в ней город из цветов!

О Героях

Не смогу написать о Героях:
Это слишком высокая честь
Для меня. Но горжусь я страной,
Где во все времена они есть!

Мне за нынешних школьников стыдно,
Что не знают Героев имён.
С засорённым ведь мозгом не видно
Блеска славных побед всех времён.

Полбеда, что Героев не знают.
Хуже — если, придя на парад,
Не гордятся и не уважают,
«Лучше б немцам сдались!» — говорят.

Нож по сердцу! И больно до крика.
За тебя ведь лилась кровь рекой!
Их Победы огромной, великой
Быть достойны должны мы с тобой.

Не умею писать о Героях:
Мне их подвигов не изложить.
Но они (и горжусь я, не скрою)
Будут вечно в душе моей жить!

Мне Герои помогут советом.
Коль скривлю я — тогда застыдят.
В душах тех, кто их верен заветам,
Они вечно на страже стоят.

Константин СОЛОМАХИН

Студент факультета философии
и психологии ВГУ

Я знаю — дендизм сегодня не в моде,
Но в шкаф не заброшу я свой боливар
И выйду, одетый не по погоде,
На встречу с Симоной де Бовуар.

Температура нормальная вроде,
Мозги не дурманит абсента угар,
Иду я, одетый не по погоде,
На встречу с Симоной де Бовуар.

Минус одиннадцать — надо б природе
Выстелить снегом притихший бульвар,
Где я, одетый не по погоде,
Мерз в ожидании де Бовуар.

Эх, не дождался... Женской породе
Свойственно делать внезапный удар —
Напрасно, одетый не по погоде,
Ждал randevu я с де Бовуар.
Морали читать, знаю, тоже не в моде,
Но все же скажу: предпочту самовар
И любовь русских женщин капризной погоде
И хитрой француженке де Бовуар.

Эмма СТАРОВА

Училась на физическом факультете ВГУ. Окончила ВГТУ. Автор трех поэтических сборников. Член общероссийского Союза военных писателей «Воинское содружество»

В подражание Омару Хайяму

В тот краткий миг, что вечность нам дает,
Важнейшее успеешь ты в свой черед,

Когда б три дела смог осуществить:
Построить дом и древо посадить,

Вселенной гость, ты будешь господин,
Когда твои дела продолжит сын.

Хвала Аллаху, дом твой знают все,
Средь персиков стоит он по весне,

«Так к женщине спеши, — вот мой совет, —
Дабы последний выполнить завет».

Долина жизни

Долгой жизни моей долина
В даль туманную протянулась,
И на видимой части картины
Горы еще не сомкнулись.

Значит, много хороших людей
Еще встретится на пути,
Жаль, с годами дорогой своей
Суждено им от нас уйти.

И никто не знает свой век,
И науки не помогли,
Так давай постоим, человек,
Может быть, на краю земли.

Послевоенные годы

Сестре Ирине

Я часто вспоминаю дом,
Наш старый, деревянный флигель,
И как мы дружно жили в нем,
И стар, и мал, судьбой единой.

Послевоенные года,
Где нищета из каждой щели,
Мы были веселы тогда,
Хоть досыта не часто ели.

А в небе плыли облака,
Нас в путь-дорогу направляя,
И нашей бабушки рука
Крестила вслед, благословляя.

Теперь и выше, и светлей
Краснокирпичные палаты,
Но остается всех милей
Тот дом, где подрастал когда-то,

Делясь последним сухарем,
Дом, где нас искренне жалели,
И вальс «В лесу прифронтовом»
Где мы, с войной прощаясь, пели.

И, собираясь на покой,
Придем к тебе, приют священный,
Погладить старческой рукой
Твои родные сердцу стены.

Отчего старикам не спится

Моей тете Тамаре Петровне Фере

Отчего старикам не спится?
Пробуждаясь с восходом солнца,
Старость знает: не вечно длится
Та дорога, что жизнью зовется.

Моя тетя однажды сказала,
Сожалея о дне вчерашнем:
«Жить на свете осталось так мало,
Нужно, право, вставать пораньше».

Софья СУДАКОВА

Выпускница юридического факультета ВГУ,
ныне — аспирант

* * *

— Что есть любовь? —
спросил ты у меня,
— Что есть любовь?! —
переспросила я,
Любовь есть —
шанс, дарованный судьбой.
Любовь есть —
мир между тобой и мной.
Любовь есть —
сон, увиденный лишь раз.
Любовь есть —
стих, написанный для нас.
Любовь есть —
то, что может объяснить,
Один лишь тот,
кто создан, чтоб любить.

Валентинка

Подари мне, подари мне валентинку,
Прошепчи на ушко весело: «Люблю».
Может это и растопит в сердце льдинку,
И отвечу я тебе: «Благодарю».

Валентинка нам подарит лучик счастья.
Валентинка нам расскажет о любви,
Не заметим мы февральского ненастья,
Подари мне валентинку, подари.

Татьяна СУХАНОВА

Выпускница юридического факультета ВГУ

3 такта

Сердце стучит, пока
я пишу свою книгу
Жизни. Идет строка,
сохраняя в себе интригу.

И пока ещё есть
Чернила и о чём
писать, я несу в себе весть,
шагая к плечу плечом

С небом, рекой, горой
или даже землёй.
Жалит абсурдом порой
Судьба ядовитой змеей.

А иногда беда
готовит большой сюрприз,
не оставляя следа
Тени на крае риз.

Являя Чудо собой,
Жизнь говорит глупцу:
«Далеко ушёл, стой!
Повернись к моему лицу».

* * *

Сколько дано на этом пути
Шагов... Дальше границы мне не пройти.
Через тысячу рек и тысячу гор,
Через тысячу стран я кину свой взор.
И у тысяч морей, провожая закат,
Я ищу, как и раньше, дорогу назад...
Я хочу посмотреть, изучить и сравнить:
Что сегодня всем дано нам ценить?

Разлилась по земле разноцветным ручьём
Жизнь людей во всём величье своём...
Философия, быт, история, сказка,
Жизнь и смерть, и любовь — всё собрано в связку.

Вычленив кристалл из тысяч сердец,
Я на мир взгляну, как Великий Творец,
Для Богатства всё уже есть у нас —
Это то, что сокрыто от тысячи глаз.

Это то, что томится и рвется наружу,
Это то, что согреет в зимнюю стужу.
Нам дарована всем — единым порывом
Жизнь, что висит каждый день над обрывом.

Владимир ТУЛУПОВ

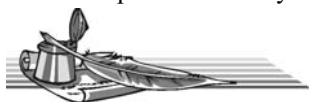
Декан факультета журналистики ВГУ,
профессор

От марта до марта

* * *

*«...Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить.
Лёгкой жизни я просил у Бога,
Лёгкой смерти надо бы просить.»
Иван Тхоржевский (1878—1951)*

Эту тему никогда не трогал,
но строка не хочет уходить:

«Лёгкой жизни я просил у Бога,
лёгкой смерти надо бы просить...»
Был он болен или просто в страхе
пред грядущим это написал?
Пребывая в невозвратном крахе
иль предвидя горестный финал?
Мы не знаем, но строка живая
нам напоминает и о нем.
Нам писал он, угасая, тая, —
вспомним же поэта. Помянем...

* * *

Белеют лодки Балаклавы,
чернеют остовы столбцов —
былой пропитанные славой,
ждут лодки опытных гребцов.
Мыс Айя вдалеке синее,
сверкает голубой залив,
и флаг иной над бухтой реет —
желтеет... красный флаг сменив...

* * *

...Зайти в парную после душа,
на полке верхней цепенеть,
трёп мужиков с улыбкой слушать,
до пятен кожу всю прогреть,
затем и с кряканьем, и с охом
в бассейн холоднющий нырнуть,
чтоб с прибауткой скомороха —
оттуда пулей... Отдохнуть
на продуваемой веранде,
газету из Москвы прочесть,
и не поверив пропаганде,
умыться снова — время есть,
и есть прекраснейшее средство:
дубовый веник выбьет вмиг —
пустоты, грубости и бредни...
Суббота чистая, старик!

Медаль

Скромная отцовская медаль
с профилем ушедшего вождя...
Пробегаю временную даль,
вижу шестилетнего себя.
Отшумела, кажется, война,
но о ней — и песни, и стихи,
но везде ещё живёт она,
но ещё видны её штрихи...
Гимнастёрка, фронтовой ремень,
фотки чёрно-белые висят,
за победу наливают всклень,
за друзей пьют стоя и молчат...
За медалью скромною — судьба,
сорок первый, сорок пятый год,
и стрельба, стрельба, стрельба, стрельба...
И с несчастьем свыкшийся народ.

Ветерок

В середине города,
в середине дня
ветерок залётный
вдруг застал меня,
охватив за плечи,
память освежил:
и я вспомнил время —
то, в котором жил...
Сладкая тревога —
запах от дождя...
И побрёл с улыбкой,
дух переводя...

* * *

«Наследник всех моих богатств!» —
отец так говорил.
Ходил тогда я в первый класс
иль в третий... Уж забыл.
Но вижу: он стоит в дверях —
веселый и хмельной,
и верит: в сыне, в дочерях
талант есть козырной.
Сребра и злата не нажил
(не в этом интерес) —
судьбе бедовой отслужил,
идя наперерез...

Мама

1

...И вижу я вечерний сад,
и маму у ворот —
домашний вроде бы наряд,
но маме так идёт...
Бывает: вроде из простых,
но — царственная статья:
ни жестов и ни слов пустых —
достойнейшая мать.
Есть уважение к себе
и есть приязнь к другим,
есть уважение к семье,
к знакомым и родным.
Ты честно, мама, прожила
свой беспокойный век,
и ты любимой была,
родной наш человек.

2

Мы квасим с мамою капусту...
Лежат умытые вилки,
морковка, тмин — всё на закуску
пойдёт в весёлые деньки.
Уютно в нашем доме, осень
вовсю гуляет на дворе...
На кухне с мамой... Сердце просит,
вернуться просит к той поре...

Грачи прилетят

Великий художник Саврасов,
могучий сварливый старик
с утра поправлялся не квасом —
он к водочке русской привык...
Стоит на известной картине
замёрзший ничтожнейший бомж —
который в низайшей низине,
с которого что уж возьмёшь...
Но дали б ему вы палитру,
холста, колонковую кисть —
быть может, забыл о поллитре,
глаза б его, может, зажглись...
А вывели б старого в поле
и дали б вдохнуть от души,
забыть о подённой неволе —
увидели б, как хороши
и как экономны движенья
умелых мозолистых рук!
Ведь с ветром пришло б вдохновенье
и всё изменилось бы вдруг:
смотри, как художник Саврасов,
презрев полотна белизну,
путём нанесения красок
творит и торопит Весну!

«Я люблю тебя, жизнь!..»

Военный госпиталь под Рузой:
фойе, паркет, аккордеон,
шары гоняют парни в лузы,
поют девицы в унисон...
И эту песню — хором, дружно
(в секунды спелся коллектив) —
вели душевно, ненатужно:
слова знакомы и мотив...
Никто из тех, кто пел у стенки,
не знал, что в этот самый миг
в столице умирал Ваншенкин —
той песни автор, фронтовик...

Юрий УДОДОВ

Выпускник ВГУ 1955 года

* * *

Там, где мы были молодые,
Нас нет уже давным-давно,
Но наши мысли удалые
Всегда вернут нас. Но в кино.

Мы помним первый кадр сеанса...
Соблазн пройти в заветный зал.
Но только были там не танцы.
Был бал! Ещё тот бал!

А одолев его, балдели
Всей группой около недели.
Потом, конечно, танцевали.
И песни пели в этом зале.
*Ведь мы филологи, друзья,
Нам унывать никак нельзя!*
И бал был. Первый и последний
В аудитории соседней.

А что касается науки —
Её мы дружно взяли в руки.
В вагоны жизни погрузили,
По рельсам жизни покатали.

Вот только жаль, что наш багаж
В конце поездки был не наш.

Мы никогда не унывали
И вместе в новый век шагали.
А почему? А потому,
Что мы кончали ВГУ.

* * *

А новый век уже не новый.
И всё не то и бестолково.
Всё те же старый дороги
И мы не те. Другие ноги.
Всё бесит нас и злит погода.
Быть недовольным стало модой.

Пускай вокруг капитализм.
Он в общем нам до фонаря.
В душе построим коммунизм,
Чтоб жить, короче говоря.

Светлана ФИЛЮШКИНА

Заведующая кафедрой зарубежной литературы
филологического факультета ВГУ, профессор

Попутчики

Из-за облака тонким лучиком
Солнце сонное будит Дон.
Я сижу на корме с попутчиком:
Мне — в Мамон и ему — Мамон.
Мне — из дома, ему — до дома,
И обоим лишь на три дня.
Целый день по степи до Дона
Он шагал впереди меня.
Шел он легкий, как ясень, тоненький,
Весь пропахший степной росой,
Между нами желтели донники
Пограничною полосой.

И вокруг, тишиной пронзенные,
Были вместе — лишь я и он,
Синим куполом отделенные
От Вселенной со всех сторон.
Он меня ни о чем не спрашивал
Не оглядывался, не ждал,
Но, казалось, свой шаг размашистый
Он к шагам моим примерял.
И когда, рассыпаясь веером,
Мчались тропки совсем вразброд,
Почему-то я очень верила,
Что ему, как и мне, — вперед!
Так и шли мы по желтым донникам,
Так молчали — и я, и он.
Молодым говорком гармоника,
Чьей-то песней нас встретил Дон.
Катер берег толкнул и замер,
И ко мне сквозь толпу людей
Вдруг шагнул, потеплев глазами,
Тот, кто шел впереди весь день.
Неожиданным, мягким басом
Дрогнул голос в его груди
«Ну, попутчица, не теряйся,
Дай-ка руку, не упади!»
И теперь, уже неразлучные,
Вновь молчим мы — и я, и он.
Я сижу на корме с попутчиком:
Мне — в Мамон, и ему — в Мамон!

Галина ХОЖАИНОВА

Кандидат биологических наук, ассистент кафе-
дры биохимии и физиологии клетки, биолого-
почвенного факультета ВГУ

* * *

Посаженный осенью,
Расцвел ты весной, тюльпан.
Клонишься от ветра,
К земле ты пригнулся, тюльпан.
Вобрав в себя солнце,
Качаешься, красный тюльпан.
Завянешь — и снова
весной расцветешь ты, тюльпан.

* * *

Первого апреля
вечернею зарей
Ходила на охоту
с уткой подсадной.
Чибиры кружились
над лугом у реки,
Цапля пролетела
по небу вдали.

Кряква с перерывом
крякала с воды.
И туман рассыпал
белые клубы.
Сумерки сгустились
туманной пеленой,
А утки не летели
к утке подсадной.
Та уже охрипла,
крякая с воды.
Вот уж свет зажегся
от ночной звезды.
Вот уж месяц с неба
смотрит молодой...
Не пошла охота
с уткой подсадной.
Мы брели с собакой
к дому сквозь поля.
И белела инеем
черная земля.

* * *

Отшумел сентябрь дождями
И в надежде на тепло
Солнце редкими лучами
Листья золотом загло.
Враз повеяло ветрами
И сожженною листвою
Да опятами-грибами
С пней на вырубке лесной.
Пусть еще трава лесная
Все свежа и зелена,
Листья с клена, облетая,
Не подарят ей тепла.
А усталые осины,
Желтой шелестя листвою,
Вдруг заплачут без причины
О своей красе былой.

* * *

Поезд отошел,
Опустел перрон
И тумана мга
Наползла.
Тусклые огни,
Пасмурные дни
Пелена вокзальная
Принесла.
И зеленый свет —
Путь открыт для всех —
Вдруг потух внезапно
Совсем.
Поезд отошел...
Опустел перрон...
И вокзал чуть-чуть постарел...

Людмила ХОМЯКОВА

Выпускница ВГУ, контролёр охраны УИЦ ВГУ

I

Затеряться бы в этом тумане,
Заблудиться в ночной тишине
И забыться осенними снами:
Всё во сне, всё во сне, всё во сне...
Я вернусь к вам густыми туманами,
Синей мглой, дождевою водой
И простыми степными тюльпанами
Той весной или этой весной.
Дрогнут руки, к цветам прикасаясь,
Тронет губы улыбка во сне;
И не надо мне большей отрады,
Значит, мир не забыл обо мне.

II

Ностальгия /бабушке/

О, как тоскую я по ветхому забору,
По той скрипучей старенькой калитке,
По домику тому, по писаному Богу,
Висящему в углу... И в простенькой накидке
Выходишь ты меня встречать,
Не удивляясь, не жалея,
Не жалуясь, не суетясь, — чай
Не года прошли. Но всё белее
Голова твоя, все непослушней руки...
С соседского двора уж слышны звуки
Знакомые: корова горестно мычит,
Петух кричит, собака лает...
Как долго всё привычным раем
Меня встречало каждый год.
Всё время унесло: ни сада, ни плетня,
Лишь иногда дыхнет укропом
И мятою на спящую меня.
Средь снов двойник мой ищет
того утешного уюта,
Но нет мне наяву ни встречи, ни приюта.

III

Как меня поцарапала жизнь,
Ободрали моё самолюбие.
И нет больше сада во мне,
И волю мою растащили друзья.
Надоело возвышенное враньё,
Надоели химеры с иллюзиями:
Подайте мне скорее подлинник,
Я узнаю его по стенанию.
Уловлю и святость и боль,
Уловлю ниспосланный луч...
Я его приручу и озвучу.

IV

Я искал людей,
И пути мои разные были,
Но корысть людская меня утомила,
И порвал я связи мирские все.
Стал взывать я к мирам иным,
И открылись миры иные:
Тихо женщина пела
С голубыми, как небо, глазами,
И я знал, что она мне светлейшая мать.
И глядел на неё человек, любуясь.
Это был мой отец,
Был красив он и статен собой.
Выло счастье:
Никого, только Солнце и мы,
Только мы и земля,
Что у нас под ногами,
Только мы, — и цветенье садов...
И я понял, что в новом мире
Я всего лишь ребёнок малый.

Ирина ХРИПУНОВА

Студентка 3 курса факультета романо-германской филологии ВГУ по специальности теории и методика преподавания испанского языка. В течение многих лет была членом литературного кружка «ЛИК», писала стихи и статьи в школьной газете «АРТЛИК». С ранних лет увлекаюсь чтением художественной литературы, поэзии, благодаря чему и появилось желание писать собственные стихи

* * *

Скажи мне громче слово «гром»!
Он загрохочет в небе голубом,
Потом нагонит тучи ветер.
И дождь пойдёт, как из ведра.
И станет тускло, сыро, грустно,
Но вот за дождиком, светла,
Придет красавица-луна.
Потом взойдут на небе звезды,
И снова жизнь побед полна,
А утром снова будет солнце.
Ах, жизнь прекрасна и мила!

Галина ЦАРАКОВА

Окончила филологический факультет ВГУ. Имеет высшее политобразование, специализацию по эстетике, психологии (г. Ленинград) и русской словесности. Руководитель Эстетического центра им. А. Платонова. Председатель оргкомитета по проведению традиционных

Дней поэзии ВГУ. Публикации в коллективных сборниках, отечественной периодике и США. Автор литературно-художественных изданий «Приют души» и «Пока горит свеча...»

Из цикла «Живых имён причудливая вязь»

Звучи, Пророк!

Глаголом жги сердца людей.
А.С. Пушкин. «Пророк»

Настрой-ка, бард, свою гитару,
Коль дал Господь такого дара.
Ударь по стонущей струне,
Ударь по нервам, что во мне.
И спой нам голосом в надрыв
Своей души стальной мотив
До одури в висках, до хрипа
в связках...

Срывай покровы с гнусных дел
И с раздобревших грешных тел
У тех, кто в «масках»!
Кричи от боли за страну
И рви гитарную струну!
Звучи, пророк наш, Водолей, *
«Глаголом жги сердца людей»,
Сгорай и жизни не жалея...
За истину святых идей
Всё на алтарь судьбы своей!

Памяти Владимира Высоцкого

*...Немногого прошу взамен бессмертия:
В тот день, когда отпустите меня,
Не плачьте вслед, во имя милосердия!*
Вл. Высоцкий

С восторгом слушали мы «диски»,
Тебе внимали ночи напролёт
Пленили не красот изыски,
А чувств и мыслей запредельный
взлёт,
Накал страстей, что вкупе с риском,
Их пламень растопил бы даже лёд...
Я, думаю, гипербола «не слишком»,
Не вдруг, поверьте, источаю мёд.
Прими, Поэт, поклон земной наш,
низкий,
Так ныне вещих слов недостаёт...
Ты в памяти бессмертным обелиском
Останешься. Твой голос не умрёт.

* Вл. Высоцкий родился 25 января 1938 г. под знаком Водолея

«Не верь разлукам, старина...»

На тихом кладбище гранит
Потомкам надпись сохранит:
«Не верь разлукам, старина...»
Какая боль и глубина!
Души незримой отдалённость,
Печали свет и окрылённость —
Все вобрала эта строка.
Её любимая рука
На холодном камне начертала,
Когда вдруг Визбора не стало.
«Не верь разлукам, старина...»
Словно оборвана струна
Моей души, что так ему внимала.
И человеку, и творцу, каких уж мало.
И я читаю и молчу,
Упрямо верить не хочу
В такую жуткую реальность:
Нас покидают рано те,
На ком пророка гениальность.
Они спешат от нас уйти,
Не оборвав духовной нити,
И оставляют нас в пути,
Но вы их в этом не вините.
На то есть высший Судия...
Пред ним бессильны вы и я.

«Ещё горит вечерняя звезда»...

*У нас катастрофа —
интеллектуальная и творческая.
А. Градский*

С годами наши реки обмелели...
Все именитые поэты постарели.
«Иных уж нет, а те — далече»,
Но говорят: «Ещё не вечер...»
Ещё в «седле» поэт Костров,
Ещё «сражается» Дементьев,
Их нрав суров и даже строг,
И честен. Это вы заметьте.
Ещё нас удивляет «вечный Женька» —
Поэт-шестидесятник Евтушенко.
Но, как преддверие дурного знака, —
Не слышно «крестника» Бориса Пастернака *.
Лишь как итог, что пройдена «дорога»,
В год юбилея нам — «Рубанок носорога» **...
Наверное, они действительно устали
Стоять полвека на российском пьедестале,
Но где же «племя незнакомое, младое»,
Иль время бездуховное, другое?

* Юного поэта Андрея Вознесенского «благословил» Борис Пастернак, определив его творческую судьбу.

** Избранные произведения о современной культуре. Сборник, выпущенный в год 75-летия А. Вознесенского

Иль просто связи нет с талантливой «глубинкой»,
Хоть анонсируют губернские «новинки»?
Увы, пустует поэтический Парнас,
Копытом бьёт скупающий Пегас...

2009 г.

Тарханы

Памяти Валентины Голубевой

Давно ли ездили в Тарханы,
Мой покровитель дорогой,
И бередили наши раны
Горячей женскою слезой...
Тогда стояли мы у склепа,
Где юный гений погребён,
И понимали, как нелепо
Молве был в жертву принесён.
А мог бы наслаждаться летом
Тенистым парком у пруда,
Где Муза, верная поэту,
Спешила бы к нему всегда...
О, сколько бы ещё творений
Могло сойти из—под пера —
Поэм, баллад, стихотворений,
Романов, драм, et cetera ***...
Но не рождён поэт для царского двора —
Дуэль. Мартынов. И Машук-гора...
Окончена жестокая игра,
Лишь горе бабушки до смертного одра...
И тщетно уповать на Небеса —
Увы, они безмолвствуют, Мишель.
Да и к чему пустые словеса?..
В России Гений — вечная мишень...

Поныне здравствуют Тарханы —
Не заросла «народная тропа» —
Но как-то бесприютны, странны,
Хотя бурлит паломников толпа.

Честь имею

*повинным в ранней смерти народного
артиста России Владимира Ивашова*

*Россия — такая страна, где к человеку
всегда относились с особой чёткостью.
В. Пикуль*

*Поле, русское поле,
Я твой тонкий колосок...
Из песни Яна Френкеля*

Твой оборвался голосок,
И обломился колосок...
А он бы мог ещё расти...

*** ЕТС. лат.(эт цетэра) — и прочее

Прости, Володя, нас, прости!
 Ты навсегда бы не ушёл,
 Когда б сочувствие нашёл,
 Мог заниматься своим делом,
 Не надрываясь слабым телом.
 Не добывал бы свой «кусочек» рабочим потом,
 А только творческой, актёрской работой...
 Ну, сколько это вынесет душа,
 Когда её не слышат иль глушат?
 Когда она чиста, снегов белее,
 Как у его Скворцова Алексея? *

Да что там! Бизнесу виднее,
 Кого «пригреть» — кто понаглее!
 Когда вся жизнь — сплошное шоу,
 Ну, где здесь место Ивашову?
 Зачем как **достояние** беречь
 И заводить на эту тему речь?..
 В России надобно сначала умереть,
 Чтоб начали жалеть и дифирамбы петь.

**Микаэлу Таривердиеву
 последнему композитору-романтику**

Хрусталик звука — россыпь янтаря...
 И огоньки снежинок января,
 Что в отблесках ночного фонаря,
 Иль грустные напевы снегиря,
 Прекрасного, как алая заря —
 Маэстро исторгает звуки
 Из недр души святого алтаря,
 Палитру чувств, их вечной муки,
 В волшебной музыке дая...
 И ей внимаем просветлённо,
 И благодарностью горя,
 Мы восклицаем восхищённо:
 Вы — Аполлон, что подчинял
 и горы, и моря.
 Вы — чудный, трепетный и дивный.
 Вы — просто Бог. О, Микаэл Таривердиев!

Олегу Меньшикову

*исполнителю роли ст. лейтенанта
 Сергея Артенёва в киноромане
 реж. А. Муратова «Моонзунд»
 (по В. Пикулю)*

Какое тонкое, прекрасное лицо...
 Высокий, чистый лоб...
 Достойный памяти и дедов, и отцов —
 Таких страшится сноб.
 Таких не любит наша серость
 За яркость чувств, за ум, за смелость,
 За воплощённые и честь, и благородство

На фоне общего, тотального уродства...
 Вот только жаль, но, как назло,
 Такого встретить мне не повезло...

Яна ЦЫГАНКОВА

Студентка 1 курса филологического факультета

* * *

Мне нынче — дождь. А завтра — всё равно.
 Есть время меж рассветом и закатом?
 От вас не нужно больше ничего.
 Не возражайте. Я прошу — не надо.
 Есть времена — такие времена,
 Когда фарфор теплее нежной кожи.
 Когда и кровь пролитая — вода.
 Все кошки этой ночью так похожи.
 Я не желаю видеть лунный свет.
 Схожу с ума от посторонних звуков.
 Быть может, это правильный ответ —
 Абстракция нечаянной науки?
 Остывший чай, истерзанный блокнот.
 У лунного окна все мысли — птицы.
 Есть время без печали, сна, забот...
 И я боюсь. Боюсь остановиться.

* * *

Я влюблена. Я влюблена.
 Мне говорят, что это бред.
 Любой цветок оставит след,
 Пусть даже цвел он у окна.
 Пройдут весенние дожди,
 И в мае отгремит гроза,
 Откроем счастьем мы сердца,
 Оно придет — его ты жди.
 Держась за руки, мы идем,
 Над нами вихрем листопад,
 Я знаю, нет пути назад,
 Залито прошлое дождем.
 Кружась, танцует рыжий лист,
 Скрипит устало карусель,
 Нам в старый парк открыта дверь,
 Прощальный лета манит свист.
 С тобою сядем у воды,
 Глазами устремимся вдаль,
 С теплом руки уйдет печаль,
 Мы вечный образ — я и ты...

«Ночь безликого героя»

Время идет, неспешно крадучись по стенке
 Негромким боем часов, топопиной уставшей тенью.
 Царица-Ночь рисует по небу малиново-звёздным
 оттенком,

* Звёздная роль Вл. Ивашова в х/ф Г. Чухрая «Баллада о солдате»

А кто-то не спит, ждет чудес с первой птичьей трелью.
А там, в далеком краю, где давно, безраздельно
Правит Орфей и играет эолова арфа —
Миллионы спящих бродяг ищут что-то бесцельно,
Но не находят. Должно быть, искомого ждут без
азарта.

Падает снег. Метель в кружевах-паутинах
Оплетает дома. И сердца. И умы. И души.
Кто-то не спит, наблюдая за тем, как картина
Ночи одной, изменяясь, становится лучше.
Звук снегопада — едва уловимое пенье.
Если прислушаться сердцем и слушать серьезно,
Можно услышать мыслей чужих дуновенье.
Можно услышать, как разбиваются грёзы.
Кто-то не спит. Облаков воздушные замки
Плывут по течению прочь — в спокойную Вечность.
К сожалению, в городе небо имеет рамки.
Кто-то всю жизнь сражается за... Бесконечность.

* * *

Переломы.
Один, второй, третий.
Я буквально слышу мучительный хруст.
Переломы.
Кто-нибудь случайный, чужой, ответьте,
Как можно физически чувствовать грусть?!
Переломы.
Множество травм, что с жизнью, похоже,
несовместимы.
Переломы.
Воспоминания вкуче со снами — как гестии,
неумолимы!!!
Переломы.
Остановись, душа, не люби, прекрати, пожалуйста,
остановись!!!!
Хватит!!!
Переломы.
Треск дефибрилляторов. Разряд, еще разряд... кстати,
Слышишь? Вместо ритмичного — неумолкающий
писк.

Анастасия ЧЕРВИНСКАЯ

Студентка 1 курса физического факультета,
призер «Стихоборье—2010», призер конкурса
переводов им. С.Я. Маршака 2008 г.

Лонгфелло Г.В. Стрела и песня (перевод с англ.)

Пущу стрелу я в воздух,
Стрела летит вперед.
Как быстро б ни летела,
Но все же упадет.

И проследить за нею
Лишь сможет острый взгляд.
И чтоб ее найти мне,
Придется поискать.

Когда пою я песню,
Летят мои слова.
И где их ветер носит,
Найдешь теперь едва.

Но если повезет мне,
То все-таки найду
В стволе иль ветках дуба
Я быструю стрелу.

И, может, не напрасно
Моя душа поет.
И песня в память к другу
И в сердце попадет.

Деревушка

Деревушка на ковре, это ли не чудо?
Звезды, месяц в вышине светят мне оттуда.
Белым снегом замело крыши и дорожки,
Как глаза, горят во тьме желтые окошки.

Ель, плетень, мостки и стог,
подо льдом спит речка,
А за окнами тепло, в доме греет печка.
Что за люди там живут? — Добрые, я знаю.
Глядя на чудесный вид, тихо засыпаю.

Мой друг

Стук копыт — сердца стук,
Два сердца слились в одно.
Я и конь. Я и друг.
Мы теперь заодно.

От серых будней уносит меня
Туда, где узор ветвей,
Шуршащие листья ярче огня,
Прощальный крик журавлей.

И как без этого мог я жить?
Смотрел — и не видел, и вдруг —
Осенний лес мне смог подарить
Мой конь, и еще мой друг.

Ольга ЧЕРВИНСКАЯ

Ведущий инженер физического факультета
ВГУ

Запоздалая зима

Что-то Осень загостилась и не хочет уходить
И Зиме морозной, снежной путь не хочет уступить.

И окутала туманом парки, скверы и дома,
И уж, кажется, забыла навсегда про нас Зима.

Удивляются деревья и качают головой:
«Что ж, Зима, ты не приходишь? Иль случилось что
с тобой?»

Что ж ты, Осень, не уходишь? Ведь прошла твоя
пора!
Ведь должна же в санках с горки покататься детвора!

Отвечает грустно Осень: «Это не моя вина!
На кого же вас я брошу, если не идет Зима!»

Может, просто заблудилась? Залетела не туда?
В Африке теперь, наверно, наступили холода?
Дуют ветры и метели, а в саванне снег лежит.
Там маргитки побелели, и в берлоге львица спит.

И, задумчивы, печальны, точно белые холмы,
Возвышаются в саванне африканские слоны.

И газели растерялись, и жирафы — так грустны,
Ведь совсем не ожидали звери в Африке Зимы!

Хватит, Зимка, пошутила, погуляла — и назад!
В Африке пусть будет жарко, а в России холода.

Ведь в природе не должно быть, что б за осенью —
весна!

Ведь в лесу уже медведи пробудились ото сна!

Зайчик с белочкой не знают: что за шубку надевать?
Может быть, пора синичку за тобой нам посылать?

Были б чтоб коньки, и санки, и снежки за окном.
Приходи скорей, Зима, к нам, мы тебя все очень
ждем!

Хорошо это иль плохо, Невозможно жить без счета

Не успел на свет родиться, начинают всё считать:
Рост и вес, глаза и пальцы: Раз, два, три, четыре, пять!

От груди лишь оторвались, начинается опять:
Съешь за маму, съешь за папу: Раз, два, три, четыре,
пять!

Подросли еще немного, сели, встали и пошли:
Раз-шажочек по дороге, раз и два и два, и три...

Мы растем, а годы мчатся. Спросят, — нужно
отвечать!

— Сколько лет тебе, скажи-ка?
— Раз, два, три, четыре, пять!

Вот пора настала в школу. Там считаем все подряд:
Ручки, книжки и уколы, сколько стоит виноград?

За окном — ворон и галок, и минуты до звонка,
И пятерки, и четверки из журнала, дневника.

Баллы, если поступаем: «Поступил иль нет? Ура!!!»
И становится студентом, кто был школьником вчера.

Закрутилось: зимы, весны, пары, окна и звонки
И зачеты, и вопросы, и до сессии деньки...

Вот случилось: небо в звездах снова нужно посчитать:
Поцелуй и минуты: «Ах, когда ж придет опять!»

Семь мостов, цветы в букете. «Горько! Горько!»
и опять:
— Ну-ка, дружно посчитайте: Раз, два, три, четыре,
пять!

А потом свершится чудо! Месяцев ведем мы счёт:
Ни оттуда, ни отсюда, ну, когда ж малыш придет?

Раз, и два, и три, четыре... Ну, когда же, пять и шесть,
Семь и восемь — и в квартире: В девять чудо с нами
есть!

Глазки, носик, пальцы, ротик, начинается опять!
Ну а мы совсем не против! Раз, два, три, четыре,
пять!

Елена ЧИГИРЕВА

Аспирантка исторического факультета ВГУ

Сталинград

К юбилею освобождения Сталинграда.
Памяти тех, кто принял смертный бой...

Только со школы, а нынче — в сединах...
Нас остается семнадцать солдат.
Но не мальчишки уже, а мужчины:
Мы защищаем родной Сталинград!

Снятся мне взрывы и гром артобстрелов,
Залитый кровью Мамаев курган,
Город могучий, закутанный в белый
Волжский холодный тягучий туман.

Нет, я не жалею, Родину должен
Грудью закрыть! И не нужно наград...
Чуть отдохну, поднимусь и продолжу
Насмерть стоять за родной Сталинград!

Я соберу свои силу и волю,
Чтобы отправить захватчиков в ад,
За двух братишек... за девушку Олю...
За мой любимый, родной Сталинград!

Больно мне, мамочка, милая, больно!
Грудь прожигает осколком снаряд.
Больше не страшно. И сердце спокойно:
Знаю, ты выступишь, мой Сталинград!

Разбитые витражи
Наши мысли прошли цыганской иглой,
Завели по порочному кругу,
Мы блуждаем в пространстве, окутанном мглой,
Без конца поглощая друг друга.
Наши чувства связали обрывками фраз,
Унесенных немymi ветрами,
Залатали печалью задумчивых глаз,
Привлеченных чужими мирами.

Наши души покрыли десятком заплат
Из клочков монотонных мгновений,
И в груди лабиринты больничных палат
Воздвигают тоски дуновенья.

Разбиваются в сердце любви витражи,
Ведь не вечно ничто под луною...
Но тогда, мой доверчивый мальчик, скажи:
Почему до сих пор я с тобою?..

Темная крепость

Я Темная крепость... на траурном небе
Кровавые сполохи флаги мои,
За черными стенами — томная небыль,
Под ними веками гремели бои.

Я Темная крепость... меня осаждали
И принцы, и маги, и дикая чернь,
В безумных порывах к подножью метали
Сапфиры, рубины, алмазы и зернь.

Я Темная крепость — творенье из сказки
Безумного гения мрачных идей,
Живу без покоя, заботы и ласки,
Не зная страданий людских и страстей.

Я Темная крепость... закована в Вечность,
Омыта дождями холодных ночей,
Меня обрекли обводить Бесконечность
Задумчивым взором незрячих очей...

Дмитрий ЧУГУНОВ

Окончил филологический факультет и факультет РГФ. Профессор филологического факультета. Один из основателей литературной группы «Зинзивер». Автор книг прозы и поэзии «Берега реки» (2001), «Книга грусти и любви» (2010), «Книга путешествий» (2012) и других, публиковался в журналах «Подъем» (Воронеж), «Листья» (США), в коллективных сборниках. Авторский сайт: <http://wunder.narod.ru>

Утреннее стихотворение детям, сбегавшим по лестнице моего дома

Вы топайте сильнее, я проснусь!
По лестнице нахальным гулким эхом
Промчитесь, заполняя утро смехом,
Пока я спал, и ждал свою весну,
И видел сны — неясные картины,
И счастлив был... а вы бежали вниз,
И ваши голоса в хорал сплелись,
И таил в них январский морок длинный.

В последней полудрёме слышал я,
Как среди листвы за окнами моими,
Знакомась, птицы называли имя,
И начиналось утро бытия.

Я слышал частый топот детских ног,
И в этой сладкой музыке звучало
Вернейшее для дней моих начало,
Когда я думал: тоже так бы мог!

И в этот детский шум душа вошла,
Бесхитростно, негромко пробудилась,
И — настоящее с надеждой слилось,
И за спиной возникли два крыла...

* * *

Здравствуй, небо! И здравствуй, простор!
Здравствуй, ветер! И здравствуй, время!
Повод — в руку и ногу — в стремя,
И потом — высекать узор,

Будто веером — от подков,
Огневой, искрящийся, звёздный!
Это так — никогда не поздно
Развернуть свою жизнь, среди снов

Отыскать тот заветный путь,
Начинающийся ниоткуда
И ведущий к простому чуду —
Обрести, поверить, вздохнуть...

Что-то было, о том и вздох...
Что-то было, но это в прошлом.
Что-то будет — и будет хорошим!
И однажды скажу: я смог...

* * *

Меня дождь разбудил рано утром, не солнце.
В этом городе многое помнить придётся.
Вновь октябрь, и аллеи, и гроздь рябины,
Долгой ночью в гостинице жизнь такой длинной
Вдруг покажется... капли на окнах
Нарисуют потоп, да и мысли промокли,
Листопад отсырел, и просвета не видно
Ни в душе, ни на небе, и это обидно...

* * *

Зачем-то глаза заматались, он дрогнул лицом,
худой работяга или грузчик с пропитой рожей.
Узнал ли меня? я всё время держусь молодцом.
Но если по-честному, то... то мы очень похожи.
И было такое: он верил, и верил в стихи,
она же училась в своём выпускном классе,
И строчки его то тихи, а то дерзки
бывали... теперь — он расплачивается на кассе,
себя заглушает, в корзинке — дешёвка, вино,
слегка суетится — узнал? — и в глазах его вызов.
я помню: он долго смотрел на её окно,
она — уезжала на бал, а он — гулять по карнизу.
Смеялся над ним, потому что её — любил.
И вот — будто вечность прошла. Холодная осень,
Он, расплатившись, исчез. Это всё-таки он — был?
Теперь я у кассы, мой виски, три тысячи сорок восемь...

* * *

А вы знаете,
что ждать мгновенного ответа
на мгновенное сообщение —
в «контакте», «в одноклассниках», где-то ещё —
это неразумно, это смешно,
это всё равно, что обманывать судьбу.
Нетерпение сердца нас обманывает,
заставляя переживать, проживая секунды,
как камни,
как вечность,
как мили.
Ответ от другого,
задержанный кем-то,
пришедший с опозданием
на полдня, на полночи, на полжизни,

этот ответ — настоящий,
похожий на ответ в бумажном письме,
которого можно ждать
даже не половину, а всю жизнь.

* * *

Сто лет для храма — не возраст.
А если сто лет для нас —
не знающих, как непросто,
не видящих, что непросто,
не помнящих верный час?

Мне кажется, мы — случимся
и явимся не пустотой,
так солнце в душе лучится
ещё до того, как явиться
на небосвод земной.

Мы будем негромко верить,
идти по своим путям —
день первый, второй, третий...
взрослеть, но и быть, как дети...
и строить свой внутренний храм...

* * *

Это странное дело — стоять у окна.
У тебя ведь — две жизни или всё же одна?
Вот прошёл человек — это словно кино.
Он актёр в твоём фильме, что снимался давно?
Вот прошли ещё двое и вели разговор.
Минус три за окном и заснеженный двор.
Там машины, и птицы, и серый январь.
И ты словно читаешь какой-то букварь.
И не знаешь всех букв, и всего не понять.
Остаётся поверить и догадку принять.

Виктор ШАМРАЙ

Старший преподаватель кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения исторического факультета ВГУ

Последний фронтовик истфака

В августе 2010 г. скончался старейший преподаватель факультета, участник битвы за Ленинград Анатолий Георгиевич Волков. Светлой памяти наших учителей и всех воронежских фронтовиков посвящается

Ушел из жизни Волков Анатолий,
Часы судьбы остановили бег.
И в тишине пустых аудиторий
Роняет память свой блокадный снег.

Не гнался он за славой и карьерой,
Любил историю, работал, честен был
И мерил фронтовой, особой мерой
Огрехи жизни и грехи судьбы.

Рисуя жизнь без лжи и кривотолков,
Допишет время траурный портрет.
Ушел из жизни Анатолий Волков,
Таких людей на свете больше нет.

Сражение за Воронеж
Ту кровь, тот пепел в Лету не уронишь.
Здесь шли бои за каждый метр земли.
Отцы и деды гибли за Воронеж
И выжить Сталинграду помогли.

Первый орден

*В 1975 г. за мужество и героизм Воронеж был
награжден орденом Отечественной войны
I степени*

Воронеж заслужил свой ратный орден.
Все улицы здесь кровью крещены.
Сгорели все дома в огне войны.
Весь город был руинами Ротонды.

Дмитрий ШАТАЛОВ

Аспирант факультета романо-германской филологии ВГУ

Чёрная точка

Чёрная точка
За укромной дверцей
Тихонечко живёт,
Жизни не даёт.
Вынул её из сердца,
Посмотрел на свет —
В точке будто вертятся
Блики многих лет.
Показывает киноплёнка
Страдания ребёнка,
Страх расставания,
Крики и рыдания;
Юноши проблемы:
Любовные дилеммы,
Или одиночество,
А может быть, пророчество;
Взрослые тревоги:
Зарплаты и налоги,
Зависть и обиды,
Семейные корриды.
Синий свет прожектора
Всё показал, как есть,
Этот свет не знает,
Что такое лезть.

Выпив чашку чая,
Съев солёной рыбы,
Ты сказал: «Прощаю»
И ещё: «Спасибо».
Точками растаял
Прошлогодний снег.
Смыта киноплёнка.
Новый человек.

Шёл молчаливо человек

Шёл молчаливо человек
Под новогодний снег.
В ту ночь красавица-луна
Была совсем одна.
Она блестела, снег блестел,
А человек хотел
Коснуться белого лица.
Белела улица.
Беззвучен был ночной покой.
С протянутой рукой
Под снегом человек стоял,
О чём-то размышлял...
В ночь неразгаданных чудес
Снежинка падала с небес,
И так хотелось ей тепла,
Но всё метель мела.
Неслышно на ладонь упала
Снежинка и сказала:
«Вот, наконец, меня ты встретил!»
А он и не заметил.

Я хочу в изумрудный город

Я хочу в изумрудный город,
Хочу мозги, сердце и храбрость,
Чтобы Элли меня полюбила.

Но Элли-американка
смотрит на мир сквозь зелёные линзы.

И даже если бы у меня были
Её волшебные-преволшебные башмачки,
Разве смогу я снять свои
Привычные, старомодные очки?

Одиночество

Одиночество —
когда ночью один.
Один-очество —
когда глаз один.
Одинокие и одноокие
ночью грезят о том, что пройдёт
одиночество, один-очество,
но гарантий
никто не даёт.

Станислав ШЕВЧЕНКО

Студент 3 курса факультета журналистики
ВГУ, член литературного объединения «Респу-
блика слова»

Девушка за рулем

Она с напряжением на знаки смотрела
И плавно касалась педалей.
Все эти устройства, все эти системы —
Зачем ей вдаваться в детали?

Она испугалась бы скорости дикой,
Безумного рёва мотора.
Она никогда не промчалась бы лихо
Под красный сигнал светофора.

Но я бы пошел против правил движения.
Хватайте, штрафуйте, лишайте!
Промилле в крови — результат опьянения
Одною. Единственной. Памятью.

Я молча разглядывал тонкие плечи,
Растаяв на заднем сиденье.
Сгорали в моторе последние свечи.
Сгорали мои наважденья.

РЖД

Российские железные дороги...
Ползут с шипеньем змеи поездов
Мимо забытых деревень убогих
И утонувших в смоге городов.

В консервных банках жмутся пассажиры,
С тоскою покидая отчий край.
Плечом к плечу пижамы и мундиры
Размешивают ложкой стылый чай.

Вокзалы, станции, мосты, тоннели.
Стучат колеса, тянут долгий миг
И в километрах отмеряют время,
Что нам с тобой осталось на двоих.

Мы завтра снова будем одиноки...
Не дернет за стоп-кран никто из нас.
Российские железные дороги
В полночном сне увижу я не раз.

Такая осень

Ветер швыряется
Листьями, судьбами.
Все возвращается.
Были ли? Будем ли?

Помнят мосты
Поцелуи, объятия,
Свет темноты —
Темноты восприятия.

Может, обман —
Настоящее жгучее?
Стелет туман
Покрывало грядущего.

Смоет дождем
Очертания прошлого.
Снова вдвоем.
Горячо! Осторожно.

Максим ШЕСТАКОВ

Магистр факультета прикладной математики,
информатики и механики ВГУ. Посещал лите-
ратурный кружок МОУ «УВК № 1» с 2003 по
2006 гг. Лауреат в номинации «Стихи о при-
роде» поэтического радио-конкурса 2006 года,
посвященного Д.В. Веневитинову

* * *

Снова листья срываются с веток,
Догорает осенний закат.
Ни плохих, ни хороших отметок,
Не поставят мне больше в тетрадь.

Выпускник, мимо школы иду я
Не спеша, улыбаясь чуть-чуть.
А внутри, над задачей колдуя,
Вычисляют то скорость, то путь...

Тишина в коридорах немая.
Но, лишь кончится пятый урок,
Побежит, шум и гам поднимая,
По звонку ребячья на порог...

Джабраил ЯХЬЯЕВ

Выпускник филологического факультета ВГУ

* * *

Елене

Только умелая кисть нарисует
Радугу в воздухе неба,
Утопая в весенней реке красок.

Пейзаж

Ф.Г. Лорка, перевод с испанского языка.

Уставший синий вечер
От холода укрылся...

Из окон мутных небо
Высматривают дети:
Им чудится, что стаей
Деревьев кроны стали.

А вечер раскрывает
Реке свои объятия,
До малых крыш касаясь
Румянностью заката...

Вечерняя прогулка
Р.М. Рильке, перевод с немецкого языка

В вечернем блеске мы идём
По белому пути аллеи.
Во глубине мечту лелея,
Ты белым увлеклась венком.

И, утомившись, даришь ты
Улыбку сонному закату

И звёзд проснувшихся набату.
А я-то знаю, что грустишь.

И я страдаю, хоть убей.
Но успокоюсь я тогда лишь,
Когда увижу, как качаешь
Рукой усталой колыбель.

Березовая икона

Печаль переполняла темный лес:
С дождливых листьев опадали слезы;
На черной на истоптанной земле
Лежали бледные березы.

Застыли ветви и сплетеньем рук
Во сне глубоком потянулись к солнцу,
Дрожа от ветра не забытых мук.

Лес понимал: их солнце не вернется.

И тысячи деревьев в этот час
К березам мокрые склонили кроны,
И, словно дети, над земной иконой
Кричали птицы, к небу вознесясь.

Наши гости

Татьяна АГИБАЛОВА

Настоящее имя — Татьяна Валерьевна Жиброва. Родилась в Орловской области, живу и работаю в городе Воронеже. Преподаю историю России и английский язык. Уже довольно давно увлеклась поэзией для детей. С удовольствием возвращаюсь в детство вместе с героями своих стихотворений. Все мы родом из детства. В моем детстве был литературный кружок в УВК № 1, за что я очень благодарна судьбе

Зимняя картина

Я рисую на листочке
Маму, папу и сыночка,
Шапки, варежки потом —
Это мы гулять идем.
Как бела моя страница,
Будто снег на ней искрится.
В самый дальний уголок
Солнца спрячу я кружок.
Красным пятнышкам рябины
Хватит места на картине.
Посмотрите, рядом в миг
Появился снеговик.
Вот и горка ледяная,
Ель пушистая лесная,
Снежный замок и один
Синий маленький пингвин.

Грязнуля

Мне, ребята, скажем честно,
Жить на свете интересно.
Я заглядываю всюду:
И на полку, где посуда,
Под деревья, под машины,

В погреб бабушки Полины,
На чердак и в папин ящик,
Под диван — а вдруг там мячик,
В банку с яблочным вареньем...
Почему же в воскресенье
Мама странно намекнула:
«В ванну загляни, грязнуля»???

Николай АВДЕЕВ

Учащийся 11 класса «А» МОУ Лицей №2. Стихи пишет с дошкольного возраста. Занимается в поэтической студии «Левобережье» под руководством воронежского поэта Михаила Николаевича Соловьева. Участник конкурсов детского поэтического творчества, имеет публикации в воронежских изданиях. Его стихи звучали в передачах Воронежского радио «Перепутье», «Ветеран»

Мама

*Посвящается моей маме
Матвеевой Елене Анатольевне*

Мама... Мама... Это слово
С самых ранних лет знакомо.
Сколько в нём любви и ласки!
В нём воспоминанья детства,
В нём звучанье милой сказки,
От него тепло на сердце.
Мама... Мама... Это слово
С самых ранних лет знакомо.
Мама радость разделяет
Со своим ребёнком часто,

Добрим словом утешает,
Если вдруг пришло несчастье.
Мама... Мама... Это слово
С самых ранних лет знакомо.
Человека нет роднее,
Обойди хоть целый свет!
И прелестней, и нежнее,
И добрее мамы нет!

Танк на дне

*Посвящается 65-летию освобождения Воронежа
от немецко-фашистских захватчиков*

Лазурь небесная простёрлась
В июльских солнечных лучах,
Рябь плещет по воде озёрной,
Мелькают блики на ручьях.
Ныряют с мостика мальчишки —
Манит упорно глубина —
И спорят, кто проплыл всех ниже?
Кто первым донырнёт до дна?
Пастух подходит седовласый,
Ребятам шумным говоря:
— Не тратьте силы понапрасну,
Ко дну ныряете вы зря.
Зовётся озеро Бездонным.
Тут раньше Ведуга текла,
В войну свернула по воронкам
И русло новое нашла.
Притихла шумная ватага,
В кружок, поближе, собралась.
Пастух, отвлёкшийся от стада,
Поведал им, не торопясь.

— Война... Зима была сурова.
Под вой бомбёжек шли бои.
Рвались фашисты к Губарёву,
Но защищали Дон свои.
Воронки оспинами грызли
И Дон, и Ведугу, и лес.
Снаряды всю окрестность взрыли.
Близ Дона не осталось мест,
Где б сохранилась от природы
Хоть часть, обрывок, островок.
Чернел весь лес, огнём обглодан,
И луг истерзанный продрог.
Вдруг танк со свастикой попёрся,
По льду, что Ведугу покрыл.
Он, переправившись, прорвётся
Войскам советским прямо в тыл!
Дополз фашист до середины,
Рывками гусениц — вперёд,
И, не одной не видя мины,
Проклятый немец прёт и прёт.
Нет! Ведуга решила мстить
За исковерканное русло.

Лишь метр осталось проползти
Фашисту... Лёд затрясся грузно.
(А в это время родники
Упорно били изо дна,
И лёд у берега реки
Точила бьющая вода.)
Ещё полметра... Лёд трещит,
Пролом зияет под фашистом!
Пошёл ко дну захватчик быстро.
Пощады, немец, не ищи!

Лазурь небесная простёрлась
В июльских солнечных лучах,
Рябь плещет по воде озёрной,
Мелькают блики на ручьях.
Ныряют с мостика мальчишки -
Манит упорно глубина —
И спорят, кто проплыл всех ниже?
Кто первым донырнёт до дна?..

Виктор БАТРАЧЕНКО

Доцент Воронежского государственного педагогического университета

Запах свободы

Антоновских яблок корзина
Стояла на лавке в сенях.
Антоновкой дом мой пропах.
Была сентября середина...

Распахнуто настежь окно,
За ним — необъятные дали...
Их снова увижу едва ли.
Давно это было, давно...

Плыла паутина над садом,
Готовилась падать листва...
Чуть слышно звучали слова:
«Прощай... Оправдания не надо...»

Антоновкой день тот пропах...
На долгие-долгие годы
Запомнился запах свободы.
А жизнь состоялась не так...

Талисман

Спящий посёлок накрыло цунами,
всё на пути бессердечно круша.
Пеной подхвачен корабль-оригами —
не пожалеет волна малыша...
Стройная сакура вырвана с корнем,
выброшен на берег старый баркас...
Выживший мальчик цунами запомнит,

мокрый кораблик, который он спас...
Станет кораблик его талисманом.
С этого дня начиная отсчёт,
солнечным утром и утром туманным
мальчик с корабликом новым придёт
к пристани, спустит кораблик на воду
и на прощанье помашет рукой...
Свой талисман отпустив на свободу,
сложит старательно точно такой...
Дальше всю жизнь будет он оригами
складывать многие тысячи раз,
помня накрывшее берег цунами,
вера: кораблик в ту ночь его спас...

Падает снег

Зимняя ночь наступила давно.
Белые улицы... Белые крыши...
Падает снег. Мне поёт Адамо —
В белом безмолвии песенку слышу.

Мягкие хлопья мелодии в такт
Перемещаются в медленном танце...
«Падает снег» Адамо... Мне назад
Не возвратиться и не достучаться...

Мне б — не на много, всего — на часок.
Мигом домой заскочить за коньками,
И — на сверкающий лёд — на каток!
За руки взявшись, кружиться кругами...

Падает снег, мне поёт Адамо.
Тихо бредёт запоздалый прохожий
Падает снег... На немое кино
Или на сон это очень похоже...

Сто желаний

Бесконечные звёздные дали,
Удалённых галактик миры...
Мы, не ведая правил игры,
Сто желаний с тобой загадали.

Звёзды гасли одна за одной,
Мы считали, сбиваясь со счёта,
Было весело нам отчего-то,
И идти не хотелось домой...

Сто желаний смогли загадать!
С той поры — тридцать лет ожиданий...
Не сбылось ни одно из желаний.
Может, много просили? Как знать...

Звёзды падают снова и снова,
Их полёт — для других, не для нас.
Звездопад... Знаю: кто-то сейчас
Тихо шепчет заветное слово...

Мой дом

Я не люблю серьёзных перемен:
Ремонтов, переездов, новоселий...
Не так уж плох мой дом, на самом деле, —
Проверено, что нет ушей у стен.

Привычен книг удобный беспорядок,
Прижился в платяном шкафу скелет...
Пусть кинет камень, у кого их нет!
Густ полумрак и запах пыли сладок...

Я не намерен ничего менять,
Уютен быт, отлаженный годами.
Пусть вещи исчезают временами,
Но возвращаются ко мне опять...

Вздыхает мегаполис за стеною,
Стекло в окошке разьедает смог...
Мой дом укрыть меня надёжно смог
От многих бед. Он до конца — со мною.

Детали быта

В чугунке на плите — картошка —
Чуть полопалась кожа...
Из распахнутого окошка —
«Подмосковные вечера»...

Мне бы в лодочку сесть на вёсла
Да — по лунному серебру!
Подрасту я и стану взрослым,
Купим лодку. Потом умру...

А пока надо вымыть ноги —
Вот он тазик с тёплой водой.
Спать пора — распорядок строгий!
В койку! Кутаюсь с головой...

Полежу в ожиданье сказки —
На столе книжка «Братья Grimm»...
Скажет мама: «А, ну-ка глазки
Закрывай...» Свет потушен... Спим...

Издалёка — детали быта,
Мелочёвка, на первый взгляд.
Ничегошеньки не забыто!
Жаль — вернуться нельзя назад...

Владимир БОЛГОВ

Доцент Воронежского государственного архитектурно-строительного университета

Вот и расстались

Вот и расстались. И, может, навеки
Два дорогих, дорогих человека.

Но не смогли, не ужились, не спелись.
А было — мечтали, а было — хотели
Друг друга — согреть и немножко — согреться,
Душою сродниться и сблизиться сердцем,
Чтоб стать заедино, в одно слиться тело,
Чтоб вместе — смеялось, чтоб вместе — болело,
Чтоб радость и горе никак не делилось.
Все общее было.
Все общее было.

Но все же расстались
С обидой и болью.
За все рассчитались
Своею любовью.

Лампадка

На пригорке — разбитая церковь,
Небо светится сквозь купола.
И гуляет по ризнице ветер,
Фрески сбиты, вокруг тишина.
В ней давно не горели лампы,
Запах ладана не уловить.
И не пели псалмов. С колоннады
Благовест перестали звонить.
Запустенье, разруха и жалость
По несбывшейся вечной мечте.
Сотни лет эта церковь стояла,
А теперь — видно, годы не те.
Навевала спокойствие, веру.
От рожденья до смерти была
Прихожанам хорошим примером.
А теперь — и сама умерла.
Видно, в жизни, где нету порядка,
Места нет для церковных услуг...

На пригорке, где церковь, лампадка
Замерцала, затеплилась вдруг...

Старая гитара

У костра аккорды выбивала,
Невпопад звучала иногда.
Старая знакомая гитара
Помогала строить города.

Дружно пламя выбивало сумрак,
Ночь густая над костром легла.
Летом утро наступает бурно.
И опять на долгий день дела.

Но сейчас аккорды выбивала,
Длинный день старалась завершить
Старая знакомая гитара,
Спутница, помощница в глуши.

А когда здесь встанет новый город,
Кто-то вспомнит, может быть, костер,
Где тогда звучали переборы
И неспешный велся разговор.

Может быть, и нас тогда не станет,
Жизнь идет, нам не о чем жалеть.
Старая знакомая гитара.
Ночь. Костер. Нам так хотелось петь!

Ангелина БОРОДИНА

Ученица 11 класса гимназии
им. А.В. Кольцова, г. Воронеж

Утреннее

Вот новое утро растет, выбивается из-под снега.
Ощущаешь всем телом, каждой клеточкой и спиной.
Открываешь глаза — и ты прямо вот так, с разбега,
Словно в омут, бездумно, ныряешь в него с головой.
Сны вцепились так крепко, что, кажется, не отодрать.
Убегают, пытаются спрятаться в волосы.
При попытке их выцепить лишь жалобно верещат.
Их пугает будильник, орущий противным голосом.

В холодильнике только снег.
На улицах пусто тоже.
Утро пахнет раскрытой книгой, вчерашней грозой
и ленью.
Не хочу видеть эти лица. Всех случайных людей,
прохожих.
Не получится стать птицей — так хотя бы ее тенью.
Сменит день затяжное утро. Грянет вечер, а позже
ночь.
Все в порядке, и все циклично, но ужасно уже
достало.

В Зазеркалье шагнуть с Алисой.
Убежать и исчезнуть... Прочь!
Как хотелось бы, знаешь, просто...
Просто, чтобы всего не стало.

Мне бы с сахаром раствориться, утонуть в этой
чашке с чаем,
Не хочу видеть эти драмы и дневные свои печали.
Между пальцев утечь с водою.
Улететь с перелетной стаей.

...
В зазеркалье пришла телеграмма:
«Всё, вернись
Тчк
Скучаем»

Бессонница

А знаешь, бывает такое время, когда уже день далек,
А вечер мотает в клубочки сны и никак не приходит
в срок.
И все ехидно язвит, смеется и откладывает на потом.
А ты лежишь и глотаешь сон пересошим и жадным
ртом.
А он ускользает бесшумно, как дым, и струится
куда-то вниз.
На щеках остаются полоски-тени испуганных
птиц-ресниц.
Я их прогоняю устало, прошу: «Отпусти же меня,
пусти!»
А бессонница шепчет-кричит, смеется, сжимает
строку в горсти,
Выпускает на лист, угрожает весной и пытается. За
мыслью мысль.
И все доводы дня вдруг тускнеют, уходят, теряют
последний смысл.
А во мне — целый город, запутанный, странный.
Опасно мне там ходить.
Я иду туда снова, и каждую ночь мне приходится
сны ловить.
Я иду и ищу. А они все исчезли. А кажется — вот,
за углом!..
Забегает за угол, а там — как обычно. Снова серый
бетонный дом.
До утра в лабиринтах. Кошмарных и темных.
Что опасней быть может себя?
До утра вот так ходишь и молишься, просишь...
и ждешь отголоски дня
Бежишь, спотыкаешься. Больно. Встаешь.
Не дыхание — хрип в груди.
Эй, постой! Все! Конеч!.. Посмотри — за углом
Уж виднеется свет зари.

О матери

Я закрываю глаза и сразу вижу namного четче,
Как ярко смеется, пьет чай синеглазый Отец,
Который не как на иконах, а, в общем, совсем живой.

И в чашке его прибой.

Как Он крутит чашку в пальцах — и вызывает
шторм.
Как Он говорит со мной — и слышен прозрачный
звон

Со всех колоколен.
Как наливает благовест, как говорит мне: «Пей!»
Как учит любить людей.

Вот Он со лба по-отечески мне отдувает прядь...
Я просыпаюсь и

Вдруг вижу
Свою
Мать.

Александра БОЧАРОВА

Ученица 9 класса гимназии им. А.В. Кольцова,
г. Воронеж. «Я уверена в том, что скоро наста-
нет еще один век русской поэзии, не уступаю-
щий Золотому и Серебряному, и мечтаю о том,
чтобы наше поколение его застало»

Призрак оперы

Настала ночь. Театр на замке.
Но кто идет по гулким коридорам?
Брунгильда иль Пер Гюнт, поддавшийся судьбе,
Иль каторжник, что был когда-то вором?

Все громче шаг. Фойе и главный зал.
Подмостки, занавес и потайные двери.
Идет Фантом. О, если бы он знал,
Что в храме муз в него никто не верит!

Но верю я. Смотрите, вот же, вот,
Стоит он здесь, у вас перед глазами!
И этот шрамом искривленный рот,
И маска не снимается годами.

Он здесь. Фантом. Он дух, он царь, он бог.
Он Призрак Оперы, Великий и Ужасный.
Он — это все: оркестр и потолок,
Весь мир театр, и он здесь самый властный.

Но этот мир кто выдумал? Когда?
Иль это ложь и замысел удачный?
Но все ж рука в перчатке так тверда,
И яростный взор неумолимо мрачный.

Фантом идет. Идет быстрее, хотя
Ночной обход закончится не скоро...
А он идет, как сотни лет спустя,
Из зала в зал по гулким коридорам.

Приходят и уходят поезда

Приходят и уходят поезда,
Огни их тушит ночь, закутав в одеяле.
Так новая и старая судьба
Встречаются на жизненном вокзале.

Приходят и уходят поезда...
И старые, и новые все лица,

И некогда грустить и веселиться
На станциях Начала и Конца.

Приходят и уходят поезда...
Когда-нибудь куплю билет обратный
И сяду я на поезд безоглядный,
Что едет вдаль, в иные города.

Но брошу взгляд последний я туда,
Куда приходят и уходят поезда.

В.В.

Когда мне станет скучно, когда мне станет тесно,
Когда меня за душу и гложет, и скребет,
Надев очки-пилоты, я сяду в одноместный
Воздушный ярко-синий небесный самолет.

Взлечу как можно выше — одна во всей Вселенной!
Луна, мигнув, покажет мне путь в твою страну.
И крикнув ей «спасибо!», я пролечу над Веной,
В две буквы «В» заветных я радугу сверну.

Крылом, раздвинув тучи и подлетая ближе,
Я знаю: ты с улыбкой помашешь мне рукой.
Не бойся, что высоко — я все равно увижу,
Из сотен миллионов ты лишь один такой.

И сделав стойку «коброй», зависну я над бездной,
Считая в небе звезды, как ночью фонари.
За чьей-то крышей дома внезапно я исчезну,
Из двух горстей рассыпав бенгальские огни.

Не для того ли солнце, не для того ли дали,
Не для того ли светит нам бледная луна,
Чтоб только мы к любимым почасе прилетали,
Чтоб только мы писали любимых имена!

Ирина ВАСИЛЬЕВА

Лауреат фестиваля «Парус надежды». Была со-
трудником издательства «Коммуна». Работала
на рынке, в настоящее время служит в детском
театре

* * *

Мне досталось в наследство забвение лет,
Да и вспомнить бы вроде нечего.
Жизнь моя, как Луны отражённый свет,
Что прижался к Земле доверчиво.

И согрет глубинным её теплом,
Обрастая в дорогах звёздами,
Я ищу и ищу на Земле свой дом,
Сад в цвету и деревья с гнёздами.

Иллюзия 1

Иллюзия жизни с иллюзией света
Смешались в бокале дождливого лета,
И пили мы небо большими глотками,
Иллюзия счастья была между нами.

Шло время, и ветер срывал покрывала,
И холодом осень меня предавала.
Иллюзия жизни хваталась за пики,
Иллюзия света — за свечи и лики.

Как больно мне было, любя, ненавидеть,
И я научилась смотреть и не видеть.
Когда содрогалась душа под камнями,
Вы к небу меня прибивали гвоздями.

Потом Вы устали, а может, прозрели.
Потом Вы раскаялись и пожалели.
Просили прощенья, просили остаться,
А я не хотела назад возвращаться.

Иллюзия 2

Иллюзия жизни с иллюзией света
Смешались в бокале дождливого лета,
И пили мы небо большими глотками,
Иллюзия счастья была между нами.

Казалось, луна нас сама обвенчала,
Я каждый свой миг лишь тебе посвящала,
С тобой постигая пространства глубины,
Ты — больше, чем я, ты — моя половина.

Возможно, иллюзия — сильное чувство,
Возможно, любовь — это тоже искусство.
Но пили мы небо большими глотками,
Иллюзия счастья была между нами.

Прекрасное сердце, не бойся быть нежным.
Любовь разольётся потоком безбрежным.
И мы поплывём, нашу лодку обгоним,
И в этом потоке однажды утонем.

* * *

Дыхание твоё живёт во мне,
И непреодолима жизни сила.
Любовь горька, как истина в вине.
Сама желала и сама любила.

А ты — всего лишь гость в моей судьбе,
Которому я дверь души открыла,
Не виноват, что ты теперь везде,
Сама желала и сама любила.
Сама звала, сама навстречу шла,
Когда ты был изранен и простужен,
Я не искала твоего тепла,
Я только знала, ты мне очень нужен.

И я сжигала тысячи свечей,
Чтоб жизнь одну надеждою измерить.
Я не просила верности твоей,
Мне нужно было хоть во что-то верить.

* * *

Летала по небу заря,
Бросала в море якоря,
И в пламенеющей дали
Сияли чудо-корабли.

Огнём пылали паруса,
И полыхали небеса.
По водной глади огневой
Волна катилась за волной.

Я улыбалась парусам,
Тянула руки к небесам,
Я рассыпала у воды
Горячей памяти следы,

Где каждый камень был воспет
Звездой, венчающей рассвет,
Где вечно молодой Восток
Для замков намывал песок.

Летала по небу заря,
Бросала в море якоря,
И в пламенеющей дали
Сияли чудо-корабли,

И так хотелось мне уплыть,
Как с другом, с морем рядом быть.
И подносило мне оно
Любви солёное вино.

Летала по небу заря,
Бросала в море якоря...

* * *

Разве можно верить поэтессе?!
Жизнь её подобна грустной пьесе,
Где она с достоинством дворянки
Носит платье барышни — крестьянки.

А потом с величием позёра
Входит в роль искусного актёра,
Многолика и сентиментальна,
И конечно, очень гениальна.

Держится красиво, грациозно,
Видно, что горда, амбициозна,
Но отнюдь не хуже маркитантки,
За Отчизну в бой пойдёт на танки.

А когда закончатся сраженья,
То полюбит до изнеможенья,
Нарождает кучу ребятишек
И напишет море новых книжек.

Если не погибнет, но спасётся,
Если не погибнет, к Вам вернётся.
Только Вы не верьте поэтессе,
Жизнь её подобна грустной пьесе.

Алла ГАБРЕЛЯН

Лауреат фестиваля Парус надежды 2012 в номинации «Где Вы, поэты?», автор поэтического сборника «Я не пою любимых песен»

Воронеж

Новые высоты в нашем «тихом центре»,
Пластик улыбается с каждого окна,
Не скрипит фрамуга при разрывном ветре,
Вроде «окультурены» улицы сполна...

Только открывается взору и меж них:
Смотрит шифер старый с невысоких крыш,
Стены чуть облуплены, да и дворик тих,
Здравствуй, мой Воронеж из старинных ниш...

Бежевая краска, белые балконы,
Серый притаился над окном карниз...
Разогналось воплем и неутомонно
покатилось детство по перилам вниз...

Не мои мгновенья, звуки — перезвоны
Отзывались в строках вехами страниц,
Машет ностальгия тополиной кроной —
Жизнь в воспоминаньях, и в режиме «Блиц»...

Но стою, оторвана от сиянья пластика
Старым деревянным и живым окном,
И душа раскрыта ожиданьем праздника —
Выросшим до нерва к городу родством...

* * *

Дождь струился и стучал монотонно и певуче,
Будто он весну встречал осторожно из-за тучи...
Таял снег... Чернели комья, хлопья вниз летели
с крыши,
Словно сроки февраля, не начавшись, сразу вышли...

Под ногами не трещал снег хрустальный, и трескуче
Не кусал меня мороз, поцелуями колючий...
И не март и не апрель, а вокруг ручьи и лужи —
Это зимушка — зима бьет который день... баклуши...

Счастье

Шептались перед сном, укрывшись пледом,
Два существа, живущих на земле.
И им двоим на свете был неведом
Тот страх, что гложет души в тишине.

Она покрепче к телу прижималась,
Волос перебирая нежных прядь,
«Котенка заведем», — и рассмеялась —
Я буду с ним в ошейнике гулять...

Пусть будет черный, только с белой грудкой»...
«Все, что захочешь, дочь», — сказала мать,
Поцеловала ласково макушку,
И в шутку грозно приказала: «Спать!!!»

И девочка спала, расправив крылья.
Полет во сне с котенком на руках —
И мир прекрасный, полный изобилья
Улыбкой отражался на устах.

Там все сияло красками цветными,
Смеялась мама, торопя обед...
«Мои родные, солнышки смешные» —
О женщина, дающая им свет...

* * *

У витрины яркой жалкая старушка.
В стареньком пальтишке. Лютая зима.
Нет, пока не стала явной побирушкой,
Но людьми и миром брошена она.
Бремя жить — ужасно. Голод, нищета,
Ведь поди старушка ест-то иногда.
А во что обута? Господи, прости!
В рваные калоши, да с одной ноги:
— Что же ты одна-то? Нет, что ль, никого?
Мужичок купил ей хлеба полкило:
— Скользко ведь идти-то, — взял под локоток. —
До трамвая рядом, доведу чуток...
А в ответ отчаянья слышен шопоток:
— Как дойти до смерти, подскажи, сынок..

* * *

Я заштопаю крылья тупою иглой,
Чтобы дыры от ран еще долго саднили,
Мы отстреляны заостренной стрелой,
Так Амуры старались и нас породнили.
Я заштопаю, краскою выкрашу перья,
В алый цвет, в алый крик, или в блеклость слезы,
Не осталось в тебе ни любви, ни доверья,
Ты не видишь во мне ни тепла, ни красы...
Я заштопаю крылья тупою иглой,
Пока раны болят — мое сердце с тобой...

Ольга ГОСТЕВА

Выпускница экономического факультета Рос-
сийского государственного социального уни-
верситета

Времени течение

Всё проходит. Жизнь течёт.
Был когда-то дан отсчёт;
Был заложен первый камень;
Был услышан первый звук.

На горе снега, растаяв,
Вниз под гору побегут.
Всё проходит. Жизнь меняет
Ход. Часы — в свой срок пробьют.

* * *

На моём горизонте — солнце — маком;
Мы вдвоём на помосте — слишком, шатком;
Жаль губить наше время. В перчатку,
в чёрный лак
Прячь свою душу, ставь заплатку;
Чёрным гвоздиком — точку.
Эх, переехать бы жизни кочку!
Перепрыгнуть бы, перебежать...
На моём горизонте — облаками — печать.

Время

По Гринвичу.
Или чёрным по белому:
Стрелки твои, мой — циферблат;
Мне не поспеть и лишь наугад:
Шатание времени — в длинном
и бежевом,
Как церемонии Аристо-
крат.

По гладкому...
Или по серому:
Шершавой рубашкой
дорога в камнях.
Так ли и мы: душами мерились,
Каждый считал, что дороже —
своя...

Время скачками, с разбегу,
налётами,
Давит на сердце, меряет зло.
А я считаю вёснами, летами;
Алыми лентами — сердце ...моё.

* * *

Запечатаны слёзы в конверте,
Распечатан прямой силуэт;
Я оставляю вам несколько, верьте,
Поцелуев от прошлых тех лет.

Я отправлю по почте вам краски,
Вы пришлёте мне кисти в ответ;
Мы забудем все прежние страсти,
И напишем свой новый портрет.

Картина

В стареньком доме картина:
Вижу потёртости след;
Мне бы забыть суетную
Жизнь окаянных тех лет.

Только в душе встрепелось,
Что-то с глубин поднялось:
Сердце наполнилось грустью;
Время в едином сошлось.

Пруд, пожелтевшие ивы;
Лодочки маленькой след;
Милой улыбки виденье —
Ваш мне знаком силуэт.

Детские радость и горе
Шлют мне незримый привет.
В стареньком доме картина:
В памяти — юности свет...

Анатолий ДЕДОВ

* * *

Воронеж. Берег. Майский день.
На глади вод фонтаны свечкой.
Берез чарующая тень,
В прекрасном мире быстротечном.

Плыл белый парус по реке,
А мне казалось мое детство
Рукой мне машет вдалеке,
Природы миг дая в наследство.

* * *

И на подворье все, как было:
Колодец, дом, вишневый сад,
А там, где тропка проходила,
Созрел в беседке виноград.
Вокруг же тихо и уныло,
Лишь сельский заорет петух,

Да зашуршат кусты крапивы —
Знакомый с детства звук и дух.
Все в лету кануло, уплыло,
Ведь как в народе говорят,
Все у людей при жизни было...
А на погосте, глянь, могилы,
Кресты да памятники в ряд.

Ожидание

Засвистала, запела скворечня,
Заплескала волною река,
И, качнувшись, поплыли неспешно
Мимолетным путем облака.

И белы, и легки, и кудрявы,
Но лишь день или два погода
Потепают они, и на травы
Хлынут теплые струи дождя.

И поднимутся травы, и тихо
Запоют, зазвенят, зашуршат,
И воспрянет в лесу облепиха,
И утонет в цветении сад.

И опять в ожидании лета
Станет тесным от птиц небосвод,
И пробудится сердце от света,
И, ожив, от восторга замрет.

Я в поэтическом плену

Жар-птица осень в злат-обновах
Ведет затейливо игру.
И дремлет чутко бор сосновый
В рассветной дымке поутру.

Здесь мне до боли все знакомо:
Лес обожаю, тишину,
Где шаг — так рифма, путь — так слово...
Я в поэтическом плену.

За дверью — детство... Помолчим

Костер. Дымок. Прибрежный ветер.
Друзья. Рыбалка, всплеск в тиши.
Все также край мой свеж и светел.
Частичка милая души!..

И вновь вагон. Прощальный вечер.
Объятья, слезы. Путь в ночи.
Горька разлука после встречи.
За дверью — детство. Где ключи?!

Константин ДРОВЯННИКОВ

Родился в 1984 году. Выпускник МОУ гимназии «УВК №1» 2001 года. Посещал литературный кружок. Окончил Воронежский институт высоких технологий (ВИВТ). Женат. Растит сына

* * *

Мы уходим с востока
С болью в груди.
Не от очередей автомата.
Оттого, что остались там позади
Лучшие наши ребята.

В ночи мы видим пылающий ад
И крылья «Черных тюльпанов».
Везут они наших погибших ребят
В Россию из Афганистана.

И что там ушибы и рваные раны.
Со временем это пройдет.
Но память о мальчиках, павших в Афгане,
От нас никогда не уйдет.

Марина ДУБИКОВА

Выпускница ВГПУ

Темные аллеи

Бунину И.А.

Минутный взор пронзил до боли,
В душе сомнения развеял:
Любовь отвергнутую вспомнив,
Вкус сладострастия на аллее...
Ей в одиночестве привычно
Обман в тоске нести, как веру:
Надеждой тешась, безграничной —
Разлуке долгой возраст мерить,
И не прощать, когда вернется...
Обманут был и он — судьбою.
Подавленный. Под белым солнцем
Стыд, признавая за собою.
А кучер гнал коней как годы:
По колеям, по грязной жиже.
Его хозяин благородный
До слез мечтал: «исправить жизнь бы».

И.С. Бах

По дивным клавишам органным
Парят в ритмичных тактах руки.
Красивой музыкой дышанья

Разносятся по залу звуки.
Они таинственным посланьем
Хранят структуру в коде геном —
Их — композитор, извлекая,
Услышал из души вселенной.
В них божество, любовь и вечность
В гармонии с рождением жизни,
Застывший миг и быстротечность
За чередующейся тризной.
Придворным танцем менуэтным,
Стремительностью в легкой фуге
Зажжется в сердце лучик света,
Когда тоскуешь ты о друге.

За окном МЕЛ метелью февраль

За окном мел метелью февраль,
Развевал по округе накидку...
Извлекла как священный Грааль
Из футляра забытую скрипку.

Нанесла на смычок канифоль,
Точность квинты сравнила колками,
Рыжей деки узнав полироль,
Детства пыль вдруг протерла руками.

Плавно пальцы ложились на гриф,
Извлекая несложные ноты,
Разливался знакомый мотив
С ощущением рядом кого-то:

Кто уроки давал мастерства
Нерадивой тогда ученице,
Почитавшей момент баловства,
А не знаки на нотной странице.

И, желая, заполнить пробел,
Вспоминала слова педагога...
А февраль от мороза белел,
Унося душу млечной дорогой.

Михаил КАМЕНЕЦКИЙ

Окончил Харьковский авиационный институт. Проработал 43 года на Воронежском механическом заводе. Член Союза российских писателей, автор 8 поэтических сборников и повести «Я умру пацаном»

Герои Сенатской...

Ни спеси нет, ни превосходства —
во взглядах не таится страх...
Лишь свет ума и благородства,
решимость долгая в глазах.
И непреложна та причина,

по коей в стуже декабря
от Петербурга до Тульчина
стремглав летят фельдгегеря.
Уже предчувствуя потери,
был каждый в том неколебим:
Сенатской площадью проверить
правдивость клятв
и верность им.

— Как честь велит —
без суесловья —
тот путь пройдя под звон оков,
с высот
дворянского сословья
сойти в глубины рудников...

1987

Музыкальное сердце собора...

Потрясая готику собора,
грянет разом звуков ураган.
Будто неба самого опора —
выступит из сумрака орган.

— Эти вздохи, ранящие горько,
этот рокот,
скорбный, как судьба —
неужели объяснимы только
высотой воздушного столба?..

Вслушиваясь в голоса органа,
вдруг поймёшь,
что там — над головой —
бьётся мысль незримого титана
над разгадкой
жизни вековой...

1992

Последний собеседник

Одиночество, мой друг,
вечный гость в моём поместье.
Тесен дружеский наш круг:
ты да я, да оба вместе.
Ты меня не тяготишь,
делишь кров со мной и долю.
Даришь мне ночную тишь
и моим раздумьям волю.
Одиночество моё —
древний герб и символ новый,
мой двойник седоголовый,
откровений забытьё.
Истину тебе и мне
где искать:
в себе, в вине ли?..
На суровом полотне —
жизни краски потускнели.

— Берedit житьё-бытьё,
донимают буден бредни...
Одиночество моё,
собеседник мой последний.

1992

Свой стих, как след оставлю

Растаю звуком в вышине
вне слёз и славословий пышных.
И мир без сожалений лишних
легко забудет обо мне.
Но в том -
навек ушедшем дне —
оставлю стих свой
б е з о т в е т н ы й,

как кисти след,
едва заметный
на многоцветном полотне.

1993

Лариса КИСТИНЕВА

Член общероссийского Союза военных писате-
лей «Воинское содружество», город Воронеж

Подснежник

Разлюблю его. Я вновь
Так вчера решила.
А нужна ль моя любовь?
Так и не спросила.

Сам не догадался он,
Что уже три года
В моем сказочном саду
Бродит непогода...

Мне сегодня недосуг.
Но весной подснежник
Вновь полнит все вокруг
Ароматом нежным.

Зоя КОЛЕСНИКОВА (ПОКОРНАЯ)

Поэт. Член Союза писателей России с 2001 года.
Автор семи стихотворных сборников. Родилась
в селе Елизаветино Бутурлиновского района
Воронежской области. Окончила исторический
факультет Воронежского государственного пе-
дагогического университета. В настоящее время
заведует музеем Воронежского государственно-
го архитектурно-строительного университета,
директор Воронежского регионального отделе-

ния «Литературный Фонд России», член правления Международной общественной организации писателей «Международный литературный фонд», член правления Воронежского регионального отделения «Союз писателей России», руководитель секции поэзии при Воронежской писательской организации.
Живет в Воронеже

И я вошла под свод церковный...

* * *

И я вошла под свод церковный.
И я молилась пред Мадонной,
чтоб нам увидиться потом
над тем таинственным листом,
где Лист, Петрарка и Сенека,
Конфуций, Пушкин и Стендаль
взошли над вечностью и веком
и восхитили близь и даль.
.....
И мы с тобой тому причастны.
Но краток принцип новизны
той самой страстности и страсти,
той неизбежности вины,
где каждый сам себя предрек:
поэт, философ и пророк...

* * *

Просила Боженьку: «Молитв
даруй о детях, внуках, муже...»
Взлетает ангел... Светлый лик,
пока молюсь, над ними кружит...

За них моя душа болит
на этом свете поминутно,
Ее вселенский долгий крик
унять, внимая, очень трудно.

* * *

Мне снился поезд, едущий в ночи.
В нем на вокзалах кто-то прибавлялся.
Никто не выходил. И без причин
никто не плакал и не улыбался.

А поезд шел. Скрипели тормоза.
Постукивали жалобно колеса...
Он тишину таинственно пронзал,
наискосок, и даже очень косо.

И вдруг возник вдали слепящий свет —
тот самый, что нас ждет в конце тоннеля...
.....
Мне снился сон, который много лет,
ко мне идет, не доходя до цели.

* * *

Надеюсь, что останется надежда,
надеюсь, опоздание не с руки...
А сердцу так близка речная свежесть,
медлительность течения реки.
Судьба порой искусно подбирает
рельефы соответственно уму...
И в этой драме роль свою играя,
тебя я все ж когда-нибудь пойму.
Надеюсь, что была тогда не боль,
надеюсь, что была тогда не нежность?
Но близость не услышана тобой,
а мною не увидена безбрежность.

* * *

Одичавшая кошка в заброшенном доме,
одичали у дома глаза.
На странице семнадцатой
в избранном томе
давний автор пытался сказать
о виденье в морозной дали,
о зеркальном присутствии снега:
как посмели мы, как мы могли
сделать в доме
привратником эхо?!
Чистый снег у забытых ворот,
на реке ждет нетронутый лед,
лед в ведре в замороженном доме.
Под замком наши души в погроме.

* * *

Я уже тебе не позвоню,
ты мой голос больше не услышишь.
И вослед покинувшему дню,
ночь к тебе опустится — на крышу.
День впитал немыслимые свойства
и души, и тела, и ума...
И, гадая над его устройством,
не печалься, не сходи с ума.
Постучится завтра в наши ставни
ясная, возвышенная суть:
если мы мудрей сегодня стали,
станем и нежней когда-нибудь.

Галина КУРБАТОВА

Держава

О, сколько их, себе искавших славы —
Тех, кто хотел бы покорить тебя.
Но ты, моя великая Держава,
Стоишь и всё! — Главы не преклоня.
Красуешься бескрайне величава:

Все так же твой непостижим простор.
Все та же стать! Тебе, моя держава,
Великой быть — всему наперекор!

Песня Лорелеи

Поэзии Генриха Гейне

Упоительно и жутко
плыть на голос Лорелеи...
Эти звуки, эта песня —
видно с бурей заодно.
Одинокое страданье —
безутешная затея;
Восхитительно и страшно
пить погибели вино.

Всё сильней раскаты грома! —
всё черней и ближе скалы.
Треск бортов — и в щепы вёсла,
как легко идти на дно...
Здесь исход решает ветер —
на судьбу надежды мало,
Потому что волны Рейна
с песней девы заодно.

Про Пегаса, Парнас и Интернет

Жарко стало на Парнасе,
Дел невпроворот —
Все желают — на Пегасе,
Весь честной народ.

Все сидят у мониторов
В полночь и в обед.
Стих по счету, уж который!
Втиснут в Интернет.

И мечтает — нешто кстати?
Всяк пиит, что вот
Вдруг появится читатель,
Что-нибудь прочтет.

И на чтение чтоб потратил
Хоть минуты три.
Так что жди его, приятель,
Не проспай, смотри.

От компьютера ни шагу —
Вдруг окажут честь,
А крылатая коняга...
Может где-то есть.

Александр ЛАТУШКО

Председатель комитета по культуре и истори-
ческому наследию Воронежской областной
Думы

«Блажен, кто верует...»

Неверья мутного туман
Заполонил всё окруженье
И перспективу продвиженья
Оборотил в пустой обман.

И стали зыбкими шаги,
И горизонт придвинут ближе,
И планка падает всё ниже...
В преддливании враги.

И никого не удивить
И вдохновенным озареньем —
Туманным залита сомненьем
Вещей связующая нить.

И проступают тут и там
Из тьмы бесовские ухмылки,
Развесив лица и затылки,
Как злые маски по углам.

Ликует дьявольская сходня
Из сытых ханжеских витий,
Забыв про заповедь Господню:
Ни в коем разе «Не убий!»

И мы, не ведая того,
В тумане лжи по горло вязнем,
И, может статься, все погрязнем,
Не разбирая, кто кого.

Но верю, всё ж настанет миг,
Когда из вышнего чертога
Грядёт, грядёт веленье Бога:
«У Истины очистить лик!»

Христос на землю вновь сойдёт
И слово Божие восславит,
Тех без спасенья не оставит,
Кто с верою в душе живёт!

Жизнь моя

Жизнь моя! Какою мерой можно
Мне измерить по тебе маршрут,
Где я шёл спокойно, где тревожно,
Не считая лет, часов, минут?..

Все они, войдя в меня негласно,
Там остались знаками примет,

С ними то в ладу, то несогласно
Я живу... И сожаленья нет,

Что ты даром перевоплощенья
Мне забот отмерила сполна.
Лишь одно терзает сожаленье,
Что ты мне отпущена одна...

От проблем не прятался, не бегал:
Ставил, сочинял, играл и пел,
Что-то замечательное сделал,
Что-то, к сожаленью, не успел...

В чем моя заслуга, в чем вина,
Жизнь моя, я их не разделяю.
Ты не зря Всевышним мне дана.
Я тебя люблю. Нет, обожаю!..

Виктор ЛОБАЧЕВ

Член общероссийского Союза военных писате-
лей «Воинское содружество», город Воронеж

Лесной поцелуй

Свяжу я, коль сюда пришел,
все то, что разделили будни,
взволную гладь воды веслом
и запах трав вдохну всей грудью.

Там, где колено преклонив,
сережки клен роняет в речку —
среди верб, дубов, осин — один —
я засвечу костер, как свечку.

О, сколько музыки простой
звенит над чистою водою,
река течет живой слезой,
журча у берега в ладони.

И лишь к тебе не заверну,
прохладу сумерек почуяв...
А лес целует Савалу,
и Савала его целует!

После дождя

Цыплёнок-лунь пробился сквозь
скорлупку туч во мгле дождливой.
В гнездо из веток тополиных
наседкой черной села ночь.

Слова подсказывая мне,
в травинках зазвенел кузнечик,
дождей прослушавший все речи
на ветром вымытой земле.

На пруд сползла тумана шаль,
стал жемчуг неба взгляду близким...
И звон ночных полей российских
меня до дому провожал!

Алексей МАГДАЛИНИН

Заслуженный артист России, лауреат Тургенев-
ской премии и премии им. графа С.М. Каменско-
го. Автор поэтических сборников «Дебют», «Лю-
бовь — огромная страна», «Объяснение в любви»

Колдовское озеро

Стоит такая тишина,
Что слышно, как туманы тают...
К ладоням ластится волна
И тускло жемчугом сверкает.
Озёрной линии краса
Ни с чем, пожалуй, не сравнится.
А на закате небеса
Нам дома долго будут сниться.
Зачем о грустном говорить.
Оставим в прошлом всё мирское.
Нас будет озеро манить
К себе, как чудо колдовское.

Борису Пастернаку

И это не моя вина,
Что дни, как птицы, улетают.
Луна над озером видна,
Но скоро и она растает.

Уж видно лето на излёт.
Дожди пророчествуют слякоть,
Стрижей расчерченный полёт,
А вскоре снег, мороз и лёд...
«Февраль. Достать чернил и плакать».

Судьба

Прилетели подружки-синицы
И стучат осторожно в окно,
Отчего вам болтушкам не спится.
Ведь за ставнями слякоть, темно.

Отбивают «радистки» морзянку,
Не накликают б только беды...
Замела непогода делянку,
Где по осени много еды.

Вот и я постучался в окошко,
На мгновенье прервав свой полёт...
Тишина. Да разбитая плошка.
В этом доме никто не живёт!

Наталья МАРТИНЕЦ

г. Москва

С надеждой

В потемках души человеческой
Легко заблудиться порой,
Теснятся там горе и радости,
И заняты мысли игрой.

Меняем мы маски, искусственно
Ведём себя в разных местах,
Заботимся о выживании,
Досуге, деньгах и постах.

Не видим за разными ликами
Себя без причуд и гримас,
А Бог молчаливо и горестно
С надеждой взирает на нас.

Как поздно спешит понимание
В закате бесценнейших дней,
Что ж, время не слышит страдания
Уставших от жизни теней.

Скроить увлекаемся наново
Любви зарастающий путь,
Теряя в словесном плутании
Великую мудрости суть.

28 августа 2009 г.

* * *

Связуются незримо
Поступки и слова,
Пытаемся проникнуть
За тайны покрова.

Движение ль направляем,
Пред будущим стоим,
Мы сами светом мысли
Судьбу свою вершим...

Прощать необходимо
Всех, кто живет с тобой,
Их раны неизбежно
Зияют остротой.

И если станет легче
От твоего добра,
Согреется пусть каждый
У славного костра.

8 октября 2009 г.

* * *

Недосказанность есть во всем:
В несомненности прожитого,
В вашем мнении и в моем,
В призме опыта непростого,

В изумрудах влекущих глаз,
В ослепительной зимней стыни...
И в молчании, в тишине
Недосказанность есть поныне...

28 декабря 2009 г.

* * *

До свиданья, вчерашний день,
Скучный миг и дожди лихие,
Солнце мощью слепит окно —
Смело бросим слова пустые!

Не поддержим слезой печаль,
Узаконим на сердце благодать, —
Царством Света, как страж, войдет,
Запоздалая, в душу радость...

6 апреля 2010 г.

Виктор МОЛДОВАНЦЕВ

Конец лета

В траве высокой бегают букашки.
Лучом бьёт солнце прямо в темя мне,
Щебечут звонко свои песни птички,
И хорошо, как в сладком детском сне.

Летают пчёлы, собирая взятки
С цветущих летних луговых цветов.
Шмели, как бы играя в прятки,
То прилетят, а то исчезнут вновь.

Стоит вторая половина лета,
На горизонте тёмных тучек нить.
Ещё хлебами поле дальше одето,
А небо вновь его готовится полить.

Как пушек гром, доносятся раскаты.
Слепящих молний стрелы в землю бьют.
От водопоя скот идёт рогатый,
А пастухи коровам вслед бредут.

Летний вечер в селе Дубки в 1897 г.

Закатилось солнышко, сумрак всё сгущается.
На гулянье молодёжь споро собирается.
Одевают девицы лучшие наряды
В них покрасоваться они будут рады.

Парни чуб прижали к картузам ладошкой
Кто-то с балалайкою, ну а кто с гармошкой.
Ждёт кого-то любушка. Ждёт, косой играет
Ну а кто-то важничает, только выбирает.
Малолетки стайками в стороне снуют.
Лузгают подсолнечник, шелуху плюют.

Пареньки-задиры к девкам подбираются.
Дёрг за юбку, за косу и сбежать пытаются.
Девки вслед кидаются вроде бы с обидой
С прёками-попрёками больше лишь для виду.

Нюрка, точно барыня, прошлась на каблуках.
До чего же хорошо тут, у нас в Дубках.

Без тебя

1

Не представляю даже как жить без тебя
А ведь совсем недавно мог жить не любя.
Смеялся лишь над теми, кто влюблён.
Теперь, я знаю, то был сон.

Без тебя
Стала жизнь безнадёжно пуста.
Без тебя
Я наказан судьбой не спроста.
Без тебя
Мне и жизнь без тебя не мила
Без тебя, без тебя, без тебя.

2

Ты призраком мелькнула и исчезла опять.
Не знаю даже я где тебя мне искать.
Я буду в месте встречи часами стоять,
Чтоб спросить, как любовь мою звать.

3

Дарит неон реклам всем свой призрачный свет.
Пусть кто-то улыбнётся на взгляд мой в ответ.
Или шаги замедлив, вдруг скажет: — Привет!
Я грустно улыбнусь во след.

4

Надеюсь всё же я, что мы встретимся вновь
И что подаришь ты мне свою любовь.
Пока же я живу, и тоски не тая
Без тебя я ведь больше не я.

Александр НЕСТРУГИН

Александр Нестругин родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Автор шести сборников стихов, вышедших в Москве и Воронеже. Стихи и эссе печатались в различных журналах. Лауреат премии воронежского комсомола имени Василия Кубанёва (1988), всероссийской литературной

премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2008). Член редколлегии журнала «Подъём». Член Союза писателей России

* * *

Ни конторы нет, ни гаража,
Ни колхоза нынче, ни зарплаты...
Пахари уходят в сторожа,
На подсобы едут, на подхваты.

Вроде — на чуток, не навсегда,
Только жизнь давно чужда идиллий.
Пахарей уводят в города,
Как в полон когда-то уводили...

А в полоне м знамо, не глазей! —
На «лесах» скользя, канавы роя...
Мчит битком набитая «Газель»
Вглубь вахтовладельческого строя.

Темень встречным светом, как ножом,
Полоснёт, без всякой задней мысли,
— И отрежет мужиков от жён,
От детишек, что на шее висли.

И — на две недели, на века?
— Замышление бунта и побега,
Смена — «от пинка и до пинка»,
Вместо той — от снега и до снега.

* * *

— В центре обрезали тополя, видел?
— Так пусто стало...
Из разговора

Райцентр, меня прижми
К ветвям своим недужным.
К тому, что меж людьми
Стихает ветром южным,
Ещё порой скользя
Застенчиво по лицам...
Что выказать нельзя
Усмешливым столицам.
Беда идёт горой,
А мы пойдём — долиной...
Верни мне прежний строй
Хотя бы тополиный!
Верни мне воздух твой,
Не «измы» и не культы...
Подёрнулись листвою
Белеющие культы,
Но минет век — иль год —
И снова взвизгнут пилы.
Верни мне воздух — тот,
Что только вместе пили...

* * *

Здесь, где филин лает на луну,
Здесь, где лес-валун и листьев пена,
Я держу свои слова в плену —
И зову, зову бежать из плена!

Этот луг до самых звёзд открыт,
И раскрыты звёздные скрижали.
Но повсюду лунный свет стоит,
И слова к молчанию прижались...

* * *

Много ли значит он, вид из окна —
И затуманен стеклом, и не нов?
Вид, что упрямо хранит племена
Вётел разлтых, талов и тернов...

Вид, что окну твоему надоел:
Луг, огород, и ещё огород.
Речка. И всхолмий ликующий мел,
Что на поруки безвестность берёт.

Зябнувший прочерк лесной полосы —
И горизонта округлый нажим...
Стёжка, которую ты на весы
Века — с туманом речным — положил.

Время забыло друзей имена.
Имя страны ветер носит листвою.
Он же всё ловит, тот вид из окна,
Взгляд неотрёкшийся стынувший твой.

Ольга НЕТРЕБА

Студентка 1 курса очного отделения психолого-педагогического факультета ВГПУ, (дошкольное образование и иностранный язык)

Маленькое слово

Среди разных слов есть одно,
Что не «рубит в Европу окно»,
Это слово здесь рядом, в тиши,
Это слово здесь рядом. Ищи!
Это слово зовет по утрам,
Оно снится тебе по ночам.
Оно душу греет зимой,
Это слово все время с тобой!
Это слово зовет тебя в путь,
Это слово не даст нам вздохнуть.
С мягкой грустью звучит... и потом
Выдыхается: «Слово — мой ДОМ»!

Сергей ПОПОВ

Доктор медицинских наук, профессор ВГМА.
Неоднократный участник Дней Поэзии ВГУ.
Член ПЕН-клуба, Союза российских писателей.
Автор многих книг стихов и прозы, публикаций в российской и зарубежной периодике.

* * *

упрямо кривая вольфрама
в сырой промышленности ночи
как будто подзорная фара
с пожарной глядит каланчи

как будто бликует булыжник
неведомой нам мостовой
и режет рукой чернокнижник
причудливый пламень живой

и рушит вода дождевая
стекла световую игру
осеннюю ночь доживая
чтоб высохнуть вдрызг поутру

резвится стервец и насмешник
над кипельной плотью листа
пока умирает орешник
и смерть словно пламень чиста

пока догорают пожары
обид и больного ума
и неразличимы стожары
снаружи небес и кайма

простёртой до неба завесы
с прожилками ламповых дуг
и чьи не прочесть интересы
пасёт безязыкий пастух

заводит созвездия в доли
беды и ненастья в настил
где вспыхивают глаголы
навстречу комплоту светил

и сучьев промозглые жилы
впотьмах окаймляют дымки
и вольты настольные живы
текучей воде вопреки

* * *

Пусть окрест пути-дороги замело,
наглотавшись валидольных кругляшей,
гнусным метеоусловиям назло
старый путаник гуляет не пришей.

Он петляет среди мусорок и льдин,
молча смотрит на прибрежные дымки.
То над пивом пригорюнится один,
то застрянет с рыбаками у реки.

Эта льдистая лукавая река —
вся в промоинах и трещинах наскрозь —
так и манит пешехода-ходока —
оторви его, болезного, да брось.

Он, родной, поотрывался за троих,
съехал с горки на растресканный ледок...
А едва глаза прикроет — в тот же миг
в чёрном омуте окажется ходок.

Там холодный ил времён непроходим,
там имён непроворотная куга...
«Покоптим, — пообещает, — покоптим.
Эка невидаль — иные берега?»

* * *

Поделом тебе — кончились все припасы,
пчелы вымерли — в дуплах черно и глухо.
Жизнь отшибная, шпанские прибабасы —
волчьи ноги, собачий нюх да кабанье ухо.

Прозябанье зяблика, беличья суматоха,
страсть крота, червяка земляное зренье —
кровь свернулась, выветрилась эпоха
слушать листья, перебирать коренья.

И уже пришла пора обернуться ветром
по угожьям прежних своих знакомых,
кожной дрожью, облаком безответным,
сном пернатых, прихотью насекомых,

ранним сполохом, воргуля волглым бликом,
слабым светом в тесных лесных прогалах,
чехардой теней в разнотравьи диком,
чередой огней на заимках малых,

редкой искрою перескочить вживую
в круговой разбег поднебесных токов,
жизнь-обжорку, чушку сторожевую,
подкупив плодами ее уроков.

* * *

кого зовут тот ускользает
что называют исчезает
пуста воздушная волна

сквозной язык пленён добычей
с воловьей волей силой бычьей
он умножает имена

коварством лисьим и крысиным
грозит овинам и осинам
несмелой тверди здешних мест

и речь как вечная пиранья
вне рифм и знаков препинанья
сырое мясо яви ест.

Татьяна ПЧЁЛКИНА

Инженер-технолог ОАО «Тяжмехпресс»

* * *

Вычерчивая яркий след,
Звезда летит по небу...
Мечты моей далёкий свет —
Как будто был и не был.
С такою скоростью летит —
Всего одно мгновенье,
Но это не метеорит —
Сердечное биенье.
Что мне сулит звезды полёт?
Не загадать желание...
Но ведь другая упадёт
И снова — ожидание.
Я верю, что смогу поймать
Момент её сгорания.
Ещё успеть бы загадать
Заветное желание!

* * *

За изменой встречаю измену,
Сквозь авралы иду и прстои.
Я привыкла платить эту цену —
Независимость дорого стоит.

За прямые пути — наказанья.
Только совести не разменяю,
И сомненья мои и терзанья
Всей душою своей принимаю.

Принимаю свои неудачи,
Рада буду чужому везенью.
Только так я живу, не иначе,
И по собственному убеждению.
Выбираю друзей по желанью,
И свой путь начинаю сначала.
И меня не страшат расстоянья —
Лишь бы душа моя не мельчала.

Жизнь откроется с новой страницы
В сотый раз, может верный.
И уж если пришлось мне родиться —
Значит, следует жить непременно!

Аня РАЗУМОВА

Ученица Московского лицея № 1500 имени
А.С. Пушкина

Одуванчик

Одуванчик, милый цвет,
Был пушисто разодет.
Был красив он и пригож.
Чем-то на меня похож.
Ветерок вздохнул —
О, нет,
Стал ты лысым,
Словно дед.

Игра

Игра — ваш азарт, захватите его.
Игра — это страсть, получите ее.
Игра — это вызов, примите его.
Игра — ваш расчет; просчитайте ее.

Игра — удовольствие, вкусим его.
Игра — это бездна, страшитесь ее.
Игра — это счастье, поймите его.
Игра — это жизнь: мы играем в нее!

Варвара РЫЖКОВА

Ученица 11 класса гимназии им. А.В. Кольцо-
ва, г. Воронеж

Осень рыжей девочкой явится на порог,
Ядовитым дротиком, вялой тоской.
Капли дождя, собирай теперь их рукой.
Меланхолия и хандра, как туманной пеленой,
Вновь накроют и потихоньку затянут в быт,
А потом и зима в глаза поглядит.

Зимой уже не вспомнить осень, навалившуюся враз
рутину,
Выцветающее лето, и даже противно, что всё это
было:

Моря, океаны, горы,
А теперь остались одни разговоры,
Ускользящее солнце, вечная слякоть и жуткий холод.
Так скучен и пресен стал этот город.
Воспоминания уже мучат, хоть ты ещё молод,
Но никто не глуп, а, наоборот, умён.
В голове проносится странная цепь имён.
Воздух сух, и ты, кажется, обречён:
Просто ты теплом и осенью обделён

Ну, а скоро зима.
Будет медленно таять лёд,
Сначала холодно, потом наоборот,
Придёт весна, несутся мимо лица,
Нам станет легче —
Не остановиться.

Анатолий СМЫШНИКОВ

После школы связал свою жизнь с армией. Про-
шёл Афганскую войну. Прекрасно рисует, вы-
ставлял свои работы на многих выставках. Сти-
хи начал писать в юношеском возрасте. Песни
на его стихи звучат в спектаклях театра драмы
имени А. Кольцова. Готовит к публикации лите-
ратурно-художественное издание своих стихов

* * *

В окошке храма чьи-то лица,
Огни дрожащие свечей.
Звонят к вечерне, снег искрится
В последнем проблеске лучей.

Мне этот вечер — как награда,
Как отпущение вины.
Здесь, за церковною оградой,
Сам воздух кажется иным.

Нет будней серого налета,
Нет страха подлого в груди
Лишь ощущение полета
По неизвестному пути.

Я лба коснусь тремя перстами,
Взгляну на небо, чуть дыша...
Там кружит голубь над крестами,
Как заплутавшая душа.

* * *

Высоких звезд таинственная вязь,
В экранах стен дрожат ночные страхи.
Сквозь хрупкий сон я слезы лью о прахе,
В безвременье зеркальном растворясь.

В провал окна холодный льется свет,
Томится тело, испросив покоя.
И лоб прикрыв, пылающий, рукою
Я с теми говорю, кого уж нет:

«И я здесь часть, и я здесь до поры,
Гремят уж цепи, сбрасывая грузы.
То Божьи руки открывают шлюзы
Для перехода в новые миры!».

Река детства

Цветущих лилий запах пряный,
Над дымкой вод дрожит рассвет.
И нет мостов, тех, деревянных,
Да и реки, той, прежней, нет.

И заросла и обмелела,
Пропала сила у реки...
А раньше, помнится, гудела,
Лед разбивая о «быки».

На тростнике стрекозы дремлют,
Плотвы беспечен хоровод...
Зубами свай смеется время
Над всем былым, сквозь толщу вод.

Я расстелю на старой лодке
Газету, снеси покрошу.
Налью и выпью белой водки
И черным хлебом закушу.

И опущу ладони в реку,
И нагяжусь на небо всласть...
Немного нужно человеку —
На час на Родину попасть.

* * *

Ты спас меня мой ангел, ты помог,
От черных стрел закрыв покровом белым.
А небо начинается у ног
И вверх идет, и нет ему предела.

На самый край предела опускаюсь,
Где пар дробится, облака вращая,
И всем кто должен — долги отпущу
За то, что Бог мне многое прощает.

Татьяна СОБОЛЕВА

Доктор медицинских наук, профессор ВГТА

Лучик света

Не пойму, что в этой жизни надо.
Как прожить, никак я не пойму.
Я зажгу печальную лампаду.
С ней войду в сжигающую тьму,
Чтоб увидеть Свет в конце тоннеля,
Чтоб Душа рванулась к нему,
Чтобы будни стали нам милее,
Лучик Света раздвигает тьму.
В нем одном и Радость, и Веселье,
Он один — и сердцу, и уму,
В нем Любовь, Надежда на Спасенье.
Он один рассеивает тьму.

Он один — мой путь в житейском мраке,
Всей Душой стремлюсь я к нему.
Лучик малый развернется в факел,
Торя путь в удушливом дыму.

Надежда

В полной тьме и сейчас, как прежде,
Только Вера несет исцеление,
Оставляя прозренью Надежде,
Зная, та умирает последней.
Пусть убиты Добро, Состраданье,
И подмяты и Долг, и Честь.
На могилах погибших цветенье
Идеалов, которые есть.
Есть еще! Не забито словами
(Как мечтают об этом чинуши)
Всё, живущее в людях веками,
Не растоптаны наши Души.
Не тревожит и мнение света,
От него укрываюсь в тиши,
Поклоняясь канонам Завета,
Как спасению честной души.
Боль других, доброта; милосердие —
Не суди, не унизь, не убей!
В сердце чутком возрастает усердие,
Вызов злу...
Торопись! Не робей!

Мария СОКОЛОВСКАЯ

Член Союза Российских писателей, руководи-
тель творческого объединения «ССПиМ»

* * *

Такие сложные молитвы
С трудом дочитываешь вслух.
Как будто наступает вечность,
А ты всем сердцем — не готов.
Измучен временем, пространством
Свободой выбора, стихами
И мыслью — с каждым днем сложнее
«Помилуй, Господи...» сказать.

* * *

Сегодня — дома. В пределах комнаты.
На звуки — взглядами отвечая.
Была душа как рыбка вспорота —
Раскайся, рви требуху печали!
А я застыла и жду спасения,
Как будто мне обещали свыше
Простить все вольные прегрешения
За просто так. А теперь — не слышат.

Катальпа

Изгибы черных ветвей — верны,
Застыли в стремленьях балетных па.
В траве у ствола одуванчики,
Качаясь, шепчут: «Уже весна!»

Прохожий горько вздохнул, спеша,
«Засохло, что ли, раз нет листвы?»
Но каждый год прихожу сюда,
И с южным деревом мы «на ты».

Когда садовые отцветут,
И лето вступит в свои права,
В широких листьях найдут приют
Цветов нежнейших созвездия.

Я буду рада одна дождю,
Приду к катальпам, чей аромат
Наполнит звонкую тишину,
И мысли — музыкой зазвучат.

Николай ТИМОФЕЕВ

Заведующий литературной частью драмтеатра
им. Кольцова

Четыре времени души

Цветущий сад. Беседка из сирени.
И майский полдень — светло-золотой.
Листва в саду едва колеблет тени.
И на душе блаженство и покой.

* * *

Тихо пахнет тёплой хвоей.
А над запахом, лесом и днём
Солнце катится голубое,
Голубым сияя огнём.

* * *

В парке сыро и молодо.
И скамейки пусты.
И светлеют от холода
Золотые кусты.

* * *

...Иду, одинокий, лесом.
Кругом ни души, ни межи.
Под белоснежным навесом
В раздумье земля лежит.

Иду, одинокий, лесом.
Кругом — ни межи. Ни Души.

Жанна ХРУПИНА

Библиотекарь, г. Воронеж

Ностальгия

Неоновый отблеск реклам
В зеркальной воде отразится.
Опять этой русской мадам
Родной городок будет сниться.

Тот город, где роскоши нет
И нет европейского лоска,
Но шлёт эмигрантке привет
Знакомая с детства берёзка.

Покая в далёкой стране
Душа много лет не находит,
И лишь ненадолго, во сне,
Её ностальгия проходит.

И первых трамваев звонки
Вдруг город притихший разбудят,
И женщина та у реки
Грустить вновь о родине будет.

* * *

Всё это в прошлом — речка и луга,
И меж лугов чернели огороды,
И в чистом небе радуга-дуга
Над нашим детством посреди природы.

Тропинка к речке не была прямой,
А змейкой извивалась та дорога,
И мы, устав, обратно шли домой,
В тени ракиты отдохнув немного.

И рвали колокольчики-цветы,
Плели венки, несли домой букеты,
И той неповторимой красоты
Мы не ценили, юные, при этом...

Исчезли живописные луга,
Затоплены водой все огороды,
Но память неизбежна и долга
О светлом детстве посреди природы.

Вьюга

А за окном снова носится вьюга,
Город заснеженный замер, затих,
В нём мы теряем, теряем друг друга
Каждую ночь, каждый день, каждый миг.

В вальсе прекрасном снежинки кружатся.
Бал их недолог, как сказочный сон,
А наш роман мог ещё продолжаться,
Но, не начавшись, закончился он.

Не затихает суровая вьюга,
И так печально гудят провода...
А мы теряем, теряем друг друга,
Чтобы расстаться потом навсегда.

Детский парк

Сигнал трубы торжественен и звонок,
Он стал набатом в сонной тишине.
Здесь в старом парке вновь трубит Орлёнок,
Сидящий гордо на лихом коне.

Трубач к бессмертной памяти взывает
Не повторился чтоб тот страшный миг.
Свидетели его не забывают
Внезапный взрыв, и стон, и громкий крик.

В тенистом парке хороши аллеи,
И слышен детворы весёлой смех...
И души наши делает светлее
Святая память о погибших тех.

Поёт труба серебряная звонко,
И мчится кон — аж пыль из под копыт...
Парк носит имя трубача Орлёнка,
И день, потрясший город, не забыть!

Наталия ЧИКОВА

Окончила среднюю общеобразовательную школу № 3 и музыкальную школу № 1. Двадцать четыре года отработала инженером в Центре по работе с клиентурой филиала ОАО «Воронеж-связинформ» г. Воронежа. Имеет публикации в периодике, автор книги стихов «Всё не случайно»

Зимняя сказка

Заскучала как-то вьюга,
Потеплела вдруг зима.
Развернуться бы подруге,
Завалить бы все дома.

Закружить бы всё метелью,
В снежном танце гопака,
Нарядить бы сосны, ели
В нежно-белые шелка.

И стучится вьюга в двери,
Отворить зиме велит.
И глазам своим не верит,
Смотрит: а зима-то спит!

«Ах ты, сонная царица,
Как не стыдно, вот беда!
Посмотри-ка что творится,
В январе кругом вода!»

Проспала зима-старушка,
На дворе уже февраль!
На замок скорей избушку
И бегом творить хрусталь.

Поклонилась низко вьюге,
Попросила поддержать,
Та запела свои фуги,
Стали дружно колдовать.

Заиграли в хороводе
Снежных кружев чудеса,
Фуэте метель заводит,
Аплодируют леса.

Всё вокруг преобразилось,
К нам опять зима пришла.
Засияла, заискрилась,
Зимней сказкой зажила.

Тридцать лет

посвящается Г. и К.

Тридцать лет!
Так не бывает, чтобы помнил ты меня.
Тридцать лет!
Я прожигала эти годы не любя.
Тридцать лет!
Своя дорога, свой вокзал и свой перрон.
Тридцать лет!
И у порога, каждый день встречал не ОН.
Тридцать лет!
Но вновь сначала сердца учащенный стук,
Тридцать лет!
Всю жизнь мечтала и теперь я вижу вдруг -
Красный цвет автомобиля, проседь ворона крыла,
Сердце ёкнуло — мужчина, как тебя давно ждала.
Это ты, всё так же юный, лишь померкла бирюза,
Этот взгляд, такой безумный, но как светятся глаза!
Мы по морю и по суши, каждый жил в своих делах,
Значит, зрели наши души, где-то там на небесах.
Для чего сегодня случай подарил нам встречу вновь?
Неужели нас помучить и проверить на любовь?

Стихотворения публикуются в авторских вариантах

Содержание

Предисловие

Дмитрий ЧУГУНОВ	1	Галина ЦАРАКОВА	1
-----------------------	---	-----------------------	---

Чтобы помнили...

Анатолий АБРАМОВ	2	Анатолий ПЕТРАШКЕВИЧ	4
Адольф БЕЛЯЕВ	2	Аркадий ПОПОВ	4
Владлен ВОРОНЕНКОВ	3	Николай РОМАНОВ	4
Анатолий КОБЗЕВ	3	Владимир СИСИКИН	5
Александр НЕМИРОВСКИЙ	3	Инна ЧЕРНЫШЁВА	5
Виктор ОСКОЛКОВ	3	Владимир ЧЕСНОКОВ	5

Alma mater

Александр ДРОНОВ	6	Аркадий ПРЕСМАН	8
Татьяна ЖИРОНКИНА	6	Рудольф РУДЧЕНКО	8
Роман КРУТАКОВ	7	Владимир ТУЛУПОВ	9
Людмила КОЛЬЦОВА	7	Юрий УДОДОВ	11
Нелли КУРОЛАП	7	Галина ЦАРАКОВА	11
Николай ПИСАРЕВСКИЙ	8	Ольга ЧЕРВИНСКАЯ	11

К юбилею Самуила Яковлевича Маршака (1887—1964) Переводы. Кафедра английского языка профессора М.А. Стерниной

Артём ВОЛКОВ	12	Анастасия КАВЕРИНА	12
Анна СКОБАНЁВА	12	Богдан ФЕТИСОВ	13

Университетская муза

Людмила АЛЬПАТОВА.....	14	Алексей ПОПОВ	44
Владимир БЕЛИКОВ.....	16	Татьяна ПОПОВА	45
Валентина БЕЛЯЕВА.....	16	Аркадий ПРЕСМАН	45
Елена БЕСПАЛОВА	17	Ирина ПРЕСНЯКОВА	47
Валерия БОБРОВА	17	Людмила ПРОХОРОВА (ПОРУЦ).....	48
Николай БОГУСЛАВСКИЙ		Валентин РАХМАНИН.....	48
и Елена СМОЛИЦКАЯ.....	18	Рудольф РУДЧЕНКО.....	51
Ирина БУТОВА	19	Дарья РУСОВА.....	52
Наталья ВОЛКОВА	19	Юлия САНИНА.....	53
Александр ВЯЛЫХ	20	Иоланта СЕРЖАНТОВА	54
Александр ГЛАУБЕРМАН.....	20	Лилия СИНЮГИНА	55
Олег ГУЛЬКО	21	Склярова ТАТЬЯНА.....	56
Владимир ГУРЕЕВ	22	Елена СМОЛИЦКАЯ.....	57
Вадим ДЕМЧЕНКО	22	Константин СОЛОМАХИН	58
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО.....	23	Эмма СТАРОВА	58
Вера ЖЕРДЕВА	24	Софья СУДАКОВА	59
Татьяна ЖИРОНКИНА	26	Татьяна СУХАНОВА	59
Лариса ЗИМИНА	27	Владимир ТУЛУПОВ.....	60
Василий ЗУБКОВ.....	27	Юрий УДОДОВ	61
Дарья КНЯЗЕВА	28	Светлана ФИЛЮШКИНА.....	62
Вячеслав КОЗЛОВ	29	Галина ХОЖАИНОВА.....	62
Виктор КОЛЕСНИЧЕНКО	31	Людмила ХОМЯКОВА	63
Людмила КОЛЬЦОВА	32	Ирина ХРИПУНОВА.....	64
Мария КОНОРЕВА	34	Галина ЦАРАКОВА	64
Роман КРУТАКОВ	35	Яна ЦЫГАНКОВА	66
Юрий ЛЕБЕДЕВ	35	Анастасия ЧЕРВИНСКАЯ	67
Виктория ЛЕБЕДИНСКАЯ	37	Ольга ЧЕРВИНСКАЯ.....	67
Валентина МАЖУЛИНА (МЕЛЁХИНА)	38	Елена ЧИГИРЕВА.....	68
Максим МЕРЛЕВ	39	Дмитрий ЧУГУНОВ	69
Анастасия МИЩЕНКО	40	Виктор ШАМРАЙ	70
Сергей НАСЫРОВ	41	Дмитрий ШАТАЛОВ	71
Эльвира ПАРХОЦ	41	Станислав ШЕВЧЕНКО	71
Николай ПИСАРЕВСКИЙ	43	Максим ШЕСТАКОВ.....	72
Татьяна ПОВАЛЮХИНА	44	Джабраил ЯХЬЯЕВ	72

Наши гости

Татьяна АГИБАЛОВА	74	Виктор ЛОБАЧЕВ	87
Николай АВДЕЕВ	74	Алексей МАГДАЛИНИН	87
Виктор БАТРАЧЕНКО	75	Наталия МАРТИНЕЦ	88
Владимир БОЛГОВ	77	Виктор МОЛДОВАНЦЕВ	88
Ангелина БОРОДИНА	77	Александр НЕСТРУГИН	89
Александра БОЧАРОВА	78	Ольга НЕТРЕБА	90
Ирина ВАСИЛЬЕВА	79	Сергей ПОПОВ	90
Алла ГАБРЕЛЯН	80	Татьяна ПЧЁЛКИНА	91
Ольга ГОСТЕВА	81	Аня РАЗУМОВА	92
Анатолий ДЕДОВ	82	Варвара РЫЖКОВА	92
Константин ДРОВЯННИКОВ	83	Анатолий СМЫШНИКОВ	92
Марина ДУБИКОВА	83	Татьяна СОБОЛЕВА	93
Михаил КАМЕНЕЦКИЙ	83	Мария СОКОЛОВСКАЯ	93
Лариса КИСТИНЕВА	84	Николай ТИМОФЕЕВ	94
Зоя КОЛЕСНИКОВА (ПОКОРНАЯ)	84	Жанна ХРУПИНА	94
Галина КУРБАТОВА	85	Наталия ЧИКОВА	95
Александр ЛАТУШКО	86		

ВУ

УЧРЕДИТЕЛИ: коллектив ВГУ, профкомы ВГУ

Газета зарегистрирована Центрально-Черноземным региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о СМИ 11.05.1999 г. Рег. № В 1794

Редакционная коллегия

394006, город Воронеж, площадь Ленина, дом № 10, комната № 87
Тел.: 222-60-59,
gazeta_vu@inbox.ru, steinberg@vsn.ru
Номер подписан в печать 18.03.2013. По графику – в 17.00,
фактически – в 15.10

Бесплатно

Спецвыпуск газеты «Воронежский университет» – Альманах «День поэзии»

Отпечатано в типографии ИПФ «Воронеж».
394000, г. Воронеж, проспект Революции, 39.
Заказ 768-13. Тираж 1500.

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Выпуск LVII

*Посвящаем юбилею
Воронежского государственного университета
(1918—2013)*

*Мне есть что спеть,
представ перед Всевышним.*

Васильев